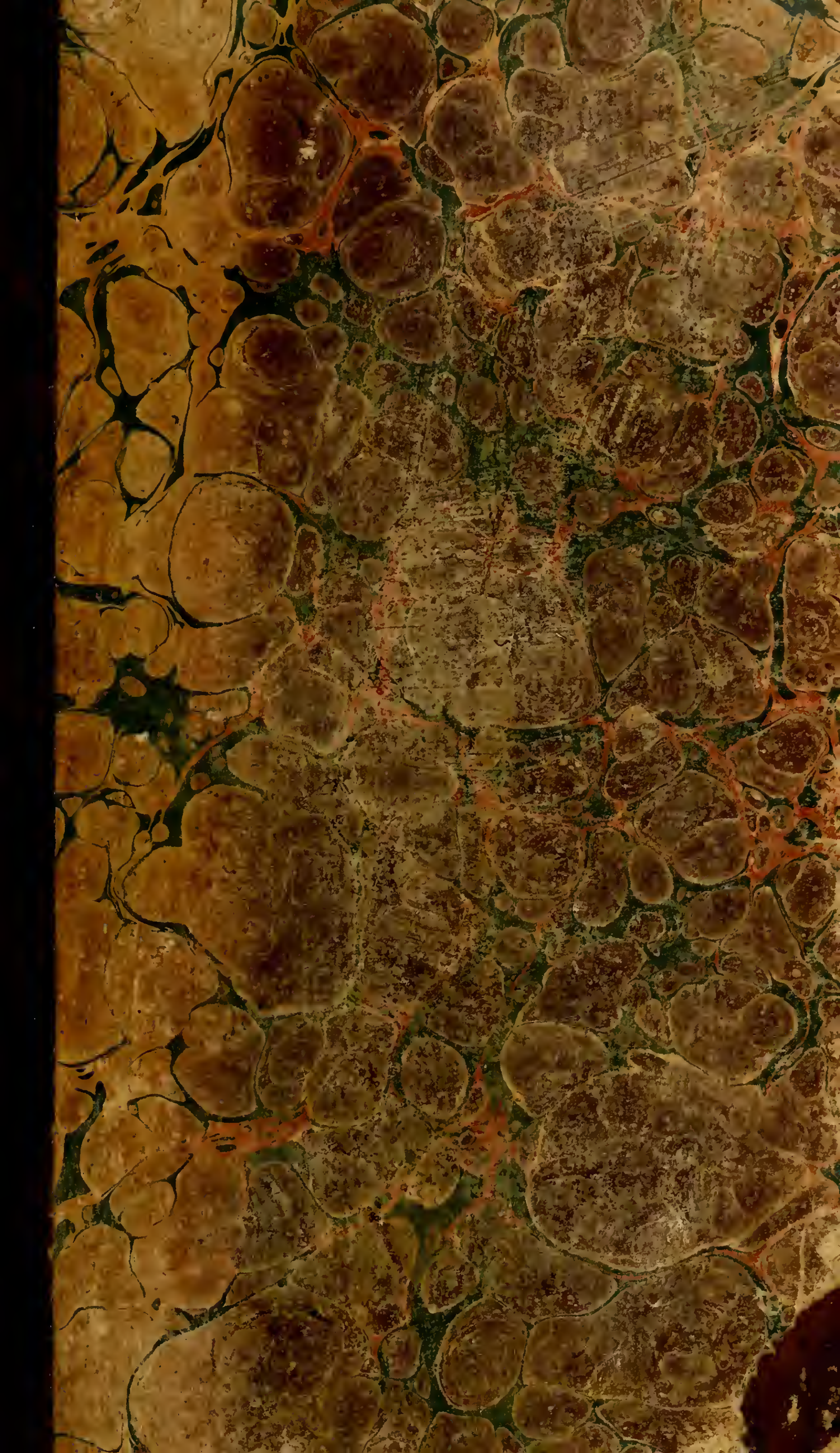


СОЧИНЕНІЯ

ПАВЛА КАТЕНИНА.

СОЧИНЕНІЯ

И

ПЕРЕВОДЫ

ВЪ СТИХАХЪ

ПАВЛА КАТЕНИНА,

СЪ ПРІОБЩЕНІЕМЪ НѢСКОЛЬКИХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ

КНЯЗЯ НИКОЛАЯ ГОЛИЦЫНА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Сочиненія.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи вдовы Плюшара.

1832.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра.

С. Петербургъ, Ноября 22 дня 1852 года.

Ценсоръ *Н. Бутырскій*

Отъ Издателя.

Исторія Русской Поэзіи, въ короткое время ея существованія, представляетъ уже намъ довольно разнообразныхъ случаевъ. Мы имѣемъ Стихотворцевъ, которые при жизни насладились громкою славою, но послѣ смерти преданы забвенію. Имѣемъ и такихъ, которые были почти неизвѣстны современникамъ, но нынѣ уважаются потомками. Есть у насъ также примѣры, что поэты сохраняютъ доброе о себѣ мнѣніе публики только потому, что сочиненія ихъ разсѣяны въ журналахъ, и никогда не были собраны и напечатаны отдѣльно; но едва-ли кто либо изъ нашихъ Стихотворцевъ, изданіемъ полнаго собранія своихъ произведеній пріобрѣлъ отъ современниковъ похвалу, которою они скупо надѣляли его прежде. Я ожидаю сего благаго послѣдствія отъ изданія въ свѣтъ Стихотвореній П. А. Катенина.

Почти при вступленіи на поприще Словесности, онъ былъ встрѣченъ самыми несправедливыми и самыми неумѣренными критиками. Нѣкоторые изъ Писателей, даже уважаемыхъ публикою, какъ бы сами стыдясь своихъ поступковъ, скрывали свои имена, и подъ вымышленными названіями печатали въ журналахъ пристрастныя сужденія о его произведеніяхъ. Другіе менѣе извѣстные, хотя иногда

и не скрывали именъ своихъ, но боясь, чтобы читатели не усомнились въ чистотѣ ихъ намѣреній, видя часто подпись ихъ подъ критиками на одного писателя, разнообразили оную и старались обмануть легковѣрныхъ.

Такимъ образомъ, появленіе каждаго новаго Стихотворенія Г. Катенина сопровождалось въ журналахъ новыми нападеніями его антагонистовъ. Всѣ ихъ писанія носили на себѣ явную печать пристрастія, а нѣкоторыя сверхъ того и непростительнаго незнанія дѣла; но тѣмъ не менѣе они вредили поэту, подобно какъ въ странахъ и болѣе образованныхъ нежели Россія, подкупные свистки райка вредятъ часто успѣху хорошей Трагедіи.

Глубокое молчаніе Г. Катенина и вѣрность правиламъ, которыхъ онъ объявилъ себя единожды послѣдователемъ утомили наконецъ его противниковъ. Можетъ быть даже нѣкоторые изъ нихъ, увлеченные сначала примѣромъ и желаніемъ блеснуть своимъ остроуміемъ, потомъ увидѣли свою ошибку. Словомъ, всѣ они мало по малу смолкли и благопріятные отзывы о Стихотвореніяхъ Катенина начали появляться въ журналахъ; но отзывы сіи не могли произвести вполнѣ дѣйствія своего надъ публикою, не бывъ подкрѣплены чтеніемъ самихъ стиховъ, ибо кому охота перечитывать Сынъ Отечества и Вѣстникъ Европы за минувшіе годы?

Принявъ на себя изданіе Стихотвореній Г. Катенина по личнымъ моимъ отношеніямъ къ Автору, которыхъ нѣтъ нужды знать читателямъ, я не хочу никому усту-

нить права сказать первый мнѣніе свое объ издаваемой мною книгѣ.

Нельзя быть хорошимъ писателемъ, не имѣя многихъ различныхъ достоинствъ, но каждый преимущественно отличается тѣмъ или другимъ. Въ Катенинѣ, по мнѣнію моему, два заслуживаютъ особенное вниманіе: *оригинальность* и *богатство вымысла.*

Оригинальность есть одно изъ самыхъ рѣдкихъ качествъ нашихъ Поэтовъ. Оно такъ рѣдко, что даже тѣ изъ нихъ, которые, оставя Французовъ, начали подражать Нѣмцамъ или Англичанамъ, прослыли оригинальными и породили толпы подражателей. Г. Катенинъ въ этомъ отношеніи мало имѣетъ соперниковъ, которые съ успѣхомъ могли бы съ нимъ состязаться. Нетолько содержаніе всѣхъ Стихотвореній, заключающихся въ 1-й части сего изданія, принадлежитъ ему и не заимствовано ни у какого Иностраннаго или Русскаго Поэта; но даже краски и форма большей части изъ нихъ совершенно новы. *Наташа*, *Убійца*, *Лѣшій*, *Мстиславъ Мстиславичь*, *Старая Быль*, *Элегія*, суть единственныя въ своемъ родѣ произведенія, въ которыхъ все создано вновь, или по крайней мѣрѣ является въ новомъ видѣ. *Софоклъ*, *Міръ Поэта* и *Ахиллъ и Омиръ* если не представляютъ глазамъ той новости красокъ, за то особенною формою своею придаютъ имъ свѣжесть. Въ *Идилліи* и краски и форма заимствованы у древнихъ; но содержаніе оной совершенно оригинально, и вѣрность подражанія въ отдѣлкѣ составляетъ въ семъ случаѣ особенное достоинство, ибо древніе давали Идилліи большій объемъ, нежели

новѣйшіе Стихотворцы, и Г. Катенинъ хотѣлъ насъ познакомить съ настоящею Греческою Идилліею.

Подъ *богатствомъ вымысла* я разумѣю выборъ предмета, который даетъ возможность Автору разнородныя красоты и многоразличныя изображенія соединить въ одно цѣлое и привести къ одной цѣли. Такъ напримѣръ: въ *Софоклѣ* соединена занимательность повѣсти съ высокими лирическими красотами и съ силою трагической страсти; въ *Мірѣ Поэта*, какъ въ представленіяхъ волшебнаго фонаря, проведенъ передъ глазами зрителей весь поэтическій бытъ Евреевъ, Грековъ и новѣйшихъ народовъ Европы; въ *Ахиллѣ и Омирѣ* является намъ простота древняго разказа со всѣми блестящими красками лирическихъ описаній. Разсматривая со вниманіемъ сіе произведеніе, нельзя не подивиться богатству вымысла онаго. Таинственное описаніе Ахиллова острова, поэтизированное изображеніе Амазонокъ, исполненное жизни появленіе ихъ на гробницѣ Ахилла, пастушескія занятія Омира, разсказъ его обильный мыслями и картинами, въ которомъ каждый стихъ переноситъ насъ во времена древней Греціи, торжественная и грозная тѣнь Ахилла, наконецъ быстрый и одушевленный чувствомъ Поэта взглядъ на судьбу Омировыхъ твореній, — все это есть слѣдствіе искуства, съ какимъ Авторъ воспользовался однимъ почти забытымъ преданіемъ о творцѣ Иліады и Одиссеи.

Къ изобрѣтательности должно отнести также разнообразіе Стихотвореній Г. Катенина, изъ которыхъ почти каждое принадлежитъ кажется особому писателю, и богат-

ство размѣровъ, приспособленныхъ къ содержанію. По сей искусственной такъ сказать части Стихотворства, произведенія Г. Катенина заслуживаютъ быть внимательно разсмотрѣны художниками. Гекзаметръ подъ перомъ его освободился совершенно отъ тяжести и неловкости, которыя заставляли *иныхъ жаловаться, что стихъ сей трудно читать.*

Слогъ Катенина разнообразенъ, какъ предметы имъ описываемые, и потому трудно оцѣнить оный однимъ словомъ. Я замѣчу здѣсь однакоже, что нѣкоторые Критики обвиняли его въ употребленіи обветшалыхъ словъ и выраженій. Неосновательность сего обвиненія, при изданіи нынѣ Собранія Стихотвореній сего Сочинителя, сама собою дѣлается явною, и не требуетъ никакихъ возраженій. Общее сіе заключеніе было основано на переводахъ Г. Катенина изъ Библейскихъ Трагедій Расина, и то людьми, которые не зная порядочно ни Французскаго, ни Русскаго языковъ, не видѣли, что и у Расина въ Эсөири и Гоөоліи не тотъ языкъ, какой въ Баязетѣ или Андромахѣ; а съ Библейскими выраженіями были столько знакомы, какъ тотъ знатный Французъ съ Греческими, который не могъ простить Омиру употребленія въ важной поэмѣ низкихъ словъ, напримѣръ: les Mirmidons.

Достойно примѣчанія, что споръ о обветшалыхъ словахъ, или Славенщизнѣ, начался еще у колыбели нашей Литтературы: Тредьяковскій первый укорялъ въ семъ недостаткѣ Ломоносова.

Переводы и подражанія, заключающіеся во 2-й части сего изданія, суть малая часть трудовъ Автора въ этомъ родѣ, ибо всѣ драматическія произведенія Г. Катенина, кромѣ *Андромахи* и *Пира Іоанна Безземельнаго*, принадлежатъ къ переводамъ и подражаніямъ.

Въ *Пирѣ Іоанна Безземельнаго* Русская публика въ первый разъ услышала на Театрѣ пятистопные стихи, вошедшіе съ нѣкотораго времени у насъ въ большую моду. Стихи въ семъ Прологѣ то съ риѳмами, то безъ риѳмъ, смотря по большей или меньшей возвышенности разговора; но всегда съ цезурою послѣ двухъ первыхъ стопъ, что къ сожалѣнію нестрого наблюдалось тѣми, кои въ послѣдствіи писали пятистопными стихами для Театра. Содержаніе *Пира Іоанна Безземельнаго*, какъ Пролога къ драмѣ Иваной, передѣланной Кн. Шаховскимъ изъ извѣстнаго всѣмъ Романа Вальтера Скотта, должно было необходимо быть заимствовано оттуда же; но характеръ Принца Іоанна развернутъ болѣе въ Прологѣ, чѣмъ въ Романѣ, и изображенъ съ историческою вѣрностію.

Драматическіе переводы Г. Катенина, изъ коихъ здѣсь помѣщаются только два дѣйствія, принадлежащія къ Трагедіямъ невполнѣ имъ однимъ переведеннымъ, частью уже напечатаны отдѣльно, частью извѣстны публикѣ изъ представленій на Театрѣ. Говорить теперь вообще объ ихъ достоинствѣ было бы неумѣстно; но я не могу не вспомнить при семъ случаѣ, что лучшій не только изъ нихъ, но можетъ быть и изъ всѣхъ переводовъ Трагедій, какіе мы имѣемъ, я говорю о переводѣ Эсѳири,

подвергался самымъ несправедливымъ нападеніямъ нашихъ Критиковъ.

Изъ числа переводовъ, издаваемыхъ нынѣ мною, почетнѣйшее мѣсто, если я неошибаюсь, принадлежитъ тремъ пѣснямъ изъ Дантева Ада, по трудностямъ, которыя переводчикъ преодолѣлъ, умѣвъ сохранить размѣръ и силу слога подлинника, и Романсамъ изъ Гердера, по первороднымъ поэтическихъ красотамъ, въ нихъ встрѣчающимся.

Пѣвецъ изъ Гёте могъ бы почесться за собственное произведеніе, такъ онъ обрусѣлъ въ переводѣ; *Ольга*, равно какъ и *Романсы о Сидѣ*, представляютъ весьма любопытное сравненіе. Октавы изъ Аріоста и Тасса, отрывки изъ Федры, Гоѳоліи, Г. Катенинъ въ одномъ изъ писемъ ко мнѣ называетъ: études d'après Raphael, и кто вникнетъ въ значеніе сихъ словъ, тотъ прочтетъ ихъ можетъ быть съ новымъ любопытствомъ, именно потому, что подлинники всѣмъ извѣстны и переводовъ немало.

Г. Катенинъ желалъ, чтобы вмѣстѣ съ его Стихотвореніями были напечатаны немногія поэтическія произведенія пріятеля его Кн. Н. С. Голицына: ихъ къ сожалѣнію слишкомъ мало для изданія особою книгою. Читатели найдутъ ихъ въ концѣ 2-й части.

Николай Бахтинъ.

НАТАША.

Ахъ! жила была Наташа,
Свѣтъ Наташа красота.
Что такъ рано, радость наша,
Ты изчезла какъ мечта?
Гдѣ уста, какъ медъ душистый,
Бѣла грудь, какъ снѣгъ пушистый,
Рдяны щеки, маковъ цвѣтъ?
Все не въ прокъ: Наташи нѣтъ.

У нее одинъ сердечной
Милой другъ былъ на земли;
Скоро съ нимъ въ любви безпечной
Дни щастливые текли.
Длися, длися, дорогое,
Время краткое, златое!
Щастье жизни человѣкъ
Вкуситъ разъ лишь въ цѣлой вѣкъ.

Вдругъ поднялся врагъ войною
Русь заграбить и зажечь;
Всюду льется кровь рѣкою,
Всюду блещетъ огнь и мечь.
Нивы стоптаны пропали,
Грады, веси запылали,
И Наташа со дружкомъ
Часто грустны вечеркомъ.

Помрачился видъ веселой,
Въ сердце вкралась къ нимъ печаль;
Не промолвятся день цѣлой,
И кажись другъ друга жаль.
Наконецъ, сквозь слезъ унылой
Взведши взглядъ, собравшись съ силой,
Изповѣдала тоску
Красна дѣвица дружку.

«Не мое дѣвичье дѣло,
«Милой другъ, тебя учить:
«Не прогнѣвайся что смѣло,
«Можетъ, стану говорить;
«Но прости мнѣ укоризну:
«Не сражаться за отчизну,
«Одному отстать отъ всѣхъ,
«Русскимъ намъ и стыдъ и грѣхъ. —

«Ахъ! Наташа, решпвое
«Ужъ давно кипитъ во мнѣ;
«Все тебя жалѣлъ, но вдвое
«Радъ что мысли въ насъ однѣ.
«Ты согласна, слава Богу!
«Эй! ребята, въ путь дорогу
«Дайте мнѣ ружье, коня:
«Въ бой ихъ станетъ для меня.

※

«Не рыдай, моя Наташа.
«Какъ же быть? не ты одна;
«Хоть горька разлуки чаша,
«Выпивай ее до дна;
«И о чемъ такое горе?
«Богъ помилуетъ, и вскорѣ,
«Голосъ сердца коль не лживъ,
«Ворочусь здоровъ и живъ. —

※

«Далъ бы Богъ! но если болѣ
«Намъ не видѣться въ живыхъ,
«Если тамъ на ратномъ полѣ
«Сопостатъ рукою злыхъ
«Ты умрешъ!.. — Все въ Божьей волѣ.
«Не гнѣви жъ его доиолѣ;
«Вѣрь, хоть мертвой, хоть живой,
«Не разстанусь я съ тобой. —

«На, мой другъ, вотъ крестъ съ мощами;
«Положи его на грудь,
«И какъ въ бой пойдешь съ врагами,
«Помолиться не забудь;
«Я»... въ ней замеръ духъ и слово.
Но къ отъѣзду все готово,
Конь стоитъ среди двора,
Ѣхать милому пора.

❊

На коня взлетѣлъ стрѣлою,
Поскакалъ въ воинскій станъ;
Рано ль, поздно ль, тамъ онъ... къ бою
Всѣмъ приказъ на завтра данъ.
Ждетъ гостей незваныхъ встрѣча,
Многихъ смертная ждетъ сѣча:
Не сносить имъ головы,
Не видать святой Москвы.

❊

Имянинница Наташа!
Въ день твой, въ день Бородина,
За здоровье друга чаша
Налита тобой вина,
И о немъ пируютъ гости;
А его въ тотъ часъ ужъ кости
На ближайшемъ тамъ селѣ
Преданы сырой землѣ.

И дошло извѣстье злое,
И не ропщетъ сирота:
Свято небо ей благое,
Воля Божія свята.
Не пила три дни, не ѣла,
Какъ больная изхудѣла;
Нѣтъ покоя ей, ни сна,
И какъ мертвая блѣдна.

❦

На колѣни пала съ стономъ
Предъ иконою святой;
Съ земнымъ молится поклономъ:
«Со святыми упокой.»
Чуть живую подхватили,
Тутъ же къ стѣнкѣ посадили,
И усталымъ, слабымъ сномъ,
Свѣтъ вздремала подъ окномъ.

❦

Спитъ, и видитъ: сердцу милой
Сталъ предъ ней какъ бы живой,
Съ новой бодростью и силой,
Съ новой, чудной красотой;
Будитъ:» встань, проснись, Наташа!
«Ждетъ давно насъ свадьба наша;
«Подъ вѣнецъ скорѣй пойдемъ,
«Вмѣстѣ вѣкъ свой заживемъ.

«Нашу призрѣлъ Богъ разлуку,
«Вѣру райской ждетъ покой;
«Жениху дай, радость, руку,
«Помолись, и въ путь за мной.»
Тутъ Наташа помолилась,
Тутъ во снѣ перекрестилась:
Какъ сидѣла, какъ спала,
Къ жизни съ милымъ умерла.

УБІЙЦА.

Въ селѣ Зажитномъ дворъ широкій,
Тесовая изба,
Свѣтлица и теремъ высокій,
Бѣленая труба.

Ни въ чемъ не скуденъ домъ богатой:
Ни въ хлѣбѣ, ни въ винѣ,
Ни въ мягкой рухляди камчатой,
Ни въ золотой казнѣ.

Хозяинъ, староста округа,
Родился сиротой,
Безъ рода, племени и друга,
Съ одною нищетой.

И съ нею вѣкъ бы жилъ дѣтина;
Но сжалился мужикъ:
Взялъ въ домъ, и какъ роднаго сына
Взрастилъ его старикъ.

Большая чрезъ село дорога;
Онъ постоялой дворъ
Держалъ, и съ помощію Бога
Наживъ его былъ скоръ.

❧

Но какъ отъ злыхъ людей спасшися?
Убогимъ быть, бѣда;
Богатымъ, пуще берегися,
И горшаго вреда.

❧

Купцы пріѣхали къ ночлегу
Однажды въ вечеру,
И рано въ путь впрегли телегу
На завтра по утру.

❧

Не долго спорили о планѣ,
И со двора долой;
А самъ хозяинъ на поланѣ
Удавленъ той порой.

❧

Тревога въ домѣ; съ понятыми
Настигли, и нашли:
Они съ пожитками своими
Хозяйскіе свезли.

Нѣтъ слова молвить въ оправданье,
И уголовный судъ
Въ Сибирь сослалъ ихъ въ наказанье,
Въ работу мѣдныхъ рудъ.

А старика межъ тѣмъ съ моленьемъ
Предавъ навѣкъ землѣ,
Пріемышъ получилъ съ имѣньемъ
Чинъ старосты въ селѣ.

Но что чины, что деньги, слава,
Когда болитъ душа?
Тогда ни почесть, ни забава,
Ни жизнь не хороша.

Такъ изъ послѣдней бьется силы
Почти онъ десять лѣтъ;
Ни дѣти, ни жена не милы,
Постылъ весь бѣлой свѣтъ.

Одинъ въ лѣсу день цѣлый бродитъ,
Отъ встрѣчнаго бѣжитъ,
Глазъ на пролетъ всю ночь не сводитъ,
И все въ окно глядитъ.

Особенно когда день жаркій
Потухнетъ въ ясну ночь,
И свѣтитъ въ небѣ мѣсяцъ яркій,
Онъ ни на мигъ не прочь.

❋

Всѣ спятъ; но онъ одинъ садится
Къ косящету окну.
То засмѣется, то смутится,
И смотритъ на луну.

❋

Жена примѣтила повадки,
И страшенъ мужъ ей сталъ,
И не пойметъ она загадки,
И проситъ чтобъ сказалъ. —

❋

Хозяинъ! что не спишъ ты ночи?
Иль ночь тебѣ долга?
И что на мѣсяцъ пялишъ очи,
Какъ будто на врага? —

❋

Молчи, жена: не бабье дѣло
Всѣ мужни тайны знать;
Скажи тебѣ, считай ужъ смѣло,
Не стерпишъ не сболтать. —

Ахъ! нѣтъ, вотъ Богъ тебѣ свидѣтель,
Не молвлю ни словца;
Лишь все скажи, мой благодѣтель,
Съ начала до конца. —

❀

Будь такъ; скажу во что бъ ни стало.
Ты помнишъ старика;
Хоть на купцовъ сомнѣнье пало,
Я съ рукъ сбылъ дурака. —

❀

Какъ ты! — Да такъ: то было лѣтомъ,
Вотъ помню какъ теперь
Не за долго передъ разсвѣтомъ;
Стояла настежь дверь.

❀

Вошелъ я въ избу, на полатѣ
Спалъ старой крѣпкимъ сномъ;
Надѣлъ ужъ петлю, да не къ статѣ
Тронулъ его узломъ.

❀

Проснулся чортъ, и видитъ: худо!
Нѣтъ въ домѣ ни души.
«Убитъ меня тебѣ не чудо,
«Пожалуй задуши.

«Но помни слово: не обидитъ
Безъ казни ввѣкъ злодѣй;
«Есть тамъ свидѣтель, Онъ увидитъ
«Когда здѣсь нѣтъ людей.»

❋

Сказалъ, и указалъ въ окошко.
Со всѣхъ я дернулъ силъ,
Самъ изпугавшися немножко
Что кѣмъ онъ мнѣ грозилъ.

❋

Взглянулъ, а мѣсяцъ тутъ проклятой
И смотритъ на меня,
И не устанетъ; а десятой
Ужъ годъ съ того вѣдь дня.

❋

Да полно что! гляди, плѣшивой!
Не побоюсь тебя;
Ты видно съ роду молчаливой:
Такъ знай же про себя. —

❋

Тутъ староста на мѣсяцъ снова
Съ усмѣшкою взглянулъ;
Потомъ, не говоря ни слова,
Улегся и заснулъ.

Не спитъ жена; ей страхъ и совѣсть
Покоя не даютъ.
Судьямъ доноситъ страшну повѣсть,
И за убійцей шлютъ.

Въ рѣчахъ онъ сбился отъ боязни,
Его попуталъ Богъ,
И не стерпѣвши тяжкой казни,
Подъ нею онъ издохъ.

Казнь Божья вслѣдъ злодѣю рыщетъ;
Обманетъ пусть людей,
Но виноватаго Богъ сыщетъ:
Вотъ пѣсни складъ моей.

ЛѢШІЙ.

Красное солнце за лѣсомъ сѣло.
Длинныя тѣни стелются съ горъ.
Чистое поле стихло, стемнѣло;
Страшно чернѣетъ издали боръ.

⁂

«Отпусти, родная, въ поле,»
Проситъ сынъ старушку мать,
«Нагулявшись тамъ на волѣ,
«Въ лѣсъ дремучій забѣжать.
«Здѣсь отъ жару мнѣ не спится,
«Мухъ здѣсь рой жужжитъ въ избѣ;
«И во снѣ гульба все снится,
«Вся и дума о гульбѣ.

⁂

«Пташечки свили по лѣсу гнѣзды;
«Ягоды спѣютъ, брать ихъ пора.
«На небѣ свѣтятъ мѣсяцъ и звѣзды:
«Дай нагуляюсь вплоть до утра. —

⁂

«Что затѣялъ ты, родимой!
«Образумься, Богъ съ тобой.

«Въ лѣсъ идти непроходимой
«Можно ль поздной такъ порой?
«Лягъ въ сѣняхъ противъ окошка,
«Если жарко спать въ избѣ:
«Ни комаръ, ни злая мошка
«Не влетитъ туда къ тебѣ.

❦

«По лѣсу волки бродятъ стадами;
«Тамъ ядовитый скрытъ мухоморъ;
«Филины въ гущѣ воютъ съ совами;
«Злой по дорогамъ крадется воръ. —

❦

«Твой, родная, страхъ напрасенъ,
«Страховъ нѣтъ въ лѣсу глухомъ.
«Если бъ знала какъ прекрасенъ
«Тамъ въ глуши чудесный домъ!
«Съ золотыми теремами,
«Скованъ весь изъ серебра:
«Передъ нашими домами,
«Что предъ кочкою гора.

❦

«Къ верьху ключами чистыя воды
«Бьютъ вкругъ накрытыхъ брашномъ столовъ;
«Дѣвушекъ красныхъ тамъ хороводы
«Пляшутъ во время сладкихъ пировъ.

«Въ домѣ томъ хозяинъ славной,
«Добръ и ласковъ для гостей,
«Старичокъ такой забавной
«И охотникъ до дѣтей. —
«Гдѣ разказовъ ты набрался? —
«Разказалъ все самъ онъ мнѣ. —
«Гдѣ же съ нимъ ты повстрѣчался?
«Гдѣ съ нимъ видѣлся? — Во снѣ. —

❋

«Въ руку знать сонъ твой: Лѣшій коварной
«Издавна, молвятъ, житель тѣхъ мѣстъ;
«Манитъ дѣтей онъ яствой сахарной,
«Послѣ жъ самихъ ихъ схватитъ и съѣстъ.

❋

«Не ходи къ нему, мой милой;
«Вѣрь ты матери родной.
«Безъ того ужъ надъ могилой
«Я стою одной ногой;
«Если жъ ты, отважась въ гости,
«Сномъ прельстясь, да на яву
«Жертвой сдѣлаешся злости,
«Я и дня не проживу.

❋

«Здѣсь предъ иконой дай же присягу,
«Или (что хочешь мнѣ говори),

« Въ страхѣ разлуки ночь всю не лягу;
« Прядя, дождуся алой зари. »

❦

И ослушный сынъ божится,
Въ суе Господа зоветъ;
И безпечно мать ложится,
И боязнь ей въ умъ нейдетъ. —
« Или малой я ребенокъ
« Чтобъ ходить на помочахъ?
« Я ужъ вышелъ изъ пеленокъ,
« На своихъ давно ногахъ.

❦

« Мать запрещаетъ: знать ей обидно
« То что одинъ я въ гости иду;
« Наше веселье старымъ завидно:
« Всюду нарочно видятъ бѣду. »

❦

Такъ онъ ропчетъ, и желанье
Въ немъ часъ отъ часу сильнѣй;
И забылъ онъ послушанье,
Клятвы долгъ забылъ своей.
И съ постели онъ легонько,
Взявъ одѣжду въ руки, слѣзъ;
Въ двери выбрался тихонько,
И давай Богъ ноги въ лѣсъ.

Быстро несутся сѣрыя тучи;
Въ мракѣ густомъ ихъ скрылась луна;
Вѣтеръ колышетъ сосны скрыпучи;
Чуть межъ деревьевъ тропка видна.

❋

И по ней идетъ вначалѣ
Онъ спокоенъ, бодръ и смѣлъ,
Въ темный лѣсъ все далѣ, далѣ,
И немножко оробѣлъ;
И чѣмъ далѣе, тѣмъ гуще
Темный лѣсъ въ его глазахъ,
И чѣмъ далѣе, тѣмъ пуще
Въ немъ разкаянье и страхъ.

❋

Молнія въ небѣ ярко сверкаетъ;
Издали глухо слышится громъ;
Въ тучахъ отвсюду дождь набѣгаетъ;
Боръ весь отъ вихря воетъ кругомъ.

❋

И впередъ идти робѣетъ,
И назадъ нѣтъ силъ идти;
Свѣтъ въ глазахъ его темнѣетъ,
И не найдетъ онъ пути.
Ищетъ помощи глазами,
Крикомъ помощи зоветъ;

Плачешъ горькими слезами,
И никто къ нему нейдетъ.

❧

Слышитъ однако: шорохъ изъ рощи;
Мокрый съ деревьевъ сыплется листъ;
Мѣсяцъ во мракѣ выглянулъ нощи;
Громкій раздался по лѣсу свистъ.

❧

И нагбенный дровъ вязанкой,
Старичокъ идетъ сѣдой,
Ростомъ малъ, угрюмъ осанкой,
Видъ насмѣшливой и злой.
И хоть страшно, но подходитъ
Мальчикъ съ просьбой къ старику;
Рѣчь съ нимъ жалобно заводитъ
Про свою печаль-тоску:

❧

« Съ вечера въ лѣсъ я шелъ, заблудился;
« Съ вѣтру, съ ненастья вымокъ, продрогъ.
« Дѣдушка! что бъ ты въ горе вступился,
« Мнѣ бъ на дорогу выйти помогъ! —

❧

« Какъ, дѣтинушка удалой,
« Могъ сюда ты забрести?

« Ты ребенокъ ужъ не малой;
« Что же бродишь безъ пути?
« Вотъ, смотри, тебя дорога
« Можетъ вывести домой;
« Но моли не сбиться Бога
« Чтобъ ко мнѣ нейти со мной. »

⁂

Узкой дорожкой долго въ надеждѣ
Бродитъ кругомъ онъ, прямо и въ бокъ.
Сбился, туда же вышелъ гдѣ прежде;
Тамъ терпѣливый ждетъ старичокъ.

⁂

« Видно Богъ, дитя любезно!
« Не призрѣлъ твою бѣду.
« Такъ и медлить безполезно:
» Въ путь за мной! ужъ я сведу. »
Онъ послушенъ по неволѣ;
Какъ противиться бы могъ?
Въ даль ушли, не видны болѣ;
А куда идутъ вѣсть Богъ.

⁂

Въ небѣ денница блещетъ златая;
Птицы возпѣли утра возходъ;
Свѣтомъ вершины горъ позлащая,
Тихо выходитъ солнце изъ водъ.

Вся природа вновь проснулась,
Къ новымъ всѣ спѣшатъ трудамъ;
И по смутномъ снѣ очнулась
Мать рожденная къ слезамъ.
Ищетъ сына, не находитъ;
Кличетъ, плачетъ, сынъ изчезъ.
Всей деревнѣ страхъ наводитъ,
Всѣ бѣгутъ съ ней въ темный лѣсъ.

❧

Смотрятъ повсюду, бѣгаютъ, рыщутъ;
Отзыва нѣтъ имъ, нѣтъ имъ слѣда.
Тщетно старанье, ищутъ, не сыщутъ:
Мальчикъ изчезнулъ знать навсегда.

❧

Мать нещастная понынѣ,
Можетъ быть, еще жива;
Сохнетъ съ горести по сынѣ,
Будто скошенна́ трава.
Съ каждымъ днемъ безумье то же:
Ищетъ сына по лѣсамъ.
Здѣсь не найдетъ; дай ей Боже
Съ нимъ увидѣться хоть тамъ.

ГРУСТЬ НА КОРАБЛѢ.

Вѣтръ намъ противенъ, и якорь тяжелый
Ко дну морскому корабль приковалъ.
Грустно мнѣ, грустно, тоскую день цѣлый;
Знать не веселый денекъ мнѣ насталъ.

Скоро минуло отрадное время;
Смерть все пресѣкла, нашъ незваный гость;
Пала на сердце кручина какъ бремя:
Можетъ ли бурѣ противиться трость?

Съ жизненной бурей борюсь я три года,
Три года милыхъ не видѣлъ въ глаза.
Рано съ утра поднялась непогода:
Смолкни хоть къ полдню, лихая гроза!

Что жъ? можетъ, щастливѣй буду чѣмъ прежде,
Съ матерью свидясь, обнявши друзей.
Полно же, сердце, вернися къ надѣждѣ;
Чуръ, ретивое, себя не убѣй.

ПѢВЕЦЪ УСЛАДЪ (1).

Пѣвецъ Усладъ любилъ Всемилу,
И щасливъ былъ;
И вдругъ завистный рокъ въ могилу
Ее сокрылъ.

Пѣвецъ Усладъ душѣ покою
Искалъ въ войнѣ,
А врагъ тогда грозилъ войною
Родной странѣ.

Пѣвецъ Усладъ на полѣ битвы
Не изнемогъ:
Такъ знать друзей его молитвы
Услышалъ Богъ.

Пѣвецъ Усладъ въ земляхъ далёкихъ
И чуждыхъ жилъ,
Красавицъ видѣлъ черноокихъ,
И не любилъ.

Пѣвецъ Усладъ и Русь святую
Увидѣлъ вновь;
Но тужитъ, помня дорогую
И съ ней любовь.

❧

« Пѣвецъ Усладъ! » друзья пѣняли,
« Или забыть
« Не можешъ ввѣкъ одной печали,
« И щастливъ быть? »

❧

Пѣвецъ Усладъ имъ со слезами
Сказалъ въ отвѣтъ:
« Нѣтъ щастья мнѣ подъ небесами,
« Надѣжды нѣтъ.

❧

« Пѣвецъ Усладъ лишь за могилой
« Быть можетъ радъ:
« Авось тамъ свидится съ Всемилой
« Пѣвецъ Усладъ. »

ЛЮБОВЬ.

О чемъ, о чемъ въ тѣни вѣтвей
Поешъ ты ночью, соловей?
Что пѣснь твою къ подругѣ милой
Живитъ огнемъ и полнитъ силой,
Колеблетъ грудь, волнуетъ кровь?
Живущихъ всѣхъ душа: любовь.

Не сѣтуй, дѣвица-краса!
Дождешся радостей часа.
Зачѣмъ въ лицѣ завяли розы?
Зачѣмъ изъ глазъ ліются слёзы?
Къ веселью душу приготовь;
Его даритъ тебѣ: любовь.

Покуда дней златыхъ весна,
Отрадой намъ любовь одна.
Ловите, юноши, украдкой
Блаженный часъ, часъ нѣги сладкой;
Пробьетъ... любите вновь и вновь;
Земнаго щастья верьхъ: любовь.

СОФОКЛЪ.

Пѣвецъ, возлюбленный богами,
Аѳинянъ вождь, краса и честь,
Тягчимъ преклонными годами,
Едва смогалъ ихъ бремя несть.
Сто лѣтъ онъ жилъ для Музъ и славы,
Сто лѣтъ согражданъ возхищалъ,
Когда въ Эдипѣ имъ уставы
Судьбы таинственной вѣщалъ.

Но кто прозрѣть свою судьбину
Возмогъ, рожденный отъ жены?
Вотще былъ трудъ Лаія сыну
Бѣжать отъ роковой вины:
Тотъ оскудѣлъ на умъ и силу,
Загадку Сфинкса разрѣшивъ;
И могъ едва сыскать могилу,
Далече отъ родимыхъ Ѳивъ.

И ты, дщерями Мнемозины
Съ пеленъ взлелѣянный пѣвецъ,

Кому въ восторгѣ чувствъ Аѳины
Побѣдный отдали вѣнецъ!
Когда великаго Эсхила
Превысилъ, юноша! въ борьбѣ,
Тогда душа не возвѣстила
Что старцу суждено тебѣ.

❋

Прекрасна жизнь въ весеннемъ цвѣтѣ,
Въ довольствѣ здравія и силъ;
Но старцу горько жить на свѣтѣ:
Друзья его во тьмѣ могилъ;
Младымъ родства съ нимъ тяжки узы;
Оставленъ всѣми, онъ одинъ.
Блаженъ, когда хоть вы, о Музы!
Его не презрите сѣдинъ.

❋

Молвы несчетными устами
Разносится въ Аѳинахъ гласъ:
« Софоклъ ведется въ судъ сынами.
« Въ немъ огнь божественный угасъ,
« Въ немъ разумъ омрачили лѣта;
« И да не сгубитъ чадъ своихъ,
« Ареопагъ ужъ для совѣта
« Собрался, и разсудитъ ихъ. »

И какъ весной разлиты волны
На берегъ низменный текутъ,
Такъ, шумны, любопытства полны,
Толпы по стогнамъ въ судъ бѣгутъ.
На игры Вакховы во младость
Онъ прежде такъ ихъ тьмами влекъ;
А нынѣ ужъ безумьемъ въ радость
Для нихъ великій человѣкъ.

❦

Судьи Софокла вопросили.
Онъ имъ: « Какой я дамъ отвѣтъ,
« Когда всѣ чувства измѣнили,
« И словъ въ устахъ почти ужъ нѣтъ?
« Но да спасусь отъ укоризны,
« Дозвольте мой послѣдній трудъ,
« Ко прославленью лишь отчизны
« Подъятый мной, отдать на судъ.

❦

« Того жъ Эдипа, коимъ прежде
« Здѣсь плющь наградный добывалъ,
« На силу прежнюю въ надеждѣ
« Еще представить вамъ желалъ:
« Какъ, изгнанный изъ Ѳивъ сынами,
« Въ Аѳинахъ онъ почилъ отъ бѣдъ,

« И смертью примирен съ богами,
« Намъ прахъ оставилъ для побѣдъ. »

⁂

Онъ смолкнулъ, и судьи дивятся.
Сыны, къ землѣ потупя взоръ,
Какъ осужденные, боятся
Услышать казни приговоръ.
Народъ воздвигся и взываетъ:
« Читай, читай стиховъ своихъ! »
И старецъ свитокъ разкрываетъ,
И вновь возсѣвъ, народъ утихъ.

⁂

« Слѣпецъ Эдипъ и Антигона,
« Граждане! въ лѣсъ святый взошли,
« Гдѣ ублажаютъ близь Колона
« Богинь, чадъ Мрака и Земли.
« Народъ премудрыя Паллады
« Просящимъ даруетъ покровъ,
« И старцевъ ликъ для ихъ отрады
« Такъ славитъ имъ страну боговъ: »

⁂

О странникъ! хвалами почти Кроніона
И славную землю познай:
Здѣсь область Аѳины, наслѣдье Колона,
Подъ солнцемъ щастливѣйшій край.

Здѣсь въ рощахъ тѣнистыхъ,
Въ долинахъ душистыхъ,
Во мракѣ вѣтвей,
Плодами смягченныхъ,
Богамъ посвященныхъ,
Таясь отъ очей,
Въ безмолвьи ночей
И дня предъ разсвѣтомъ,
Подъ синимъ наметомъ
Безъ умолку свищетъ пѣвецъ соловей.

⁂

Здѣсь Кефисъ струи прохладны
Отъ обильныхъ лья ключей,
Напояетъ влагой жадны
Скатистыхъ бразды полей;
Здѣсь на холмахъ виноградны
Гнутся лозы отъ кистей.

⁂

Здѣсь съ росистыхъ, нѣжныхъ,
Дышущихъ цвѣтовъ,
Пчелъ рои прилѣжныхъ
Медъ піютъ сотовъ.

⁂

Здѣсь, забывая Олимпа чертоги,
Часто гуляютъ безсмертные боги:

Въ сонмѣ священныхъ доплицъ Ѳіадъ
Вакхъ вѣчноюный, источникъ отрадъ,
Дѣвспѣвены Музы и легки Хариты,
Ликъ и подруги злапой Афродиты.

⁂

Но вящій даръ отъ щедрыхъ намъ боговъ
Священное, чудесное то древо,
Его же вдругъ земли родило чрево,
А Зевсъ и дщерь его подъ свой пріяли кровъ.
Ни островъ Пелопса, ни Асіи равнины
Не возрастятъ отъ собственныхъ полей
Обильныя лишь въ Аттикѣ маслины;
Для насъ течетъ ея елей,
Даръ свѣтлоокія Паллады,
Въ бой укрѣпляющій борцовъ,
Надѣжда славы и вѣнцовъ
На играхъ радостныхъ прекрасныя Эллады.

⁂

И не смѣетъ коснуться сѣкира врага
До маслины священной;
Пусть осмѣлится: вскорѣ узритъ, дерзновенной,
Онъ подземные Стикса брега.
Но не узритъ уже ни родимаго дома,
Ни дѣтей, ни жены своея;
Здѣсь изкуситъ бо силу иль Зевсова грома,
Иль Аѳины копья.

Еще ты, отчизна, дары получила,
И васъ ли забуду, честь нашей земли,
О всадники, въ битвахъ надѣжная сила?
И васъ ли, владыки морей, корабли?
Твои суть дары тѣ, великій сынъ Крона!
Аѳинская слава есть даръ Посидона.

⁂

Красу колесницъ,
Веселье возницъ,
Прекрасныхъ и многихъ
Коней быстроногихъ,
Покорныхъ браздамъ,
Онъ даровалъ намъ.

⁂

Онъ весла, Аѳины!
Чрезъ сланы пучины
Летать въ корабляхъ,
Вручилъ вамъ навѣки,
И признали Греки
Вашъ скиптръ на моряхъ.

⁂

Цвѣти же, держава!
Растите, дѣла!
Богамъ буди слава,
И граду хвала!

Престалъ; и какъ въ пучинѣ водной
Валовъ и бурь и грома звукъ,
Такъ раздался въ толпѣ народной
И шумъ и кликъ и плескъ отъ рукъ.
Сыны съ притворнымъ удивленьемъ:
« Почто жъ, родитель, ты отъ насъ
« Таилъ, сколь силенъ пѣснопѣньемъ
« Еще прельщать твой древній гласъ?

❋

« Граждане! такъ: мы виноваты;
« Отецъ нашъ да владѣетъ всѣмъ.
« Что намъ? чрезъ мѣру мы богаты,
« Зря даръ ума толикій въ немъ. »
И имъ народъ безумный плещетъ.
Но въ старцѣ закипѣла кровь;
Взялъ свитокъ, огнь во взорахъ блещетъ,
Все стихло, онъ читаетъ вновь:

❋

О! если бъ я Аѳинъ не уважалъ совѣта,
Онъ вѣкъ бы отъ меня не дождался отвѣта;
Но пусть же слышитъ: льщусь, отъ слова моего
Не много радости прибудетъ для него.
Злодѣй! какой же врагъ, пожравъ мое стяжанье,
Слѣпому старцу мнѣ рекъ вѣчное изгнанье

Изъ Ѳивъ, изъ родины? безчеловѣчный! ты
Облекъ меня на срамъ въ одѣжду нищеты.
Теперь, какъ и тебя постигла участь злая,
Самъ плачешъ ты, своихъ на дѣло рукъ взирая,
Но я не плачу, нѣтъ, я слезы удержу,
И на сердцѣ твои злодѣйствія сложу.
Тобой я доведенъ, терпя и стыдъ и муку,
Протягивать ко всѣмъ за милостыней руку,
Свой хлѣбъ насущный ѣсть отъ чуждаго добра,
Страдать безъ крова днемъ и ночью безъ одра.
Что, если бъ дочери не сжалились надъ мною?
Я умеръ бы давно, зарѣзанный тобою.
Онѣ меня поятъ, и кормятъ, и ведутъ;
Равняяся мужамъ, съ отцемъ своимъ несутъ
Ихъ женскихъ свыше силъ мой жребій многотрудный:
Съ Олимпа да воздастъ всевидѣцъ правосудный
Имъ мѣрой добрыхъ дѣлъ; вамъ мѣрою вины,
О вы, сыны мои! . . . нѣтъ, вы мнѣ не сыны;
И мститель богъ, уже гонящійся за вами,
Еще иными къ вамъ тогда воззритъ очами,
Когда свои полки сведете къ стѣнамъ Ѳивъ.
Клянусь, изъ обоихъ никто не будетъ живъ;
Обоихъ равная ждетъ гибель въ ратномъ полѣ:
Ни утвердится твой братъ хищникъ на престолѣ,
Ни самъ не льстись сломить отечественныхъ стѣнъ.
Тамъ слейте вашу кровь, братъ братомъ умерщвленъ.
Я прежде уже рекъ вамъ клятвы тѣ жестоки;
Днесь повторяю ихъ, да въ нихъ себѣ уроки

И впредь почерпнутъ вамъ подобныя сердца,
Какъ дѣтямъ презирать на старости отца.
Отстань! иди! мое проклятіе съ тобою.
О божества мои! взываю къ вамъ съ мольбою.
Подземный Аидъ! странъ незримыхъ солнцу царь!
И Вы, имущія въ сей рощѣ свой олтарь,
Къ безвиннымъ кроткія и ко преступнымъ строги!
И ты, въ нихъ дышущій Арей кровавый! Боги!
Молю, сгубите ихъ, ихъ обрекаю вамъ.
Я все сказалъ: Эдипъ отвѣтствовалъ сынамъ.

⁂

Судьи, съ сѣдалищь возвышенныхъ
Возставъ, кладутъ шары въ сосудъ,
И кликъ глашатаевъ священныхъ
Ихъ громко возвѣщаетъ судъ:
« Аѳинъ признательныхъ награда
« Вѣнецъ отечества пѣвцу.
« Софоклъ оправданъ; злыя чада
« Повинны жизнію отцу. »

⁂

Но что! не къ благу ли стремленье
Вложилъ въ ихъ душу нѣкій Богъ?
Они, не внявъ еще рѣшенье,
Отца простерлися у ногъ.

Повѣрилъ онъ ихъ скорби виду;
Обнявъ, воздвигъ ихъ отъ земли:
Когда же мстить врагамъ обиду
Душой великіе могли?

⁂

Народъ возхищенный, толпами
Бѣжитъ къ нему, и съ торжествомъ
Всѣ старца подняли руками
И такъ внесли его въ свой домъ.
И вѣкъ его сталъ вѣкъ блаженной;
Онъ отцвѣтая въ сѣдинахъ,
Съ закатомъ встрѣтилъ жизни тлѣнной
Зарю безсмертія въ вѣкахъ.

МСТИСЛАВЪ МСТИСЛАВИЧЪ.

Не бѣлые Лебеди,
Стрѣлами охотниковъ
Разсыпаны въ стороны,
Стремглавъ по поднебесью
Испуганы мечутся.

Не по морю синему,
При громѣ и молніяхъ,
Ладьи бѣлокрылыя
На камни подводные
Волнами наносятся.

Среди поля чистаго
Бѣжитъ православная
Рать Русская храбрая,
Отъ силы несчетныя
Татаръ побѣдителей.

Какъ токъ рѣки,
Какъ холмовъ цѣпь,
Враговъ полки
Покрыли степь.
Отъ тучи стрѣлъ
Затьмился свѣтъ;
Сквозь груды тѣлъ
Прохода нѣтъ.
Ихъ пращи дождь,
Мечи огонь.
Здѣсь мертвый вождь,
Тутъ бранный конь,
Тамъ воевъ рядъ,
А тамъ доспѣхъ:
Не можетъ взглядъ
Окинуть всѣхъ.
На тьмы Татаръ
Бойцы легли,
И крови паръ
Встаетъ съ земли.

***

Въ той равнинѣ холмъ высокій,
На холмѣ ракитовъ кустъ.
Отдыхаетъ одинокій
Витязь тамъ; стрѣлами пустъ,
Тулъ отброшенъ безполезный;

Конь лежитъ, въ груди стрѣла;
Рѣшето спалъ щитъ желѣзный,
Мечь зубчатая пила.

***

Вздохи тяжелые грудь воздымаютъ;
Потъ съ кровью смѣшанный каплетъ съ главы;
Жаждой и прахомъ уста засыхаютъ;
На ноги силъ нѣтъ подняться съ травы.
Издали внемлетъ онъ ратному шуму:
Стелютъ, молотятъ снопы тамъ изъ главъ.
Горькую витязь нашъ думаетъ думу,
Галицкій храбрый Мстиславичь Мстиславъ.

***

Ахъ! рвется на двое
Въ немъ сердце храброе:
Не со крестомъ ли въ бой
Хоть одному идти
На силы темныя
Татаръ наѣздниковъ?
Не понавѣдаться ль
Здоровъ ли вѣрный мечь?
Ужъ не усталъ ли онъ
Главы поганыхъ сѣчь?
Не уморился ли
Такъ долго кровью течь?

Коли въ немъ проку нѣтъ,
Такъ не на что беречь:
Свались на прахъ за нимъ
И голова со плечь!
Нѣтъ срама мертвому
Кто смогъ костями лечь.

❋

И три раза, вспыхнувъ желаніемъ славы,
Съ земли онъ, опершись на руки кровавы,
Вставалъ.
И трижды истекши рудою обильной,
Тяжелыя латы подвигнуть безсильной,
Упалъ.

❋

Смертный омракъ,
Сну подобный,
Силу Князя
Оковалъ.

❋

Бездыханный,
Неподвижный,
Беззащитный
Онъ лежитъ.

Что, о Боже!
Боже правый,
Милосердый,
Будетъ съ нимъ?

❋

Не уже ли
Ты попустишь
Нечестивымъ
Умертвить?

❋

Мечь ли темный
Христіянску
Душу съ тѣломъ
Разлучитъ?

❋

Не омытну
Покаяньемъ,
Не причастну
Тайнъ святыхъ?

❋

Или звѣри
Плотоядны
Кровь полижутъ
Честныхъ ранъ?

Трупъ ли княжій,
Богатырскій,
Стадо галицъ
Разклюешь?

***

Кто изъ пепла
Жизнь угасшу
Новой искрой
Въ немъ зажжетъ?

***

Въ полѣ звонкомъ стукъ конскихъ копытъ.
Скачетъ всадникъ весь пылью покрытъ;
Онъ съ преломленнымъ въ пахѣ копьемъ
Быстро мчится ретивымъ конемъ:
Молодецъ, веселясь на бою,
Позабылъ знать и рану свою.
Кто сей юноша славы и силъ?
Зять княжой, рати свѣтъ, Даніилъ.

***

Пусть бы встрѣтился съ нимъ лютый звѣрь,
Пусть привидѣлся бъ рогатый бѣсъ,
Не дрогнулъ бы Князь, таковъ онъ смѣлъ;
Но чуть чуть не застоналъ на взрыдъ,
Какъ увидѣлъ что родимый тесть
На сыру землю легъ за мертво.

Какъ быть? Спасу въ душѣ помолясь,
Подхватилъ его на руки Князь,
Поперегъ перекинулъ сѣдла,
И помчался къ рѣкѣ какъ стрѣла.
Что ты, Князь! вѣдь не поле рѣка:
Ты удалъ, да вода глубока.
Съ небеси помоги тому Богъ
Кто самъ ближнему въ нуждѣ помогъ!

⁂

И вышло такъ: усердной часть дружины
У берега съ ладьею ждетъ Князей;
Они въ живыхъ, и убыло кручины.
Но Даніилъ прикрикнулъ на Дѣтей:
« Вы, Отроки! сюда бѣгите спѣшно.
« Вамъ вѣчный стыдъ, мнѣ горе неутѣшно,
« Коль нашъ отецъ отъ тяжкихъ ранъ умретъ;
« Моя не что: и послѣ заживетъ. »
Мстиславу всѣ бѣгутъ помочь толпою.
Оружье снявъ, омыли кровь водою,
И бѣлый платъ на язвы разщипавъ,
Внесли въ ладью; тутъ вспомнился Мстиславъ.

⁂

Но лучше бы очей не разкрывалъ вовѣки
Чѣмъ битвы зрѣть конецъ: и крови Русскихъ рѣки,
И труповъ ихъ бугры, и малое число

Спасенныхъ отъ меча на вящее лишь зло,
На бѣгство, гладъ, болѣзнь, ужасныя мученья,
Всегдашній, горькій плодъ нещастнаго сраженья;
И побѣдителей необозримый станъ,
Чрезъ всю широку степь безправильно разсшлань,
Гдѣ всюду шутъ и тамъ огнь засвѣчался дымный,
Какъ звѣзды на небѣ въ безснѣжный вечеръ зимный.
При зрѣлищѣ такомъ Князь храбрый возстеналъ,
И слабымъ голосомъ скорбь сердца провѣщалъ:

❦

« О горе вѣчное Мстиславу!
« На мнѣ вина такого дня,
« И внуки поздные по праву
« Въ немъ будутъ укорять меня.

❦

« Весь опытъ браней долголѣтныхъ
« Однимъ я разомъ погубилъ;
« Напалъ на рать враговъ несчетныхъ,
« И тѣмъ разбитье заслужилъ.

❦

« Не остановятся отнынѣ
« Успѣхомъ гордые враги,
« Доколь Россію всю пустынѣ
« Не уподобятъ ихъ шаги.

«Ихъ Ордъ на насъ польется море,
«А сила Русская мала.
«О горе, вѣчное мнѣ горе,
«Что я виновникъ первый зла!

❦

«Но чѣмъ бы ни рѣшались битвы,
«Моя надѣжда все крѣпка:
«Услышитъ наши Богъ молитвы,
«И насъ спасетъ Его рука.

❦

«Онъ Русскимъ дастъ терпѣнья силу,
«Они дождутся красныхъ дней;
«У насъ въ землѣ найдутъ могилу
«Враги гордившіесь надъ ней.»

❦

Такъ Мстиславъ Мстиславичъ храбрый Галицкій молвилъ.
На руки склонивъ главу, Даніилъ его слушалъ безмолвно.
Отроки жъ, веслами быстрыя волны дружно взметая,
Къ берегу мчали ладью; сошли и Князья и дружина,
Пали на земь лицемъ, и въ слезахъ благодарныхъ молили
Бога и Спаса Христа и Пречистую Дѣву Марію.

———

МІРЪ ПОЭТА.

Златыя времена
Свободы, простоты, невинности и силы!
Уже ль навѣкъ вы скрылись въ мракъ могилы
И память намъ объ васъ осталася одна?
Почто вы, молніей мгновенной
Блеснувъ, изчезли отъ земли?
Иль, невозвратныя! почто вы духъ смущенной
Волшебствомъ маните въ таинственной дали?
Ахъ! горько, насладясь подъ небомъ благодатнымъ
Живыми прелестьми роскошныя весны,
И грудь изнѣживъ розъ дыханьемъ ароматнымъ,
Отплыть въ суровыя и льдистыя страны;
Иль, бросивъ юношей забавы,
О первенствѣ веселый бой,
Гдѣ всѣ прекрасны, сильны, здравы,
Искуствомъ спорятъ межъ собой,
Прейти въ обитель мукъ, гдѣ старецъ дряхлый, хворый,
Докучный жалости предмѣтъ,
Изнемогающій подъ тяжестію лѣтъ,
И свой конецъ предвидя скорый,
Въ болѣзненной борьбѣ кидаетъ Божій свѣтъ.

Цвѣла весна, но розъ не стало;
Играли юноши, но юность ихъ прешла.
Гдѣ міра древняго волшебное начало?
Гдѣ первыхъ чадъ земли чудесныя дѣла?

❧

Пока въ рѣкѣ плескали волны,
Неслись по нимъ крылаты челны;
Когда жъ сковалъ ихъ лютый мразъ,
Изчезла прелесть ихъ для глазъ.
И тщетно станетъ вдохновеній
Теперь пѣвецъ искать кругомъ:
Безсмертный стихотворства Геній
Почіетъ непробудпымъ сномъ.
Одною памятью еще мы въ свѣтѣ живы,
Ея лишь призраки нашъ мертвый красятъ сонъ,
Все щастіе въ мечтахъ; и подлинно щастливы
Что не всего лишилъ насъ злой судьбы законъ.

❧

И на крылахъ воображенья,
Какъ ласточка, скиталица полей,
Летитъ душа, сбирая наслажденья
Съ обильныхъ жатвъ давно минувшихъ дней.
Вѣтръ свѣжій вѣетъ отъ востока,
Отъ тучныхъ, щастливыхъ земель,
Гдѣ міра и людей святая колыбель.

Стада, несчетныя для ока,
Пасутся на степяхъ отъ моря до рѣки,
Веселье пастырямъ; всѣ овцы ихъ косматы,
Млекомъ обилуютъ верблюды ихъ горбаты,
Какъ вихри кони ихъ легки.

❋

Кто сей надъ прочими мужами,
Блистая сребряной главой,
Возносится, какъ дубъ надъ низкими древами,
И какъ луна надъ звѣздною толпой?
Се пастырь пастырей, ихъ царь и повелитель,
Народовъ будущихъ священный прародитель,
Названный Богомъ Авраамъ.
Все видѣлъ онъ, все зналъ, прожившій многи годы;
Богатый гость царей, онъ ѣздилъ по странамъ,
Дарилъ владыкъ, дарилъ народы,
Почтенъ и ближнимъ и врагамъ.

❋

Благословеннаго благословились чада.
Подъ мирной сѣнію подвижныхъ ихъ шатровъ
Въ довольствіи текла жизнь старцевыхъ сыновъ,
За добродѣтели достойная награда.
Пасенье стадъ и ловъ звѣрей
Дѣлили ихъ всѣ дни, свободные страстей.

Ни сребролюбіе, ни зависть, ни гордыня,
Ввѣкъ не прешли за прагъ дверей
Въ ихъ кущи, бѣлыя какъ стадо лебедей.
Наслѣдный ихъ удѣлъ безкрайная пустыня;
Тамъ, вѣчно странники, они росли трудомъ;
Тамъ въ благочестіи какъ крины разцвѣтали;
Тамъ первыя любви огнемъ
Всѣ чувства юноши взпылали,
Когда красавица, стыдливая челомъ,
Родительскихъ овецъ и козъ рунистыхъ
Гоня пастушескимъ жезломъ
Изпить отъ кладезя водъ чистыхъ,
Ему, усталому по ловлѣ и трудамъ,
Къ изсохшимъ, жаждущимъ устамъ,
Съ улыбкой поднесла благою
Начерпанный ея рукою
Сосудъ съ прохладною водою.

***

Стыдъ вѣчный Яковлимъ сынамъ!
Отъ нихъ землѣ примѣръ разврата.
Завистные, за горсть презрѣнну злата
Въ неволю слезную продать дерзнули брата.
Не бойся, юноша! тебѣ заступникъ Богъ.
Преступною женой обманутый владѣтель
Вотще тебя казнитъ за добродѣтель,
Къ невинному несправедливо строгъ.
Расторгла цѣпь твою Всевышняго десница,

Твоя отверзлася темница
И въ царскій ты вселенъ чертогъ.
Теперь уже не сна обманутый мечтою,
Ницъ падшихъ видишъ ты злыхъ братій предъ собою;
Нѣтъ, нужда зѣльная и нестерпимый гладъ
Ихъ привели къ тебѣ: къ какой осудишъ долѣ?
Мечемъ ли умерѣть, иль вѣкъ пожить въ неволѣ?
Не узнаетъ тебя ихъ устрашенный взглядъ;
Но ты!.. ты ихъ узналъ, и сердце взтрепетало,
И силъ твоихъ не стало.
Слезами залился ихъ грозный судія,
И молвилъ къ нимъ: «Не бойтесь; я
«Іосифъ, братъ вашъ, сынъ Израиля, Рахили.
«Я тотъ, кого вы всѣ на рабство осудили;
«Но Богъ отъ зла меня упасъ,
«Египетъ моему подвергнулъ онъ закону,
«И какъ отца поставилъ Фараону.
«Придите, братія, вселитесь между насъ,
«Родителя съ собою приведите,
«И старца жизнію моей возвеселите.»

⁂

Въ страну Гессемскую Израиль пренесенъ.
Размножились, цвѣтутъ дванадесять колѣнъ;
Но годы щастія смѣнили скорби годы,
И взревновали къ нимъ народы,
И притѣснителей рука
Надъ ними стала высока;

Терзають волки ихъ, разсѣянное стадо,
И нѣтъ имъ пастыря. — Сердитая рѣка!
Блюди волнамъ твоимъ повѣренное чадо:
Въ немъ кроется тотъ мужъ, тотъ избранный небесъ,
Кто рабства съ нихъ низложитъ бремя;
Дщерь Фараонова! расти святое сѣмя. —
Свободы наступило время,
Израиль радостью воскресъ,
Смутился Фараонъ предъ множествомъ чудесъ,
И съ торжествомъ бѣжитъ избавленное племя:
Имъ облакъ освѣщаетъ ходъ,
Имъ море путь даетъ средь водъ,
И предъ Синаемъ сталъ богоизбранный родъ.

❋

Земля! почто ты вся трепещешь,
И твердый твой дрожитъ изподъ?
Что, небо! твой затьмило сводъ,
И все ты молніями блещешь?
Синай приникъ челомъ;
Днемъ ночь покрыла землю.
Гремитъ подземный громъ;
Горѣ гласъ трубный внемлю.
Съ полей и огнь и дымъ
Курится какъ съ горнила;
За облакомъ густымъ
Нѣтъ дневнаго свѣтила.

И вдругъ сгущенныхъ мрачность тучь
Разсѣкъ Господней славы лучь;
Неся въ рукахъ завѣтныя скрижали,
Свѣтъ льющій отъ чела, явился Моисей,
И не стерпѣлъ взоръ трепетныхъ людей,
И ослѣпленные, къ ногамъ пророка пали.

❋

Законодатель мертвъ, но живъ еще законъ.
Предъ нимъ распался Ерихонъ,
Имъ покорилася земля млека и меда.
Возсталъ ли врагъ? изчезъ какъ сонъ:
Ищу полковъ, и нѣтъ ихъ слѣда.
Навинъ, Девора, Гедеонъ,
И ты, сильнѣйшій льва Самсонъ,
Гдѣ вы тамъ слава и побѣда.
Граждане ли, забывши честь,
Гостепріимство, долгъ и вѣру,
Могли грѣха изполнивъ мѣру,
Обиду страннику нанесть?
Сѣкира мрачнаго Левита
Всѣмъ раздѣлила страшну вѣсть;
Всѣ какъ одинъ ему защита,
И злому дѣлу злая месть.

❋

Утѣшно послѣ брани
Склониться на поля,

Гдѣ щедрая земля
Обильны платитъ дани
Трудящимся жнецамъ.
По желтымъ полосамъ
Всѣ идутъ дружнымъ рядомъ;
Не льзя окинуть взглядомъ
Веселой ихъ толпы;
Работаютъ серпы,
И вмѣсто нивъ волнистыхъ
Пожатые снопы
Въ поляхъ остались чистыхъ;
Да класы кое-гдѣ
Забытые въ трудѣ,
Оставленные въ пищу
Убогому и нищу.
Чуть солнца виденъ свѣтъ,
Чуть пробудилась нива,
Жена цвѣтущихъ лѣтъ,
Прекрасна и стыдлива,
Рожденна для утѣхъ,
Приходитъ ранѣ всѣхъ,
И цѣлый день сбираетъ,
И отдыха не знаетъ.
Сыновъ Моавлихъ дочь,
Пришла въ страны ей чужды,
Дѣля свекрови нужды,
Желая ей помочь.
« Не разлучусь съ тобою, »

Сказала ей она,
« Гдѣ ляжешь ты главою,
« Тамъ лечь и я должна.
« Въ скитаніи убогомъ
« Направлю я твой ходъ;
« Твой Богъ мнѣ будетъ Богомъ,
« Народомъ твой народъ. »
Въ нихъ Руѳь и награжденье
Достойное нашла
За матери призрѣнье
И добрыя дѣла.
Воозъ узналъ богатой
Приходъ ея въ страну,
Воздалъ за жертвы платой,
И взялъ ее въ жену.

❧

Чета почтенная! за вашу добродѣтель
Господь весь родъ вашъ возлюбилъ;
И каждый внукъ вашъ странъ владѣтель,
И царскій жезлъ Израиль имъ вручилъ.
Но паче всѣхъ одинъ прославленъ:
Малъ былъ онъ въ братіи своей,
Отцемъ и матерью оставленъ,
Но призрѣнъ отъ царя царей.
Едва вступая въ путь, надъ грознымъ исполиномъ
Торжествовалъ онъ, щастливый боецъ;
Царь, пастырь, воинъ и пѣвецъ,

Весь жизни цвѣтъ собралъ въ себѣ единомъ;
И Господа поя за множество даровъ,
Наитіемъ восторга окриленный,
Онъ пляскою встрѣчалъ кивотъ священный
Подъ звонкій гласъ своихъ божественныхъ псалмовъ.

❧

Кто дастъ мнѣ крылья голубины
Взлетѣть съ Давидомъ къ небесамъ?
Дерзну ли, дщери Мнемозины,
Съ моленьемъ симъ прибѣгнуть къ вамъ?
Нѣтъ, чада Греціи прекрасной,
Вамъ жизнь лишь въ родинѣ одной;
Туда вы пѣснью сладкогласной
Зовете духъ прельщенный мой:
« Оставь, о другъ, верьхи Кармила,
« Сіона стѣны и поля.
« Какая въ небо мысль взманила?
« У насъ такъ хороша земля.
« Смотри, какъ острова цвѣтущи,
« Любуясь, море обтекло;
« Какъ всюду грады, веси, кущи,
« Глядятся въ влажное стекло.
« Здѣсь торгъ, весло пріявши въ руки,
« Покрылъ судами океанъ;
« Сюда изгнанныя науки
« Стеклись изъ отдаленныхъ странъ.

« Тамъ лозы, маслины и нивы,
« Тутъ храмъ, θеатръ иль гиподромъ;
« Здѣсь всѣ свободны и щастливы,
« Здѣсь славы, Музъ, и щастья домъ. »

❦

Чудесной силою влечетъ сей голосъ чистой;
И девять сестръ, взявъ за руки меня,
Ведутъ на верьхъ горы высокой, двухолмистой,
Гдѣ съ шумомъ льется токъ сребристой,
Копытомъ выбитый крылатаго коня.
Я въ трепетѣ святомъ склонился надъ водами,
Коснулся струй горящими устами,
И вдругъ съ очей низпала пелена;
Предъ взоромъ сблизились мѣста и времена,
И несказанное мнѣ зрѣлище открылось.
Съ чего начну? гдѣ успокою взглядъ?

❦

У ногъ моихъ вотъ Дельфы градъ;
И множество тамъ жертвъ курилось;
И на треножникъ золотой,
Измучена безплодною борьбой,
Съ лицемъ неистовымъ, съ разтрепанной главой,
Садилась Пиθія; молельцы ей внимали,
И таинства сокрытыя судьбой
Въ отвѣтахъ темныхъ проникали.

Тамъ варвары, послы невѣдомой страны,
  Богатый даръ въ честь Фиву посвящали;
А тамъ всей Греціи избранные сыны,
    Блюстители Амфиктіоны,
Миръ правый строили, гасили огнь войны,
    И всѣ ихъ слушали законы.

❋

    А тамъ, за моремъ Алкіоны,
Пришельца Пелопса богатая земля:
  Въ ней сто градовъ; вотъ первый предъ очами
  Коринѳъ, двумя владѣющій морями.
      Народъ бѣжитъ толпами
      На встрѣчу корабля,
  Побѣдными покрытаго вѣнцами.
    Тиранъ нещастныхъ Сиракузъ,
      Плѣненный ихъ полками,
    Везется въ немъ подъ гнетомъ узъ,
Сложенныхъ наконецъ отечества сынами. —
Вотъ брегъ Ахаіи, и въ немъ святый союзъ
Безстрашныхъ воиновъ, свободныхъ отъ упрековъ,
Достойныхъ слыть въ вѣкахъ послѣдними изъ Грековъ.

❋

  А тамъ, о видъ прелестный для очей!
      Гдѣ тихой, сребряной струей
      Влюбленный зыблется Алфей,

Великолѣпный градъ и храмъ чудесный міру:
Въ немъ самъ присутствуетъ Зевесъ.
Каковъ являлся онъ Омиру,
Когда пѣвецъ боговъ будилъ живую лиру,
Таковъ и къ Фидію спустился онъ съ небесъ;
Одѣлся костію и златомъ,
И въ облаченіи прекрасномъ и богатомъ
Возсѣлъ на блещущій престолъ.
Оттолѣ, радостный, онъ зритъ обширный долъ,
Гдѣ легкія какъ птицы
Со стукомъ мчатся колесницы;
Гдѣ отъ Эллады всей стекаются бойцы;
Епира всадники и Критскіе стрѣльцы
Гдѣ силятся оспорить лавръ побѣдный;
Сплетшіесь гдѣ ломятся борцы;
Гдѣ кистень бьетъ о кистень мѣдный,
И гдѣ несчетныхъ рукъ плескъ раздаетъ вѣнцы.

⁂

Ты ль вслѣдъ мнѣ предстаешь, нещастная Мессена,
Наслѣдіе Ираклов ыхъ дѣтей?
Ты пала, но гордись еще судьбой своей:
Ты колыбель и гробъ Аристомена.
А ты, о Спарта, градъ войны,
Народъ безжалостный къ убогимъ!
Дивлюсь твоимъ законамъ строгимъ,
Но отвращаю взоръ отъ грубой ихъ страны.

Его къ тебѣ простру, о Мантинея,
Гдѣ побѣдивъ граждан-тирановъ строй,
Со славой, съ радостью мертвъ Ѳивскій палъ герой.

❧

Иль, имъ пойду блуждать лѣсистаго Ликея
И звонкаго Менала по холмамъ,
Въ вертепы темные, гдѣ Пана по слѣдамъ,
Къ таинственнымъ и шумнымъ торжествамъ
Сбираются Аркадіи всѣ боги,
Сатиры ярые и Нимфы легконоги.
Но вотъ вблизи и брегъ гдѣ жилъ Агамемнонъ,
Вотъ Аргосъ и Микены.
Чертога древняго еще остались стѣны.
Отсель онъ, Грековъ вождь, отплылъ подъ Иліонъ;
Тутъ палъ онъ жертвою измѣны,
А тамъ Орестовой отмстилъ рукою онъ.

❧

Но что, шумя, Эгейски волны
Мчатъ вдоль Аяксовыхъ бреговъ?
Разбитыя суда и челны
Несутся по верьху валовъ,
И вкругъ пролива оба полны
Снастей и труповъ и головъ.
Нарядъ ихъ чуждый, образъ дикій:
Твои все жалкіе рабы,
Мидянъ и Персовъ Царь великій!

Ты сихъ злощастныхъ жертвъ судьбы
Пригналъ изъ Асіи толпами;
Ты моря оковавъ брега,
Какъ непокорнаго врага,
Безумецъ, сѣкъ его бичами;
Теперь гдѣ похвальба твоя?
Твоихъ Безсмертныхъ гдѣ дружины?
Ты радъ что быстрая ладья
Тебя спасаетъ отъ кончины.
Бой незабвенный Саламины!
Блаженъ, блаженъ кто былъ въ тебѣ.
А вы, цвѣтъ Греціи, Аѳины!
Вы, въ славной первыя борьбѣ,
Вы чтя всѣхъ выше благъ свободу,
Домовъ ни храмовъ не цѣня,
Ихъ въ жертву предали огня:
Честь вамъ! позднѣйшему народу
Да будетъ вашъ примѣръ священъ.
Съ почтеньемъ ищетъ взоръ мой слезный
Сей пеплъ отечеству полезный
Разрушенныхъ Паллады стѣнъ.

❋

Но сонъ ли вижу я, или волшебнымъ словомъ
Тамъ камни движутся при Амфіонѣ новомъ,
И въ стройной красотѣ возходятъ къ облакамъ?
Ареевъ холмъ вѣнчаетъ дѣвы храмъ;
Великолѣпныя отверзты Пропилеи;

Подобный варваровъ шатрамъ
Вотъ пышный Одеонъ, и битвы въ немъ трофеи,
Корысть, Аѳинамъ честь, и Ксерксу вѣчный срамъ;
А тамъ
Рядъ портиковъ, искуства диво,
Гдѣ Зевкса кисть и Фидіевъ рѣзецъ,
Веселье взоровъ и сердецъ,
Другъ съ другомъ спорятся за первенства вѣнецъ:
И мраморъ дышитъ тамъ, и древо краской живо.
Граждан несмѣтное число
По стогнамъ всѣмъ волнуется какъ море:
Кто къ площади спѣшитъ, витій гдѣ въ шумномъ спорѣ
Правленья движется кормило и весло;
Кто въ Академовъ садъ, гдѣ мудрости плодами
Питаясь, смертные равняются съ богами.
Но гуще всѣхъ толпы, и гражданъ, и гостей
На празднество молвою привлеченныхъ,
Бѣгутъ въ прекрасный домъ игръ Вакху посвященныхъ,
Гдѣ роскошь хвальная достойнѣйшихъ мужей
Всѣ чары собрала для слуха и для ока;
Гдѣ геній оживилъ преданія вѣковъ,
Событья смертныхъ и боговъ,
Борьбу великихъ душъ съ слѣпою властью рока,
Совокупивъ въ одно для чувствъ и для умовъ
И пользу важнаго урока
И прелесть сладостныхъ стиховъ.

Изъ мрака лѣтъ давно минувшихъ
Онъ дикихъ выставилъ людей,
Невѣжества и буйства сномъ уснувшихъ,
Одѣтыхъ кожами звѣрей,
Упитанныхъ сырыми ихъ тѣлами,
Или травой пустынь, или дубовъ плодами;
Вдругъ сынъ земли, отважный Промеѳей,
Дерзнулъ на небеса, и для боговъ возженный
Похитилъ огнь священный;
Спустился долу съ нимъ, и видъ нагихъ степей,
Согрѣтый теплотой лучей,
Разцвѣлъ въ единый мигъ: все жизнію взыграло.
Искуства родились; пила, сѣкира, рало,
Проникли въ глубь лѣсовъ; воздѣлались поля,
Златою нивою одѣлася земля,
Изъ блатъ возникли селы,
Ткань легкую дало руно блѣющихъ стадъ,
И кравъ сосцы млеко, и медъ душистый пчелы,
И радость жизни виноградъ.
Но небожители возревновали щастью;
Шлютъ казнь его творцу за хвальныя дѣла:
Его жилище впредь пустынная скала;
Ифестомъ жалостнымъ и непреклонной Властью
Прикованъ къ ней безсмертный сей Титанъ,
И съ нимъ бесѣдуетъ лишь древній Океанъ.
Но что сильнѣй души великой воли?
Противъ нее ничто Зевесовъ громъ:

Одинъ своей провидѣцъ доли,
Съ спокойнымъ Промеѳей челомъ
Ждетъ внука мстителя кто цѣпь его развяжетъ;
Живой утробой онъ орла насытитъ гладъ,
Падетъ въ бездонный адъ,
Но тайны вѣкъ мучителю не скажетъ.
Судьба исполнилась, и вѣки протекли,
И Промеѳея длань Иракла свободила:
Плѣнъ разума расторгла сила,
И вѣчный миръ насталъ межъ неба и земли.

⁂

Но между тѣмъ какъ всѣ съ безмолвнымъ удивленьемъ
Вперили умъ и слухъ и взоръ,
И плавно двигаясь подъ лирнымъ строемъ Хоръ
Гремитъ таинственнымъ, высокимъ пѣснопѣньемъ,
За ратью рать идетъ отъ Тибра береговъ.
Предъ ними смолкло все; лишь ревъ трубы военной
И грустный стукъ оковъ
До края слышится вселенной.
Величье краткое! вновь воиновъ толпы,
Какъ тучи снѣжныя, отъ сѣвера несутся.
Державы Римскія огромные столпы
Разимы вновь и вновь, трясутся
И съ трескомъ рушатся на прахъ.
Вездѣ грабежъ, убійство, страхъ,
Смѣсь странная племенъ и нравовъ и языковъ;

И Музы робкія на трепетныхъ крылахъ,
Сихъ варваровъ страшася буйныхъ криковъ,
Сокрылись отъ земли въ спокойныхъ небесахъ.
Одинъ!... что дѣлать мнѣ? кто мнѣ подастъ спасенье?
И кто бы укротить неистовыхъ возмогъ?...
Но что! зрю новое, чудесное явленье:
Низшелъ любви всесильный богъ.

❦

Не тотъ слѣпой младенецъ Афродиты,
Съ которымъ въ Пафосѣ рѣзвилися Хариты;
Безъ лука онъ, безъ свѣточи, безъ крылъ;
Златою бронею станъ юноша покрылъ,
Цвѣтными перьями свой убралъ шлемъ красивый,
И бѣлый конь подъ нимъ крутится лѣпогривый.
Подруга рыцаря, души его душа,
Съ нимъ всюду странствуетъ веселая Надѣжда:
Не злато ей уборъ, не пышная одѣжда,
Сама собой она мила и хороша.
Не Смѣховъ и не Игръ толпы ихъ провождаютъ,
Но Вѣрность, Искренность, Терпѣніе и Трудъ,
Владыки юнаго повсюду вслѣдъ текутъ.
На встрѣчу странникамъ, я вижу, поспѣшаютъ
Суровы воины; съ улыбкою благой
Амуръ имъ подаетъ законъ пріятный свой,
И съ радостью они ему внимаютъ.

И вотъ красавицы, кого ревнивый страхъ
Таилъ во мрачныхъ теремахъ,
Какъ вешніе цвѣты отъ плѣна свободились;
И храбрые упали къ ихъ ногамъ,
И съ новымъ рвеньемъ устремились,
Чтобъ ихъ понравиться очамъ,
Къ опасностямъ, къ трудамъ,
За подвигомъ, за славой,
И въ дальной путь и въ бой кровавой.

⁂

Въ дни празднествъ поприще имъ растворяетъ честь;
И витязи съѣзжаются толпою,
Горя желаніемъ награду пріобрѣсть,
Даруемую имъ прекрасною рукою,
Свою тѣмъ Даму превознесть,
И съ ней себя хвалою.
Едва успѣетъ око счесть
Отважныхъ всѣхъ, готовыхъ къ бою.
Прекрасный видъ: чуть разсвѣло,
Уже какъ въ ульѣ рой шумящій
Тѣснится зрителей несмѣтное число.
Но вотъ и сонмъ бойцовъ блестящій:
Какъ бодро ѣдутъ всѣ они!
Какъ ихъ доспѣхи, латы,
И крѣпки и богаты!
Какъ статны ихъ кони!

Какъ разпущенныя знамена ихъ пестрѣютъ!
Какъ пышно шлемовъ ихъ пернаты гребни вѣютъ!
Какія надписи на вѣщихъ ихъ щитахъ!

❦

Но гласъ трубы раздался мѣдной:
Привстали всадники на крѣпкихъ стременахъ.
Кому изъ нихъ вѣнецъ побѣдной? —
Еще трубятъ: какъ вихрь иль громъ
Пустились всѣ; ихъ глазъ не видитъ болѣ;
Подъ ними застонало поле,
И стала пыль столпомъ. —
Щиты дробятся, копья ломки
Въ куски летятъ, мечей булатъ
Частитъ удары громки
Въ стальныя кольцы латъ.
Не всѣ и храбрые щастливы:
Тотъ раненъ, тотъ упалъ; сильнѣйшая рука
Изъ сѣдлъ ихъ вышибла, и кони ихъ ретивы
Ржутъ, въ полѣ мчась безъ сѣдока.
Рѣдѣетъ бой. Одинъ воитель
Остался наконецъ,
Щастливый прочихъ побѣдитель.
Ему награда и вѣнецъ;
Ему сей шарфъ златой, царевны рукодѣлье,
Сей богатырскій мечь: (въ дни давней старины
Онъ былъ предмѣтъ войны,
И нѣтъ ему цѣны).

Торжественникъ! полно твое веселье:
Со всѣхъ сторонъ къ тебѣ несется похвала;
И та красавица, которая была
    Одна изъ всѣхъ тебѣ мила,
    Уже съ улыбкою небесной
Тебя надѣждою даритъ награды лестной,
Которую давно любовь твоя ждала.

⁂

Но болѣе еще ты щастія достоинъ,
Коль столько жъ сладостный пѣвецъ какъ храбрый воинъ,
Со славой равною двойной окончишъ трудъ:
Руками, грозные нанесшими удары,
    Коснешся звонкихъ струнъ гитары,
И нѣжнымъ пѣніемъ прельстишъ Любовный Судъ.
Такъ, рыцарь тотъ изъ всѣхъ зовется совершеннымъ,
Въ комъ къ женщинамъ любовь и Трубадуровъ даръ
  Краса и цвѣтъ достоинствамъ военнымъ.

⁂

Не менѣ отъ того горитъ въ нихъ бранный жаръ;
Не вѣкъ имъ праздновать веселью и покою.
    Лишь зацвѣтутъ поля весною
        И трубъ раздастся ревъ,
    Уже въ нихъ духъ кипитъ войною,
    И каждый агнецъ вышелъ левъ.

От устья Тагова до дальней Палестины,
Летая молнiей, разят они врагов,
И часто вспять от горсти сих бойцов
Ордами бѣгали Срацины.

❧

За ними на крылах дух устремился мой.
Какiе подвиги, удары, смерти, раны!...
Какiе страшные собрались предо мной,
Подобно грезам сна, живые великаны!...
Не уж ли сон мысль оковал мою?
Нѣт; нѣт, в лице их узнаю:
Вот Мавров Молот Карл, Европы всей спаситель;
Вот Кампеадор Сид, отцевой чести мститель;
Вот вѣры щит Годфред; вот сердцем лев Ричард;
Вот страха и упрек незнающiй Баярд;
И наши, вот они: и Святослав великiй,
Царьградских Кесарей соперник полудикiй;
И Половцев гроза и страх,
Краса владык, вѣнчанный Мономах;
И два Мстислава, честь Россiи,
Два храбрые, столпы Святой Софiи;
И Невской, и Донской!..
Я вижу, движется их строй,
Их очи смотрят, грудь их дышит...
Промолвите, Герои древних лѣт!
Да глас ваш жадный слух услышит;

Хочу рукой моей коснуться васъ.... Ахъ! нѣтъ!
Нѣтъ ихъ! нѣтъ никого! мечта воображенья
Мой обманула взоръ: зарытые землей,
    Для нихъ нѣтъ болѣ пробужденья.
    Одинъ, въ тиши ночнаго бдѣнья,
  Я здѣсь съ душой смущенной отъ скорбей!
  Вокругъ меня зари свѣтъ слабый льется;
  Лице горитъ, мретъ голосъ, сердце бьется,
    И слезы каплютъ изъ очей.

АХИЛЛЪ И ОМИРЪ.

Въ морѣ пространномъ, Евксинѣ, островъ пустынный,
Имянемъ славный, прахомъ богатый Ахилла; (2)
Тамъ сребреногая мать, богиня Ѳетида,
Скрыла въ нѣдро земли драгоцѣнную урну:
Горько ей было, безсмертнымъ подобнаго сына
Кости оставить въ полѣ чужомъ и враждебномъ;
Съ помощью сестръ Нереидъ, въ краю неприступномъ
Гробъ воздвигла, окрестъ его шумныя волны.

И жива душа Ироя:
Призракъ, страшный для очей,
Цѣпи вѣчнаго покоя
Онъ слогаетъ въ тьмѣ ночей;
На холмѣ могильномъ стоя,
Ищетъ взоромъ вдоль зыбей:
Гдѣ разваленная Троя
Стала логовомъ звѣрей?
Онъ горитъ желаньемъ боя,
Стрѣлъ, и копій, и мечей.

Но велѣнія Миноя
Непреложны для тѣней;
И лишь солнцу путь устроя,
Блескъ заря прольетъ лучей,
Призракъ вновь, стеня и воя,
Изчезаетъ подъ землей.

⁂

Горе смутителю пепла священнаго!
Кара жестокая ждетъ дерзновеннаго.
Горе Пелидовъ прервавшему сонъ!
Страшенъ и въ гробѣ разгнѣванный онъ.
Власти божественной дивное знаменье:
Воздухъ, и море, и древо, и каменье,
Двигнутся жизнію, станутъ на казнь.
Горе преступнику, міру боязнь!

⁂

На брегахъ, для стадъ обильныхъ,
Гдѣ струится Ѳермодонъ,
Суть станицы женщинъ сильныхъ,
Брака презрѣвшихъ законъ.
Нѣтъ мужей, и нѣтъ любови;
Кражей дѣвъ отъ чуждой крови
Ихъ плодятся племена;
Ихъ забава: ловъ и кони,
Ихъ нарядъ: щиты и брони,
Жизнь: набѣги и война.

Всадницъ сихъ плыла дружина;
Жадность съ дѣтства къ грабежамъ
Принесла хребтомъ Евксина
Ихъ къ Ахилловымъ брегамъ.
Въ ослѣпленіи гордыни,
Гробовой не чтя святыни,
Ей грозитъ ихъ шумный строй;
Скачутъ, и коней копыта
Топчутъ холмъ, подъ коимъ скрыта
Урна, въ коей скрытъ Ирой.

❋

Но ты, божественный! дхнулъ гнѣвомъ изъ могилы;
Взкричалъ на нихъ, и вдругъ
Отъ страха хладная кровь потекла въ ихъ жилы;
Коней объялъ испугъ.

❋

Сдержать нѣтъ силы.
Звѣрь каждый конь:
Грызутъ удилы,
Изъ глазъ огонь;
Дрожатъ всѣ члены,
Клубами пѣны
Залились рты,
Кольцомъ хвосты,
И дыбомъ гривы;

Чрезъ камни, рвы,
Кусты и нивы,
Межъ ногъ главы
Нагнувши долу,
По произволу
Несутся, мчатъ,
Храпятъ и ржатъ;
Имъ всадницъ крики
Страшны и дики;
Въ глубь водъ морскихъ
Съ крутаго брега,
Стремглавъ съ разбѣга
Свергаютъ ихъ;
Плывутъ съ женами,
Доколь волнами
Окружены,
Борьбой безплодной
Побѣждены,
Пучиной водной
Поглощены.

❋

Со дня того кругомъ простерся страхъ чрезмѣрной;
Со дня того никто уже не смѣлъ
Ступить ногою за предѣлъ,
Поставленный сей казнью безпримѣрной:
И собственныхъ ловецъ боится стрѣлъ,
И дровосѣкъ своей сѣкиры вѣрной;

И песъ и волкъ
Далеко прочь бѣгутъ отъ страшныя гробницы;
И въ воздухѣ надъ ней летать не смѣютъ птицы,
И жизни шумъ вокругъ замолкъ.

⁂

Но юный пастухъ, беззаботное чадо,
Единый, (знать боги щастливца хранятъ!)
Что утро, то гонитъ блѣющее стадо;
И въ полдень, какъ овцы насытяся спятъ,
Онъ ладитъ цѣвницу, поетъ и играетъ.
Затихнетъ и вѣтеръ и волны и лѣсъ;
Но пѣснь раздается, и все ей внимаетъ:
И глуби морскія, и выси небесъ.

⁂

Откол ѣ ты, юноша? кто твой родитель?
Чьей груди, прекрасный, воздоенъ млекомъ?
Женою ль рожденный ты, неба ли житель,
Въ подобіи смертнаго скрытый простомъ?
Иль Музы качали тебя въ колыбели,
Иль пѣступномъ Фива послали судьбы,
Что звуки тобой вдохновенной свирѣли
И лиры стройнѣе и громче трубы?

⁂

Такъ пѣлъ Амфіонъ и супругъ Евридики,
Какъ первый воздвигнулъ безъ зиждущихъ градъ,

Какъ гласомъ другаго подземные лики
Смутились, и жалость почувствовалъ адъ.
И ты, пастырь юный, плѣнительнымъ пѣньемъ
Проникнулъ въ глубокую Тартара мглу,
И съ радостнымъ внемлетъ Ахиллъ умиленьемъ
Себѣ и Патроклу Омира хвалу.

Омиръ.

Чадо Пелея царя, среброногой богини рожденье,
Діи любимецъ, равный богамъ Ахиллъ быстроногій!
Кроткій мнѣ слухъ преклони, и моленій усердныхъ не презри:
Дщери Зевеса молитвы, самъ онъ молельцевъ вожатый;
Волей его я пришелъ, да къ тебѣ излію мою душу.
Жертвъ я, Пелидъ, съ собой не принесъ, ни даровъ драгоцѣнныхъ:
Бѣдному нечего дать, и стадо пасу я чужое.
Родшихъ не знаю своихъ; но должно ль пещися о родѣ
Смертныхъ? жребіемъ сходны они съ листами дубравы:
Вѣтръ ихъ на землю валитъ, весною жъ родятся другіе.
Пастыри въ дѣтствѣ меня нашли на брегѣ Мелиса;
Сжалясь, домой унесли, и сложили чудесныя басни:
Яко бы пищу боговъ носили мнѣ голуби Діи,
Пчелы жъ, роясь на устахъ, сбирали съ нихъ медъ свой янтарный.
Ихъ ли повѣря словамъ, или просто сжалясь надъ сирымъ,
Вмѣсто сына меня взкормила жена Криѳеида,
Мудрая дочь Меланопа, пѣвца богинь иноземныхъ;
Собственныхъ чадъ ласкать не дала ей брачная Ира.

Съ юности паче всего любилъ я высокія пѣсни.
Въ праздники часто къ намъ ходили старцы слѣпые;
Жадно я слушалъ ихъ, вѣщія думы тревожили сердце.
Пѣли они паденье богами оставленной Трои;
Тевкровъ сильный отпоръ, и побѣды бранныхъ Данаевъ;
Братьевъ Атридовъ царей, и мудраго Нестора старца;
Сына Тидеева съ Многострадальцемъ, любимцевъ Паллады;
Рати надѣжную стѣну, твердаго въ битвахъ Аякса;
Болѣе всѣхъ тебя, Ахиллъ, и друзей твоихъ вѣрныхъ:
Васъ, о младый Антилохъ, о Фениксъ годами согбенный,
О драгоцѣннѣйшій другъ, Сарпедона въ бою побѣдитель!
Жадно я слушалъ ихъ, новая дума родилася въ сердцѣ:
Подвигъ славный воспѣть, и гнѣвъ твой, многихъ погибель.
Тѣсно мнѣ стало дома; я, простясь съ Криѳеидой
Плачущей, (долгую мать разлуку предвидѣла), пѣшій
Берегомъ моря пошелъ искать знаменитыя Трои.
Жителей нѣтъ; врата, чертоги, стѣны, и башни,
Все травой поросло; окопы же стана Ахеянъ
Влажнымъ пескомъ заметалъ Посидонъ, и въ образѣ прежнемъ
Только остались Ксанѳъ и Симоисъ, быстрые токи;
Иду жъ, кормилицу дикихъ звѣрей, доселѣ посѣщаетъ
Зевсъ громовержецъ, и молніей часто блещетъ съ Гаргара.
Стадникъ встрѣтился мнѣ, какъ я пришлецъ иноземный;
Мы помѣнялися: съ космами тонкой шерсти хламиду,
Матери даръ, вручивъ, тельца не оравшаго нивы
Чернаго, также двухъ черныхъ овновъ я добылъ рогатыхъ,

Въ жертву принесть тебѣ, Ахиллъ, и друзьямъ твоимъ вѣрнымъ,
Вмѣстѣ, я мнилъ, зарытымъ въ землѣ подъ холмомъ высокимъ.
Тризну свершилъ, сперва млекомъ возливая и медомъ,
Радостнымъ послѣ виномъ, наконецъ и чистой водою;
Жертвы потомъ заклавъ предъ началомъ священныя ночи,
Сжегъ ихъ до тла, а кожи постлавъ парныя на землю,
Легъ, и вскорѣ Эрмій закрылъ усталыя вѣжды
Соннымъ жезломъ. — И се душа Ироя Патрокла,
Ставъ надъ главою моей, мнѣ ласково молвила слово:
«Юноша, смѣлый юноша! нѣжно любимъ ты богами;
«Кто бы безъ помощи ихъ посмѣлъ нарушить спокойство
«Орковыхъ тихихъ полей? но ты желаешь прославить
«Мужа великаго, друга сладчайшаго, честь Мирмидонянъ:
«О, помоги тебѣ Фивъ, и пѣвицы безсмертныя, Музы!
«Здѣсь не узришь его; дражайшія кости Ахилла
«Нѣжная мать отъ всѣхъ сокрыла въ землю иную,
«Дальную: смертнымъ вѣсти о ней молва не доноситъ;
«Боги же знаютъ все. Внемли, и слова мои помни:
«Островъ есть Дилъ; онъ древле плавалъ въ волнахъ Посидона;
«Послѣ сталъ, когда гонимая Ирою Лита
«Въ немъ родила божественныхъ чадъ, близнецовъ стрѣлометныхъ.
«Тамъ провидецъ судебъ Аполлонъ пріемлетъ молитвы,
«Тайны будущихъ дней вѣщаетъ, и учитъ успѣху;
«Тамъ лишь узнаешь о томъ что духъ тревожитъ желаньемъ,
«Буде нѣтъ страха въ тебѣ, и стерпишь воззрѣнье Ахилла.»
Тѣнь слилася съ окружною тьмой, и я пробудился.

Блѣдныя звѣзды гасли уже въ разсвѣтающемъ небѣ.
Вставъ, и молитву изливъ къ Ирою, Менетія сыну,
Берегомъ въ путь я пошелъ, и достигнулъ въ ближнюю пристань.
Тамъ былъ готовый къ отплытію корабль купцовъ Финикійскихъ:
Моремъ съ края въ край суда ихъ мчатся какъ птицы.
Вдаль собирались они, въ Гесперію; съ ними условясь,
Поплылъ и я, весломъ разсѣкая соленую влагу:
Въ Дилъ на обратномъ пути меня завезть обѣщались.
Боже! сколько предъ тѣмъ мы видѣли странъ и народовъ,
Сколько рѣкъ и морей, и пустынь и градовъ многолюдныхъ!
Менѣ блуждалъ Одиссей, домогаясь родимой Иѳаки.
Въ Кипрѣ былъ я, въ Критѣ, въ Египтѣ врачами обильномъ,
Въ знойной землѣ Еѳіопъ, въ предѣлахъ Ливійскихъ, гдѣ овцы
Трижды ягнятся въ годъ, и Атлантъ исполинскою силой
Держитъ небо вверьхъ отъ земли на столпахъ превысокихъ.
Долго скитались мы, то войною занимаясь, то куплей;
Мирныхъ встрѣчали людей, и варваровъ злыхъ, людоѣдовъ.
Новую вывело солнце весну, когда мы вершины
Кинѳа узрѣли, и древъ красоту безсмертную пальму.
Спѣшно во храмъ я пошелъ, окруженный лавровою рощей;
Въ дымѣ куреній и жертвъ молилъ сребролучнаго бога,
Яко во снѣ повелѣлъ мнѣ другъ твой Патроклъ благородный.
Молча, слушалъ жрецъ, кивая главой убѣленной.
« Чадо, » впослѣдокъ сказалъ, « чего ты просишь отъ Фива?
« Пагубы: славы боговъ не сноситъ смертное око.
« Дерзкій ловецъ Актеонъ въ купальнѣ узрѣлъ Артемиду:

« Робкимъ еленемъ его на мѣстѣ псы разтерзали;
« Зевса любовь не спасла сожженной громомъ Семелы;
« Мудрый Тирезій ослѣпъ за невольный взглядъ на богиню:
« Что же будетъ съ тобою, несчастный?» Онъ рекъ, и внезапно
Знаменье дивное старца угрозы мнѣ подтвердило.
Ястребъ, Фиву любезная птица, подъ кровлею храма
Свилъ гнѣздо; одинъ изъ птенцовъ уже оперенныхъ
Вылетѣлъ, свѣтомъ прельстясь въ небесахъ горящаго солнца:
(Знойно въ полдень оно сверкало лучами златыми);
Смѣло въ него смотря, и крылья раскинувъ широко,
Взвился пернатый; но силы ослабли, блескъ нестерпимый
Взоръ помутилъ; едва онъ дышущій, на землю камнемъ
Палъ. « Внемли,» тутъ молвилъ жрецъ, исполняся духа,
« Въ знаменьи семъ твой жребій явилъ Аполлонъ: ты Ахилла
« Узришь, сквозь страхи и бѣдства цѣли желанной достигнешь;
« Послѣ жъ . . . зри полумертвую птицу: тяжкой цѣною
« Платятъ Фива любимцы за даръ вдохновеній небесныхъ.»
Въ думѣ безмолвной пошелъ я ко брегу; корабль свой Тиряне
Въ путь снарядили уже, и вѣтеръ манилъ ихъ попутный;
Весело отплыли, гибель межъ тѣмъ Посидонъ имъ готовилъ,
Жертвой забытый отъ нихъ. Едва мы минули Киклады,
Яростный Зефиръ возсталъ, и дуя въ корму непрестанно,
Несъ по зыбямъ; какъ горы вздымались волны сѣдыя;
Ночь налегла на пучину, и клубами быстрыя тучи,
Сѣя частымъ дождемъ, неслися силою вихря.
Кормчій отчаянный свѣта не взвидѣлъ; суетно взоромъ

Въ небѣ искалъ онъ Плеядъ, и ложащагось поздно Воота,
Горней медвѣдицы, вѣкъ обращенной лицемъ къ Оріону,
Въ нѣдро жъ лазурныхъ морей одной никогда незакатной.
Послѣ трехъ дней воздвигся отъ юга и Нотъ окриленный,
Судно помчалъ въ Гелеспонтъ: мы думали тутъ и погибнуть.
Смертью съ обѣихъ бреговъ грозили скалы; мы срединой
Правили въ узкомъ проливѣ, и богъ помогалъ намъ враждебный;
Такъ и Восфоръ прошли мы; въ морѣ жъ широкомъ, Евксинѣ,
Вѣтры всѣ, смѣсившись, на насъ пустились отвсюду;
Щеглу въ щепы разбивъ, корабль безъ веслъ и кормила
Бросили на мель; треснулъ бокъ, и въ широкія щели
Съ шумомъ вода полилась: тутъ бросился каждый спасаться.
Доску успѣлъ я схватить, и берегъ завидя далекій,
Силился плыть, доколѣ память и руки служили.
Взпомнился я, предъ огнемъ, у здѣшнихъ рыбарей въ кущѣ:
Ими спасенъ я одинъ, товарищи всѣ потонули.
Только смогъ я собраться съ силами, проданъ въ неволю;
Мудрый Ментисъ, старецъ богатый, мой нынѣ владѣлецъ,
Стадо мнѣ ввѣрилъ пасти. Съ какимъ я возторгомъ душевнымъ
Свѣдалъ, что здѣсь наконецъ нашелъ я гробницу Пелида!
Тщетно стращали меня погибелью женъ Амазонокъ.
Сердцемъ чистый, отвергнулъ я страхъ, и нынѣ десятый
День, какъ хожу сюда, и тебѣ усердно молюся.
Сжалься, божественный! взпомни: оставилъ я домъ и отчизну
Ради тебя; лишился всѣхъ благъ, и даже свободы;
Вящаго зла ожидаю, и смѣло всему подвергаюсь:

Что мнѣ терять? все отдамъ: ни очей не жалѣю, ни жизни;
Лишь бы взглянуть на тебя, и сердца желанье насытивъ,
Молвить: я видѣлъ его, я видѣлъ Ироя Ахилла.

⁂

Такъ пѣлъ младый Омиръ; окрестная страна
Внимала, тихаго безмолвія полна;
Валы безшумные, умаливъ силу бѣга,
Ложились на пескѣ, не доплывая брега;
Изъ вѣтровъ ни одинъ не колебалъ травы;
Склонивъ отъ зноя въ тѣнь недвижную главы,
Стада спокойные на паствѣ отдыхали;
Листы по вѣтвіямъ отъ говора престали;
И солнце въ высотѣ, свѣтъ дивный лья кругомъ,
Катилось медлѣнно на небѣ голубомъ.
Вдругъ островъ задрожалъ, раздался гулъ подземный;
Надъ холмомъ гробовымъ простерся облакъ темный;
Отъ моря, съ пѣною, ревущіе валы,
Грядою двинувшись, ударились въ скалы;
Вѣтръ буйный заходилъ по густотѣ древесной;
И стадо, силою гонимое чудесной,
Вскочивъ, во всѣ страны разсыпалось стремглавъ;
Завѣсой мрачною лице свое застлавъ,
День царство уступилъ беззвѣздной, страшной ночи.
На гробъ недвижныя Омиръ уставивъ очи,
Стоялъ и ждалъ: и холмъ скрывающая мгла
Мгновенно на землю, сгустившися, легла;

Громъ частый загремѣлъ, ударъ во слѣдъ удара;
И яркій свѣтъ лія, какъ зарево пожара,
Во всеоружіи предсталъ Ирой Пелидъ.
Ужасенъ былъ его разженный гнѣвомъ видъ:
Въ десницѣ копіе, отъ ясней Пеліона,
Ссѣченное рукой наставника Хирона;
Щитъ въ шуйцѣ, трудовъ Ифестовыхъ вѣнецъ,
На коемъ мѣдь, сребро, и злато, и свинецъ,
Искусствомъ божескимъ чрезъ огнь совокупились,
И въ дивны образы сложась, одушевились;
Поножья: олово, мѣдь свѣтлая: броня;
Мечь тяжкій при бедрѣ, и гривою коня
Шлемъ помавающій, и гребень превысокой.
Эгидой озаренъ Аѳины свѣтлоокой,
Онъ разливалъ лучи, какіе въ темнотѣ
Горятъ призывные на башенъ высотѣ
Во градѣ бѣдственномъ, осадою стѣсненномъ,
Не зрящемъ помощи, и къ смерти осужденномъ:
Таковъ сверкалъ Ахиллъ; и блескъ его лица
Едва успѣлъ узрѣть взоръ юнаго пѣвца,
Сбылось что Фивъ предрекъ, и мракомъ вѣчной ночи
Закрылись нѣжныя, прекраснѣйшія очи.

ЕПИЛОГЪ.

Не сѣтуй объ утратѣ ихъ,
Пѣвецъ великій, славный въ мірѣ,
Учитель, царь пѣвцовъ другихъ!
Твоей они внимая лирѣ,
Ощутятъ силу божества;
И всю вселенную молва
Наполнитъ слухомъ объ Омирѣ.
Страдалъ ты нѣсколько годовъ,
Слѣпецъ безъ дома и отчизны;
Но ты умрешъ, и семь градовъ,
Страшась потомства укоризны
За небреженіе къ пѣвцамъ,
Заспорятъ межъ собой о правѣ
Тебя причесть къ своимъ сынамъ;
Какъ божеству, въ святой дубравѣ
Отъ мрамора воздвигнутъ храмъ;
И ты, безсмертнымъ равный въ славѣ,
Въ немъ примешъ честь и ѳиміамъ.
Жрецы же: внуки Омириды,
Въ нихъ будетъ кровь твоя жива;
И какъ оракулы Ѳемиды,
Твои священныя слова
Разсудятъ разпри и обиды.
Твой лавръ въ Элладѣ разцвѣтетъ:
Мудрѣйшій тамъ законодатель

Твои сокровища сберетъ;
И Асіи завоеватель
Ихъ злату Кира предпочтетъ;
И равный мужествомъ Ахиллу,
Въ своемъ торжественномъ вѣнцѣ,
Взирая на его могилу,
Вздохнетъ, завидуя въ пѣвцѣ.
И ни завистливые годы,
Ни отдаленные края
Не возпретятъ, чтобъ въ родъ и роды
Хвала промчалася твоя.
Возникнутъ новые народы,
И свѣта хладные концы
Твое услышатъ пѣснопѣнье;
Гиперборейскихъ странъ пѣвцы
Потщатся плесть тебѣ вѣнцы:
Къ нимъ свыше снидетъ вдохновенье,
Плѣнятся славою твоей,
И возпоютъ твое рожденье
И слѣпоту твоихъ очей.

———

СТАРАЯ БЫЛЬ.

Нашъ славный Владиміръ, нашъ солнышко Князь,
Побѣдой въ Херсонѣ вѣнчанной,
Съ добычею въ Кіевъ родной возвратясь,
По бурѣ покоился бранной;
Миръ съ Греками сладилъ, и брачную связь
Съ ихъ юной царевною Анной.

Нескудное вѣно пріяла сестра
Отъ щедраго Августа брата;
Премного онъ звонкаго далъ ей сребра,
Немало и яркаго злата.
Всѣ хвалятъ Княгиню: красна и добра,
Разумна, знатна и богата.

И подлинно Русь не видала такой;
Какъ пчелъ по весеннему лугу
За маткой летаетъ безчисленный рой,
Такъ дочери царской въ услугу
И евнухи кучей и жены толпой
Тѣснятся, ревнуя другъ другу.

Всѣмъ хитрымъ искусствамъ учились они,
Что любитъ Княгиня младая:
Поютъ словно птицы въ дубравной тѣни,
И пляшутъ, на лютняхъ играя.
Въ дому новобрачныхъ веселые дни,
Подобіе свѣтлаго рая.

Казны не жалѣетъ супругъ молодой,
Владиміръ Князь, соколъ нашъ ясной;
Сегодня былъ праздникъ, а завтра другой,
Все въ почесть для гостьи прекрасной.
То тѣшитъ воинской Варяговъ игрой,
Забавной, и вмѣстѣ ужасной;

То въ рощахъ дремучихъ, при звукѣ роговъ,
Съ ней ѣздитъ для ловли звѣриной;
То въ лодкѣ весельной, подъ пѣсни гребцовъ,
Надъ быстрой Днѣпровской пучиной
Катаетъ, любуясь обильемъ бреговъ,
И стольнаго града картиной.

«Да будетъ же праздникъ, всѣмъ прежнимъ вѣнецъ,»
Князь вымолвилъ слово златое,
«Высокія пѣсни отрада сердецъ,
«Напитіе неба благое;

« Огнемъ разогрѣетъ всю душу пѣвецъ,
« И жизни прибавится вдвое.

« Я выѣду завтра съ Княгиней моей
« За стѣны въ широкое поле,
« Гдѣ радостнѣй слушать и пѣть веселѣй
« Подъ небомъ открытымъ на волѣ;
« Туда же зову я всѣхъ добрыхъ людей:
« Тѣмъ лучше, чѣмъ будетъ ихъ болѣ.

« Довольно я добылъ богатствъ на войнѣ,
« Стяжалъ отъ отца и отъ дѣда;
« Добра не жалѣйте на завтрашнемъ днѣ,
« И брашнъ припасите и меда:
« Чтобъ сыты и пьяны всѣ были вполнѣ;
« А съ тощими что и бесѣда!

« Пусть вѣщіе придутъ и станутъ на судъ,
« И спорятъ: чье лучшее пѣнье?
« Достойно и щедро воздамъ имъ за трудъ.
« Второму пѣвцу награжденье:
« Цимискіевъ даръ Святославу, сосудъ,
« Трапезы моей украшенье.

« Но первый получитъ не то отъ меня,
« Въ бою побѣдитель щастливой;

« Персидскаго дамъ ему подъ верьхъ коня:
« Весь бѣлой онъ съ черною гривой;
« Копытомъ изъ камня бьетъ искры огня,
« И носится вихремъ надъ нивой.

❋

« Конь будетъ украшенъ Черкаскимъ сѣдломъ
« И шелковой цвѣтной уздою;
« Еще дамъ оружье: и щитъ и шеломъ,
« Кольчугу внизу съ бахромою,
« И мечь изъ булата съ Дамасскимъ клеймомъ
« И хитрой насѣчкой златою.

❋

« Ступайте жъ, снесите ко всѣмъ по домамъ
« Отъ Князя привѣтное слово;
« Надѣждой награды внушите пѣвцамъ
« И жаръ и усердіе ново;
« И завтра, чтобъ въ поле какъ выѣду самъ,
« Все къ празднеству было готово.»

❋

Вотъ утро настало и солнце взошло,
Врата отворились градскія;
Несмѣтное валитъ народа число:
И малые идутъ и большіе,
Всѣ въ пѣвчее поле; всѣхъ душу зажгло,
Чтобъ Русскихъ не сбили чужіе.

Вотъ выѣхалъ Князь со Княгиней своей
Въ вѣнцѣ и со скиптромъ въ десницѣ;
Везетъ ихъ четверка прекрасныхъ коней
Роскошно въ златой колесницѣ,
И громкій понесся кликъ добрыхъ людей
На встрѣчу имъ съ поля къ столицѣ:

❋

«Да здравствуютъ Князь со Княгиней! ура!
«Господь осѣни ихъ святыней!
«Ущедри онъ домъ ихъ обильемъ сребра
«И всякой земной благостыней!
«На многая лѣта для Русскихъ добра
«Да здравствуютъ Князь со Княгиней!»

❋

Князь ласковый отдалъ народу поклонъ,
И сѣлъ, словно пастырь у стада;
И къ бою пѣвцовъ сталъ выкликивать онъ:
«Боянамъ и честь и награда!»
И вышло ихъ двое съ двухъ разныхъ сторонъ:
Нашъ Русскій, да Грекъ изъ Царьграда.

❋

Нашъ средняго роста и среднихъ годовъ,
И красенъ былъ въ юные годы;
Но младость не радость средь бранныхъ трудовъ.
Цѣвницу носилъ онъ въ походы,

И пѣлъ у огней для друзей молодцовъ
Про старые вѣки и роды.

❋

Высокъ и прелестенъ какъ дѣвица Грекъ.
Красавца въ младенствѣ скопили;
Онъ плакалъ сначала: какъ слѣпъ человѣкъ!
Ему же добро сотворили:
Спокойный, богатый устроили вѣкъ,
И милостью царской почтили.

❋

И первому гостю нашъ ласковый Князь
Знакъ подалъ; и съ пѣвчихъ дружиной
Княгинѣ и Князю до ногъ поклонясь,
Предъ самой собранья срединой
Онъ сѣлъ; всѣ замолкли, другъ къ другу тѣснясь,
И голосъ запѣлъ соловьиной:

❋

Когда бъ воспѣть хотѣла ты,
Моя возлюбленная лира!
Блистающія съ высоты
Свѣтила горняго эѳира,
Средь дня въ пустыхъ бы небесахъ
Луны и звѣздъ ты не искала,
Но жизнь пія въ его лучахъ,
Одно бы солнце воспѣвала.

Когда же долгомъ чтишь святымъ
Возпѣть величіе земное,
Прославь хоть голосомъ простымъ
Царей величіе святое.
А ты, великій Русскій Князь!
Прости, что смѣю предъ тобою,
Отчизны славою гордясь,
Другаго возносить хвалою;
Мы знаемъ: твой страшится слухъ
Тобой заслуженныя чести,
И ты для словъ похвальныхъ глухъ,
Одинъ ихъ чтя словами лести.
Дозволь же мнѣ возвысить гласъ
На прославленіе владыки,
Щедроты льющаго на насъ
И на несчетные языки.
Ты дѣлишь блескъ его вѣнца,
Причтенъ ты къ роду Константина;
А славу кто поетъ отца,
Равно поетъ и славу сына.
Великъ предмѣтъ, а гласъ мой слабъ;
Страшусь... нѣтъ, бросимъ страхъ напрасной:
Почерпнетъ силу вѣрный рабъ
Въ глазахъ владычицы прекрасной.

❋

Кого же возпоетъ пѣвецъ,
Кого, какъ не Царей державныхъ,

Непобѣдимыхъ, православныхъ,
Носящихъ скипетръ и вѣнецъ?
Они пріяли власть отъ Бога,
И Божій образъ видѣнъ въ нихъ.
Внутри священнаго чертога,
Слитъ изъ металловъ дорогихъ,
Ступеньми многими украшенъ,
Высокъ, неколебимъ и страшенъ,
Поставленъ Августовъ престолъ.
Съ него, о Царь самодержитель,
Съ покорствомъ слышатъ твой глаголъ
И полководецъ побѣдитель
И чуждыя страны посолъ.
У ногъ твоихъ, изъ звонкой мѣди,
Твою являющіе власть,
Два льва, какъ алчущіе снѣди
Лежатъ, разинувъ страшну пасть.
Чудесная искуства сила
Безжизненныхъ одушевила;
И если кто въ пяти шагахъ
Отъ неприступнаго престола
Ногою смѣлъ коснуться пола,
Они встаютъ ему на страхъ,
Очами гнѣвными вращаютъ,
Рычатъ, и казнью угрожаютъ;
И зритъ въ душѣ смущенный рабъ,
Сколь предъ Царемъ онъ малъ и слабъ.

Но милосердіе царево
Изображающій символъ,
Неувядающее древо
Склоняетъ вѣтви на престолъ;
Не рода древъ обыкновенныхъ,
Земными соками взрощенныхъ,
Одѣтыхъ грубою корой,
Блестящихъ временной красой;
Чей листъ зеленой, цвѣтъ душистой,
На краткій мигъ прельщаютъ взоръ,
Доколь съ главы многовѣтвистой
Зимы рука сорветъ уборъ.
Вѣкъ древо Царское одѣто
Безсмертнымъ цвѣтомъ и плодомъ:
Ему весь годъ весна и лѣто.
Бѣлѣйшимъ снѣга серебромъ
Красуясь, стебль его высоко
Возносится, и надъ челомъ
Помазанника вдругъ широко
Разкинувшись, плѣняетъ око
И равенствомъ вѣтвей прямыхъ
И блескомъ листьевъ золотыхъ.
На сучьяхъ сребряныхъ древесныхъ
Витаетъ стадо птицъ прелестныхъ,
Зеленыхъ, алыхъ, голубыхъ,
И всѣхъ цвѣтовъ очамъ извѣстныхъ;
Изъ камней и драгихъ и честныхъ,
О диво! творческій рѣзецъ

Умѣлъ создать ихъ для забавы,
Великолѣпія и славы
Царя народовъ и сердецъ.

❋

О если бы сіи пернаты
Свой жребій чувствовать могли,
Онѣ бъ возпѣли: « Мы стократы
« Щастливѣй прочихъ на земли.
« Къ трудамъ ихъ создала природа;
« Что въ томъ, что крылья ихъ легки?
« Что значитъ мнимая свобода,
« Когда есть стрѣлы и силки?
« Онѣ живутъ въ лѣсахъ и въ полѣ,
« Должны терпѣть и зной и хладъ;
« А мы въ блаженнѣйшей неволѣ
« Вкушаемъ множество отрадъ. »
За что ты, небо! къ нимъ сурово,
И щастье чувствовать претишъ?
Что рекъ я? Царь! ты скажешъ слово,
И мертвыхъ жизнію даришъ.
Невидимымъ прикосновеньемъ
Всеавгустѣйшаго перста
Ты наполняешъ сладкимъ пѣньемъ
Ихъ вдругъ отверзтыя уста;
И львы, рыкавшіе дотолѣ,
Внезапно усмиряютъ гнѣвъ,
И кроткой покоряясь волѣ,

Смыкаютъ свой несытый зѣвъ.
И подходящій въ изумленьи
Въ Царѣ зрѣть мыслитъ божество,
Держащее въ повиновеньи
Самихъ бездушныхъ вещество;
Душой, объятой страхомъ прежде,
Преходитъ къ сладостной надеждѣ,
Внимая гласу райскихъ птицъ;
И къ Августа стопамъ священнымъ,
Въ Сидонскій пурпуръ обувеннымъ,
Главою припадаетъ ницъ.

❧

Онъ кончилъ. Владиміръ въ ладони плеснулъ.
За Княземъ стоялъ воевода;
Онъ платомъ народу поспѣшно махнулъ,
И плескъ раздался изъ народа:
Стучатъ и кричатъ, подымается гулъ
Съ земли до небеснаго свода.

❧

Безмолвенъ, и въ землю потупивши взоръ,
Нашъ Русскій пѣвецъ оставался;
Онъ думалъ: что дѣлать? идти ли на споръ?
И даже бы, чай, отказался;
Но къ щастію началъ самъ Князь разговоръ,
Какъ будто во всемъ догадался:

« Я вижу, землякъ, ты бы легче съ мечемъ,
« Чѣмъ съ гуслями вышелъ на Грека;
« Хоть пѣсней и много въ помпнѣ твоемъ,
« Такой ты не взпомнишъ отвѣка.
« Совѣтъ мой: признайся, что первенство въ немъ;
« Признанье честитъ человѣка.

⁂

« Награду, хоть правда не съ нимъ наравнѣ,
« Но все же получишъ на славу;
« За свѣтлымъ Дунаемъ въ Болгарской странѣ
« Ты вѣрно служилъ Святославу;
« И кубокъ, добытый имъ въ грозной войнѣ,
« Тебѣ назначаю по праву. —

⁂

« Дай Богъ тебѣ здравія, Князь ты нашъ свѣтъ,
« И съ лѣпой Княгиней твоею!
« Премудръ и премилостивъ твой мнѣ совѣтъ,
« И съ думой согласенъ моею:
« Ни съ Эллиномъ спорить охоты мнѣ нѣтъ,
« Ни пѣть я, какъ онъ, не умѣю.

⁂

« Пѣвалъ я о витязяхъ смѣлыхъ въ бояхъ:
« Давно ихъ зарыли въ могилы;
« Пѣвалъ о любови и радостныхъ дняхъ:
« Теперь не разбудишъ Всемилы;

« А пѣть о великихъ Царяхъ и Князьяхъ
« Ума не достанетъ ни силы. —

❋

« Творите жъ, » Князь молвилъ, « подарковъ раздѣлъ. »
Тутъ Русской взялъ кубокъ почтенный,
А Грекъ на коня богатырскаго сѣлъ;
Доспѣхъ же тяжелый, военный,
Домой онъ отнесть и поставить велѣлъ
Опасно въ кивотъ позлащенный.

❋

И радостный къ Кіеву двинулся ходъ:
Владиміръ съ супругой младою,
И много старѣйшинъ, бояръ, воеводъ,
И Эллинъ блестящій красою,
И сзади весь Русскій крещеный народъ
Усердной и шумной толпою.

❋

Но нѣсколько вѣрныхъ старинныхъ друзей
Звалъ Русской на хлѣбъ-соль простую;
И Княжескій кубокъ къ веселью гостей
Съ виномъ обнесли въ круговую,
И выпили въ память ихъ юности дней,
И Храбраго въ память честную.

А. С. ПУШКИНУ.

Вотъ старая, мой милый, быль,
А можетъ быть, и небылица;
Сквозь мракъ вѣковъ и хартій пыль
Какъ распознать? дѣла и лица,
Все такъ темно, пестро, что Самъ,
Самъ нашъ Историографъ почтенный,
Прославленный, пренагражденный,
Едва ль не сбился тамъ и сямъ.
Но вѣрно, что съ большимъ стараньемъ,
Стариннымъ убѣжденъ преданьемъ,
Одинъ ученый нашъ искалъ
Подарковъ, что пѣвцамъ въ награду
Владиміръ щедрый раздавалъ,
И вобрази его досаду,
Вѣдь не нашелъ. – Конь вѣрно палъ;
О славныхъ латахъ слухъ пропалъ:
Французы ль какъ пришли къ Царьграду,
(Они вѣдь шли въ Ерусалимъ
За гробъ Христовъ святымъ походомъ,
Да сбились, и случилось имъ
Царьградъ разграбить мимоходомъ,)
Французы ли, скажу опять,
Изволили въ числѣ трофеевъ
Ихъ у наслѣдниковъ отнять,

Да по обычаю злодѣевъ
Въ Парижскій свой Музеумъ взять;
Иль время, лѣтъ трудившись двѣсти,
Подъѣло ржавчиной булатъ,
Но только не дошло къ намъ вѣсти
Объ участи нещастныхъ латъ.
Лишь кубокъ, говорятъ, остался
Одинъ въ живыхъ изъ всѣхъ наградъ;
Изъ рукъ онъ въ руки попадался,
И даже часто не въ попадъ:
Гулялъ, бродилъ по бѣлу свѣту;
Но къ настоящему Поэту
Пришелъ однако на житье.
Ты съ нимъ, щастливецъ, поживаешь;
Въ него ты черезъ край вливаешь
Свое волшебное питье,
Въ которомъ Вакха лозъ огнистыхъ
Румяный, сочный, вкусный плодъ,
Растворенъ свѣжестію чистыхъ
Живительныхъ Кастальскихъ водъ.

❊

Когда за скуку въ утѣшенье,
Неугомонною судьбой
Дано мнѣ будетъ позволенье,
Мой другъ, увидѣться съ тобой,
Изъ кубка, сдѣлай одолженье,
Меня питьемъ своимъ напой;

Но не облей неосторожно:
Онъ, я слыхалъ, завороженъ,
И смѣло пить тому лишь можно
Кто сыномъ Фебовымъ рожденъ.
Невиннымъ опытомъ сначала
Узнай правдивъ ли этотъ слухъ:
Младыхъ романтиковъ хоть двухъ
Проси отвѣдать изъ бокала;
И если капли не проливъ,
Напьются милые свободно,
Тогда и слухъ конечно лживъ,
И можно пить кому угодно;
Но если, Боже сохрани,
Замочатъ пазуху они,
Тогда и я желанье кину,
Въ урокъ поставлю ихъ бѣду,
И вслѣдъ Ринальду паладину
Благоразуміемъ пойду:
Надеждой ослѣпленъ пустою,
Опаснымъ не прельщусь питьемъ,
И въ дѣло не входя съ судьбою,
Останусь лучше при своемъ;
Наливъ, тебѣ подамъ я чашу,
Ты выпьешь, духомъ закипишь,
И тихую бесѣду нашу
Бейронскимъ пѣньемъ огласишь. (3)

ЭЛЕГІЯ.

« Фивъ и Музы! нѣтъ вамъ жестокостью равныхъ
« Въ сонмѣ боговъ, небесныхъ, земныхъ и подземныхъ.
« Всѣ, кромѣ васъ, молельцамъ благи и щедры:
« Хлѣбъ за труды земледѣльцевъ рождаетъ Димитра,
« Гроздіе Вакхъ, елей Аѳина-Паллада;
« Мощная въ битвахъ, она жъ превозноситъ ироевъ,
« Правитъ Тидида копьемъ и стрѣлой Одиссея;
» Кинѳія славной корыстью радуетъ ловчихъ,
« Краситъ ихъ рамо кожею льва и медвѣдя;
« Странникамъ путь указуетъ Эрмій благотворный;
« Внемлетъ пловцамъ Посидонъ, и смиряющій бурю,
« Вводитъ утлый корабль въ безмятежную пристань;
« Пылкому юношѣ вѣрный помощникъ Киприда:
« Все побѣждаетъ любовь, и щастливѣй безсмертныхъ,
« Нектаръ онъ пьетъ на устахъ обмирающей дѣвы;
« Хрона державная дщерь, владычица Ира,
« Брачнымъ даруетъ дѣтей, да спокоятъ ихъ старость;
« Кто же сочтетъ щедроты твои, о всесильный
« Зевсъ-Эгіохъ, податель совѣтовъ премудрыхъ,
« Скорбныхъ и нищихъ отецъ, ко всѣмъ милосердый!
« Боги любятъ смертныхъ; и Аидъ незримый
« Скипетромъ кроткимъ пасетъ безчисленныхъ мертвыхъ,
« Къ вѣчному миру отшедшихъ въ луга Асфодели.
« Музы и Фивъ! одни вы безжалостно глухи.

« Горе безумцу служащему вамъ! обольщенный
« Призракомъ славы, тратитъ онъ щастье земное;
« Хладной толпѣ въ посмѣянье, зависти въ жертву
« Преданъ нещастный, и въ скорбяхъ, какъ жилъ, умираетъ.
« Повѣстью бѣдствій любимцевъ вашихъ, о Музы,
« Сто гремящихъ устъ молва утомила:
« Камни и рощи двигалъ Орфей пѣснопѣньемъ,
« Строгихъ Ерева боговъ подвигнулъ на жалость;
« Люди жъ не сжалились: жены пѣвца растерзали,
« Члены разметаны въ полѣ, и хладныя волны
« Въ море мчатъ главу издающую вопли.
« Злый Аполлонъ! на то ли самъ ты Омиру
« На ухо сладостно пѣлъ безсмертныя пѣсни,
« Дабы скиталецъ, слѣпецъ, безъ крова и пищи,
« Жилъ онъ незнаемъ, родился и умеръ безвѣстенъ?
« Всуе пріяла ты даръ красоты отъ Киприды,
« Сафо пѣвица! Музы сей даръ отравили:
« Юноша гордый пѣвицы чудесной не любитъ,
« Съ дѣвой простой онъ дѣлитъ ложе Гимена;
« Твой же брачной одръ пучина Левкада.
« Бранный Эсхилъ! напрасно на камнѣ чужбины
« Мнишъ упокоить главу обнаженную Хрономъ:
« Съ смертью въ когтяхъ орелъ надъ нею кружится.
« Старецъ Софоклъ! умирай: иль нещастнѣй Эдипа,
« Въ судъ повлечешся дѣтьми, прославленъ безумнымъ.
« Послѣ великихъ примѣровъ себя ли напомню?
« Кромѣ чести всѣмъ я жертвовалъ Музамъ;
« Что жъ мнѣ наградой? зависть, хула и забвенье.

«Тщетно въ утѣху друзья твердятъ о потомствѣ,
«Люди тѣ же всегда: срываютъ охотно
«Лавръ съ недостойной главы, но рѣдко вѣнчаютъ
«Терномъ заросшую мужа благаго могилу.
«Музы! простите навѣкъ; соха Триптолема
«Впредь да замѣнитъ мнѣ вашу измѣнницу лиру.
«Здѣсь въ пустынѣ нѣтъ безумцевъ поэтовъ;
«Здѣсь безвредно висѣть ей можно на дубѣ,
«Чадамъ Эола служа и вторя ихъ пѣсни.»

❦

Сѣтуя, такъ вѣщалъ Евдоръ благородный,
Сынъ Полимаха вождя и лѣпой Дориды,
Дщери Порфирія, славнаго честностью спарца.
Предки Евдора издревле въ дальнемъ Епирѣ
Жили, между Додонскаго вѣщаго лѣса,
Града Вуѳрота, и мертвыхъ водъ Ахерузы;
Двое, братья родные, подъ Трою ходили:
Старшій умеръ отъ язвы въ брани суровой,
Съ Неоптолемомъ младшій домой возвратился;
Дѣти и внуки ихъ всѣ были ратные люди.
Власть когда утвердилась владыкъ Македонскихъ,
Вождь Полимахъ царю полководцу Филиппу,
Самъ же Евдоръ служилъ царю Александру;
Съ нимъ отъ Пеллы прошелъ до Индѣйскаго моря,
Бился въ многихъ бояхъ; но духомъ незлобный,
Лирой въ груди заглушалъ военные крики;
Пѣлъ онъ отъ сердца, и часто невольныя слезы

Тихо лились изъ очей товарищей ратныхъ,
Молча сидящихъ вокругъ и внемлющихъ пѣсни.
Самъ Александръ въ Дамаскѣ на пирѣ вечернемъ
Слушалъ его, и почтилъ нелестной хвалою;
Вѣрно бы Царь наградилъ его даромъ богатымъ,
Если бъ Евдоръ попросилъ; но просьбъ онъ чуждался.
Послѣ жъ, какъ славою дѣлъ ослѣпясь, побѣдитель,
Клита убивъ, за правду казнивъ Каллисѳена,
Сердцемъ враждуя на вѣрныхъ своихъ Македонянъ,
Юныхъ лишь Персовъ любя, питомцевъ послушныхъ,
Первыхъ сподвижниковъ прочь отдалилъ безполезныхъ,
Бѣдный Евдоръ укрылся въ наслѣдіе предковъ.
Мечь и щитъ повѣсивъ на гвоздь для покоя,
Къ сельскимъ трудамъ непривыкшій, лирой любезной
Мнилъ онъ наполнить всю жизнь и добыть себѣ славу.
Льстяся надѣждой, предсталъ онъ на играхъ Эллады;
Демонъ враждебный привелъ его! правда: съ вниманьемъ
Слушалъ народъ, въ полголоса хвальныя рѣчи
Тутъ раздавались и тамъ, и дважды и трижды
Плескъ внезапный гремѣлъ; но судьи поэтовъ
Важно кивали главой, пожимали плечами,
Сердца досаду скрывая улыбкой насмѣшной.
Жесткимъ и грубымъ казалось имъ пѣнье Евдора.
Новыхъ поэтовъ поклонники судьи тѣ были,
Коими славиться началъ градъ Птолемея.
Юноши тѣ предтечей великихъ не чтили:
Нагъ былъ въ глазахъ ихъ Омиръ, Эсхилъ неискусенъ,
Слабъ дарованьемъ Софоклъ, и разумомъ Пиндаръ;

Другъ же друга хваля, и до звѣздъ величая,
Юноши (семь ихъ числомъ) назывались Плеядой:
Въ нихъ уважалъ Евдоръ одного Ѳеокрита.
Судьи съ обидой ему въ вѣнцѣ отказали;
Онъ, не желая враговъ печалію тѣшить,
Скрылся отъ нихъ; но въ дальнемъ, дикомъ Епирѣ,
Сидя у брега рѣки, одинъ и прискорбенъ,
Жалобы вслухъ возсылалъ на Музъ и на Фива.

❀

Ночь разстилала межъ тѣмъ священные мраки,
Лучь вечерней зари на западѣ меркнулъ,
Въ небѣ безоблачномъ рѣдкія искрились звѣзды,
Вѣтръ благовонный дышалъ изъ кустовъ, и порою
Скрытые въ гущѣ вѣтвей соловьи окликались.
Боги услышали жалобный голосъ Евдора;
Эрмій надъ нимъ повелъ жезломъ благотворнымъ:
Сномъ отягчилась глава, и склонилась на рамо.
Дщерь Мнемозины богиня тогда Каллiопа
Легкимъ полетомъ снеслась отъ высокаго Пинда.
Образъ прiемлетъ она младой Эгемоны,
Дѣвы прелестной, Евдоромъ страстно любимой
Въ юные годы; съ нею онъ сладость Гимена
Думалъ вкусить, но смерти Генiй суровый
Дхнулъ на нее, и рано дѣва угасла:
Скромной подобно лампадѣ, на ночь зажженной
Въ хижинѣ честной жены престарѣлой вдовицы;
Съ помощью дщерей она при свѣтѣ лампады

Шелкомъ и златомъ спѣшитъ дошивать покрывало,
Рѣдкій уборъ, заказанный царской супругой,
Коего плата зимой ихъ прокормитъ семѣйство;
Долго трудятся онѣ; когда жъ предъ разсвѣтомъ
Третій пѣтелъ взпоетъ, хозяйка опасно
Тушитъ огонь, и дщери ко сну съ ней ложатся.
Радость семѣйства, юношей свѣтъ и желанье,
Такъ Эгемона, увы! изчезла для друга,
Въ сердцѣ оставивъ его незабвенную память.
Часто сраженій въ пылу объ ней онъ нежданно
Вдругъ взпоминалъ, и сердце въ немъ билось смѣлѣе;
Часто, славя на лирѣ боговъ и ироевъ,
Имя ея изъ устъ излетало невольно;
Часто и въ снахъ онъ видѣлъ любимую дѣву.
Въ точный образъ ея богиня облекшись,
Спала предъ спящимъ, въ алой какъ маки одеждѣ;
Розы румянцемъ свѣжія рдѣлись ланиты;
Свѣтлыя кудри вились по плечамъ обнаженнымъ,
Бѣлымъ какъ снѣгъ; и небу подобныя очи
Взведши къ нему, такъ молвила голосомъ сладкимъ:

❧

« Милый! не сѣтуй напрасно; жалобой строгой
« Долженъ ли ты винить боговъ благодатныхъ:
« Фива и чистыхъ сестръ Піеридъ темновласыхъ?
« Ихъ ли вина что терпишъ ты многія скорби?
« Властный Хронидъ по волѣ своей неизпытной
« Благо и зло изъ урнъ роковыхъ изливаетъ.

« Въ тайнѣ ропщешъ ли ты на скудость стяжаній?
« Лавръ Геликона, ты зналъ, безплодное древо;
« Въ токѣ Пермесскомъ не льется злато Пактола.
« Злата искать ты могъ бы какъ ищутъ другіе,
« Слѣпо служа страстямъ богатыхъ и сильныхъ...
« Вижу, ты движешъ уста, и гнѣвъ благородный
« Взыхнулъ огнемъ на челѣ . . . о другъ, успокойся:
« Я не къ порочнымъ дѣламъ убѣждаю Евдора;
« Я лишь желаю спросить: отколѣ возникнулъ
« Въ сердцѣ твоемъ сей жаръ къ добродѣтели строгой,
« Ненависть къ злу, и къ низкой лести презрѣнье?
« Кто освятилъ твою душу? — чистыя Музы.
« Съ дѣтства божественныхъ пчелъ питаяся медомъ,
« Лепетомъ отрока вторя высокія пѣсни,
« Очи и слухъ вперивъ къ холмамъ Аонійскимъ,
« Горнихъ благъ ища, ты дольнія презрѣлъ;
« Такъ, если вѣтръ утихнетъ, въ озерѣ свѣтломъ
« Слягутъ на дно песокъ и острые камни,
« Въ зеркалѣ водъ играетъ новое солнце,
« Странникъ любуется имъ, и зноемъ томимый,
« Въ чистыхъ струяхъ утоляетъ палящую жажду.
« Кто укрѣплялъ тебя въ бѣдствахъ, въ ударахъ судьбины,
« Въ горькой измѣнѣ друзей, въ утратѣ любезныхъ?
« Кто врачевалъ твои раны? — дѣвы Парнасса.
« Кто въ далекихъ странахъ, во брани плачевной,
« Душу мертвящей видомъ кровей и пожаровъ,
« Ярыя чувства кротилъ, и къ стону страдальцевъ
« Слухъ умилялъ? — онѣ жъ Аониды благія:

« Печной подобно кормилицѣ, ласковой пѣснью
« Сонъ наводящей и миръ больному младенцу.
« Кто же и нынѣ, о другъ, въ землѣ полудикой,
« Мглою покрытой, съ областью Аида смѣжной,
« Чарой мечты являетъ очамъ возхищеннымъ
« Роскошь Темпейскихъ луговъ и величье Олимпа?
« Всѣмъ обязанъ ты имъ и щастливъ лишь ими.
« Судьи лишили вѣнца: утѣшься, любезный:
« Мидъ судія осудилъ самаго Аполлона.
« Иль безъ вѣнцовъ ихъ нѣтъ награды поэту?
« Ахъ! въ таинственный часъ, какъ Геній незримый
« Движется въ немъ и двоитъ сердца біенья,
« Окомъ объемля вселенной красу и пространство,
« Ухомъ въ себѣ внимая волшебное пѣнье,
« Жизнію полнъ подобной жизни безсмертныхъ,
« Щастливъ пѣвецъ, щастливѣйшій всѣхъ человѣковъ.
« Если Хронъ, отъ власовъ обнажающій темя,
« Въ сердцѣ еще не убилъ священныхъ возторговъ,
« Пой, Евдоръ, и хвались щедротами Фива.
« Или... страшись: безпечныхъ Музы не любятъ.
« Горе пѣвцу отъ кого отвратятся богини!
« Тщетно, разкаясь, захочетъ призвать ихъ обратно:
« Къ неблагодарнымъ глухи небесныя дѣвы.»

❦

Смолкла богиня, и бѣлымъ завѣсясь покровомъ,
Скрылась отъ глазъ; Евдоръ, возтревоженъ видѣньемъ,
Руки къ нему простиралъ, и съ усиліемъ тяжкимъ

Сонъ разогнавъ, вскочилъ и кругомъ озирался;
Робкую шумомъ съ гнѣзда онъ спугнулъ голубицу:
Порхнула вдругъ, и сквозь частыя вѣтви спасаясь,
Краемъ коснулась крыла висящія лиры;
Звонъ по струнамъ пробѣжалъ, и эхо дубравы
Сребряный звукъ стенаньемъ во тьмѣ повторило.
« Боги! » Евдоръ возкликнулъ, « сонъ ли я видѣлъ?
« Тщетный ли призракъ, ночное созданье Морфея,
« Или сама явилась мнѣ здѣсь Эгемона?
« Образъ я видѣлъ ея, и гласъ ея слышалъ;
« Лира узнала ее и запѣла; но тѣни
« Могутъ ли вспять приходить отъ полей Перзефоны?
« Развѣ одна изъ богинь, нещастнымъ утѣшныхъ,
« Въ милый мнѣ ликъ облеклась, Харитамъ подобный?..
« Разумъ колеблется мой, и рѣшить я не смѣю;
« Волю жъ ея я долженъ изполнить святую. »

⁂

Такъ онъ сказалъ, и лиру отвѣсивъ отъ дуба,
Путь направилъ въ свой домъ, молчаливъ и задумчивъ.

ИДИЛЛІЯ.

Между Оссы горы и горы высочайшей Олимпа,
Злачный стелется лугъ зовомый долиной Темпейской;
Краше его не зритъ по небу ходящее солнце.
Въ немъ средь лавровыхъ купинъ рѣка Пеней среброводный
Тихо катитъ волны къ морю чуть подвигаясь,
Словно грустно ей разстаться съ брегами такими.
Многія въ горныхъ пещерахъ живущія Нимфы Наяды
Съ шумомъ изъ каменныхъ урнъ студеную льютъ въ нее влагу
Съ той страны и съ другой; когда жъ, наступающей ночи,
Пастыри скличутъ стада и загонятъ до новаго утра,
Смолкнутъ звуки свирѣлей, и птицы пѣть перестанутъ,
Такъ что нигдѣ въ долинѣ гласа не чуть ни дыханья,
Свѣтлый же мѣсяцъ полный сребритъ лучами всю землю,
Дѣвы потоковъ сбираются въ лугъ, играютъ и пляшутъ.
Часто сходятъ къ нимъ отъ горнихъ чертоговъ богини:
То стрѣлометная, дѣвствомъ чистымъ гордая Фива,
Съ сонмомъ подругъ Касталидъ, темнокудрыхъ, дивнопоющихъ;
То Киприда радостей мать, и съ нею Хариты.
Сами строятъ онѣ Ѳессальскихъ Нимфъ хороводы;
Сами, рѣзвясь, босою ногой по цвѣтамъ благовоннымъ
Скачутъ; цвѣты же не мнутся подъ легкимъ стопъ удареньемъ.
Въ ликахъ Наядъ всѣхъ краше была черноокая Кора;

Паче всѣхъ ее любили обѣ богини;
Обѣ манили къ себѣ: звѣрей дубравныхъ ловитву
Дилія славила ей, любовь Афродита златая;
Нимфа жъ не смѣла рѣшиться, равно страшась Артемиды
Строгой, и Пафіи ласковой, но обманчивой часто.
Дѣвственный поясъ храня, но клятвой воли не тратя,
Кора пеклась о струяхъ судьбой порученнаго тока,
Тѣшилась, юная, пѣньемъ и пляской, любви же не знала.

⁂

Вскорѣ въ Темпейскихъ лугахъ явились два пастыря новыхъ,
Два небожителя: Маіи сынъ и Фивъ свѣтловласый.
Оба подпали подъ гнѣвъ отца Эгіоха; виновныхъ
Онъ осудилъ на изгнанье: сойти имъ съ неба на землю,
Круглый годъ не касаться ногой Олимпійскаго прага,
Съ пищей небесной амвросіей, съ нектаромъ сладкимъ проститься,
Жить какъ смертные люди и нужды терпѣть человѣковъ.
Въ службу Адмета царя вступили опальные боги,
Феръ Ѳессалійскихъ владыки, мужа жены несравненной,
Лѣпой Пеліевой дщери равной богинямъ Алкесты.
Пасъ Аполлонъ воловье стадо, овчее Эрмій.
Часто Кору встрѣчали они, и въ персяхъ обоихъ
Огнь вождєлѣній взыгралъ; въ успѣхѣ ревнуя другъ другу,
Тотъ ни другой не смѣлъ прибѣгнуть къ насилью; Наяда
Слушала ихъ, и невольно прельщалось сердце младое:
То очарованный взоръ вперитъ въ величаваго Фива,

То потупитъ стыдясь и любуясь Эрміемъ статнымъ:
Равны въ нихъ красота и юность и страсти кипѣнье.
Нѣкогда утромъ Кора, близь устья гдѣ токъ ея быстрый
Въ гладкій Пеней съ утеса сбѣгаетъ, молча сидѣла,
Свѣжій лавровый вѣнокъ доплетая задумчиво; боги
Оба предстали вдругъ, одно привело ихъ желанье.
« Нимфа, » вѣщали они, « избирай и рѣши между нами;
« Долго ждали мы, долѣ не будемъ; если жъ презрѣньемъ
« Ты намъ воздашъ за любовь, страшися: Стиксомъ клянемся
« Стать за одно, неволей тогда покоришся обоимъ,
« Срамъ понесешъ, возплачешъ, слезамъ же твоимъ посмѣются. —
« Дія сыны, » отвѣчала угрозой смущенная Кора,
(Тайная радость межъ тѣмъ сквозь страха вкралася въ душу)
« Мнѣ ли васъ презирать? но возлечь стыжуся на ложе
« Къ двумъ; кого жъ изберу? хотите ль на судъ мой отдаться,
« Мирнымъ боемъ рѣшить? настройте лиры и пойте,
« Пойте чредою; пѣсни такія Музамъ пріятны.
« Я же тому кто болѣ меня очаруетъ въ награду
« Симъ лавровымъ вѣнцемъ украшу главу, и въ пещерѣ
« Пусть глазъ на глазъ онъ мнѣ откроетъ тайну Киприды. »
Радость богамъ! забилось въ груди ихъ ретивое сердце.
Спѣшно настроивалъ Фивъ великую лиру златую:
Звонкія струны сребро, и плектръ отъ кости слоновой;
Меньшую Эрмій, собственныхъ рукъ искусное дѣло:
Отрокомъ онъ на Аркадской горѣ убивъ черепаху,
Хитро къ ней прикрѣпилъ отъ агницевъ выйныя жилы,

Круто ссучивъ: и нѣженъ ихъ звукъ, и подъ перстами мягки.
Кинули жребій потомъ, и Кинѳію вышло начало.
Такъ состязаясь, пѣли боги внемлющей Нимфѣ:

Аполлонъ.

Дію хвала! Громовержецъ! смирилъ ты гордыхъ Гигантовъ,
Матери древней чудовищныхъ чадъ. Ужасенъ былъ приступъ
Сильныхъ: горы схвативъ, сложили одну на другую,
Небу грозя; но градомъ сыпались стрѣлы Хронида
Съ громомъ оглушнымъ; воды изсякли и взпыхнули рощи;
Треснула Осса до дна, подъ ней Пеліонъ разступился.
Буйные шли подъ огнемъ, вздымаяся выше и выше;
Всею силой третью гору взкатить порывались,
Весь обросшій лѣсомъ Олимпъ поставить на Оссу.
Зевсъ Эгіохъ потрясъ совѣтной главой, и какъ птица
Вмигъ изнеслась изъ нее копіемъ поражая Аѳина;
Пали подъ нимъ Гиганты многіе; прочихъ гремящій
Богъ низложилъ; развалилися горы, и въ Тартаръ глубокій
Сверглись враги. Хвала Зевесу, и вкупѣ побѣдной
Дщери его, безъ матери имъ единымъ рожденной!

Эрмій.

Дію хвала и всѣмъ его чадамъ! безсмертныхъ и смертныхъ
Многихъ женъ онъ любилъ, сыновъ и дщерей рождая:
Бранный Арей, и рукъ искуствомъ Ифестъ превозходный,
Ложа брачнаго плодъ и честь престольныя Иры;
Лита въ сонмѣ богинь близнецовъ четою гордится;

Дщерь одну имѣетъ Димитра, одну и Діона,
Славы жъ не менѣе имъ, у обоихъ прекрасныя дщери:
Та подземнаго Аида мѣдное сердце смягчила,
Всѣхъ небожителей вдругъ плѣнила явленьемъ другая.
Смертной Семела была, и смертной равно Алкмена,
Ими жъ рожденные: боги; громки по цѣлому міру
Бичь злодѣевъ Ираклъ и Вакхъ винограда роститель.
Между Дія сыновъ и Маіи сынъ не послѣдній:
Чтятъ его пастыри, путники молятъ, бойцы величаютъ,
Тѣни ему повинуются, вѣстникъ онъ Діевой воли.

Аполлонъ.

Литѣ хвала! щастливая мать, гордится достойно
Чрева плодомъ. Извѣдала ты, Амфіона супруга,
Шесть родившая дѣвъ, и столько жъ отроковъ, силу
Сына единаго, дщери единой, млекомъ воздоенныхъ
Той, предъ коей ты числомъ дѣтей величалась;
Всѣ за гордыню твою подъ нашими пали руками:
Въ дѣвъ Артемида сестра, я въ отроковъ, изъ луковъ стрѣлы
Мѣтко пускали; робкіе тщетно бѣгствомъ спасались;
Тщетно въ отчаяньи мать своей заслоняла ихъ грудью,
Смерти отвесть не могла; но гласа лишась и движенья,
Въ камень прешла, безжизненный, хладный, но слезы точащій.

Эрмій.

Маіѣ честь, любезной Дію дщери Атланта,
Мудраго странъ вечернихъ владыки! плодъ Океана,
Лѣпое чадо Теѳиды, семькратъ Плеіона супруга

Браку дары принесла: семь сестръ родились прелестныхъ.
Каждой супругомъ былъ царь отъ рода безсмертныхъ Титановъ;
Маія жъ, всѣмъ красота, сподобилась Зевса объятій.
Въ мрачный адъ не сошли блаженныя сестры Плеяды;
Огненымъ ночи созвѣздіемъ въ небѣ сіяютъ высокомъ,
Кажутъ путь пловцамъ, благія моря свѣтила;
Маія жъ первенства честь хранитъ и звѣздою: всѣхъ вящей
Блещетъ красой, всѣхъ прежде творятъ ей мольбы и обѣты.

Аполлонъ.

Былъ великій потопъ; Зевесъ небесныя хляби
Отперъ, ливнемъ дождь изъ облакъ текъ безпрестанно;
Бездну подвигъ Посидонъ, брега покрывая волнами;
Суши не стало, гибли въ водѣ и люди и звѣри
Многіе дни; когда жъ безсмертные гнѣвъ утолили,
Снова солнце взыграло, тучи промчались, пучина
Вспять отошла, и начали горы вскрываться и долы,
Гноемъ труповъ и тиной морской земля заразилась.
Всюду изъ нѣдръ ея рождались вредные гады:
Пруги, скорпіи, жабы, и ростомъ огромныя змѣи.
Тутъ рожденъ и Пиѳонъ, чудовище страшное, смрадный
Дышущій ядомъ змій: семьнадцать лактей онъ длиною
Кромѣ главы; изъ чела сверкали очи какъ угли;
Три ряда зубовъ бѣлѣлись въ пасти отверзтой.
Логъ обычный змія былъ у подножья Парнасса,
Близко отъ Дельфъ, въ пещерѣ гдѣ древній оракулъ Ѳемиды.
Рѣдко, гладомъ томимъ, оттоль исходилъ на добычу,

Разомъ множествомъ яствъ наполняя несытое чрево;
Цѣлыхъ тельцовъ онъ въ кольцахъ сжималъ, и кругомъ обливая
Пѣной гортани, медлѣнно съ тяжкимъ глоталъ ихъ усильемъ.
Все трепетало, люди взывали съ моленіемъ къ небу,
Помощи не было; только я надъ скорбью несчастныхъ
Сжалился, вѣрную стрѣлу пустилъ, и Пиѳонъ бездыханный
Въ прахѣ простерся; спасенные мной мнѣ храмъ посвятили,
Прозвище дали Пиѳійца, и въ вѣчную память побѣды,
Въ радостныхъ играхъ славятъ ее и поютъ Аполлона.

Эрмій.

Чудо въ смертныхъ былъ Аргъ, любимецъ Иры царицы;
Сто имѣлъ онъ очей, и по два ихъ только смыкалось
Сномъ, другія всѣ чреды ожидали недремно.
Меры, судебъ человѣковъ владычицы, какъ онъ родился
Дали завѣтъ, что дотолѣ дней его нить не прервется
Всѣхъ онъ вмѣстѣ очей ко сну пока не закроетъ:
Вѣчнымъ казался бы Аргъ, но смерти я его предалъ.
Зевсъ, владыко боговъ, любилъ прекрасную Іо,
Дщерь Инаха рѣки; отъ Иры жъ ревнивой таился.
Нѣкогда онъ, заградивъ себя облакомъ златобагрянымъ,
Съ Нимфой младой возлежалъ на травѣ благовонной; внезапно
Близость супруги почулъ, и дѣву скрывая отъ взоровъ,
Кравы придалъ ей видъ; но хитрость богиня проникла,
Стала краву хвалить, и въ даръ просить отъ супруга;
Духомъ смутясь, не могъ отказать онъ; Ира жъ добычу
Ввѣрила Аргу пасти, и томилась Іо въ неволѣ.

Сѣтуя Дій и желая избавить, строгаго стража
Мнѣ поручилъ обмануть. Аркадскаго пастыря въ видѣ
Къ Аргу пришелъ я, серпъ имѣя за поясомъ острый,
Жезлъ усыпный въ рукѣ, и свирѣль семиствольную Пана.
Съ роду такихъ не видавъ, дивился онъ ей; о Сирингѣ
Повѣсть ему я сказалъ, жезломъ помавая на очи;
Въ нихъ показалась дрема; я началъ играть на свирѣли;
Нѣжные звуки ея лилися все тише и тише;
Смолкли: Аргъ уже спитъ; серпомъ главу я отъ тѣла
Съ маха отсѣкъ, и избавилъ неволи красавицу Іо.

Аполлонъ.

Горе тому кто въ бой мусикійскій дерзнетъ съ Аполлономъ!
Марсіевъ страшный примѣръ да будетъ урокомъ: не красенъ
Видомъ былъ Марсій, съ конскимъ хвостомъ и носомъ прижатымъ,
Малъ и уродливъ; но даръ на свирѣли являлъ превозходный.
Онъ изобрѣлъ цѣвницу двойную, онъ же ремнями
Началъ подвязывать къ тылу уста и ланиты, чтобъ духа
Силой скопленной звукъ изходилъ полнѣе и громче.
Матерь боговъ, Кивела вѣнчанная башнями, Ниссы
Радостный богъ, равно любили свирѣльника оба;
Часто на странствіяхъ ихъ по градамъ и селамъ Фригійскимъ
Онъ сопутствовалъ, слухъ веселя игрою искусной.
Вящую добылъ честь, когда вдвоемъ съ Діонисомъ
Трудное дѣло они совершили: гнѣвный на Иру,
Съ неба Ифестъ удалился, вмѣсто боговъ человѣкамъ
Въ пользу трудиться сталъ, даря имъ издѣлья драгія;

Боги скорбѣли о немъ, но просьбъ онъ не слушалъ, доколѣ
Съ чашею Вакхъ и Марсій съ цѣвницей, мрачныя думы
Въ радость и смѣхъ превратя, убѣдили въ Олимпъ возвратиться.
Съ онаго дня возгордился свирѣльникъ чрезъ мѣру; со мною
Встрѣтясь, звалъ въ состязанье, хвалился предъ цѣлымъ народомъ
Лиру мою пристыдить, и заранѣ льстяся успѣхомъ,
Требовалъ мздой торжества надо мной безпредѣльныя власти:
Дерзкій! великаго бога мечталъ онъ рабомъ своимъ видѣть.
Тутъ же его, раздражась, поклялся казнить я нещадно;
Принялъ условье и вызовъ, творя всѣхъ гражданъ судьями.
Дологъ и труденъ былъ споръ: чудеса творила цѣвница;
Первенство жъ лира взяла, и тщетно молилъ о пощадѣ
Тресгный Сатиръ: не могъ преступить я данныя клятвы;
Скиѳу предалъ въ руки, жадному крови злодѣю:
Узами члены связавъ, онъ острою мѣдью съ живаго
Кожу совлекъ. Болѣзнуя самъ о страдальцѣ, водою
Кровь сотворилъ я; ожилъ Марсій въ рѣку превращенный:
Имя свое онъ хранитъ, и течетъ по долинѣ Фригійской.

Эрмій.

Отрокомъ взросъ на Килленской горѣ я среди козлоногихъ
Сатировъ, мнѣ равнолѣтныхъ и старшихъ; мы часто играли:
Бѣгались, въ цѣль метали, боролись, бились кулачно;
Честь побѣдителю шла, побѣжденный несъ наказанье,
Нынѣ тотъ, а завтра другой; я жъ вѣчно былъ первый.
Въ кости ль кидаемъ на споръ: иной попадаетъ и часто;
Я же безъ промаха; разъ хоть мимо прокинулъ, повиненъ:

Сатиръ смиренно подклонитъ хребетъ; я взпрыгну на плечи,
Ѣду гордясь, ногами и гибкой лозой погоняя;
Пляшетъ онъ какъ конь подо мной и всадника тѣшитъ.
Тамъ, какъ мѣту обогнемъ, онъ станетъ, а я не слѣзая,
Снова брошу, снова умчу, снова поѣду.
Длится игра, мнѣ любо, зрители плещутъ руками;
Онъ же усталый дышитъ тяжко, потъ съ него каплетъ:
Сжалюсь надъ нимъ наконецъ, и прощу. И въ бой на свирѣляхъ
Вызвалъ меня пришлецъ, ученикъ любимый Силена,
Хромидъ; условье: кто побѣдитъ отхлещетъ другаго.
Онъ покуда игралъ, на камень я сѣвъ подъ маслину,
Длинную вѣтвь отломилъ; онъ кончилъ: хвалили; я началъ.
Только дробь я пустилъ, ночнымъ соловьемъ заливаясь,
Громкій подняли плескъ; а Хромидъ, свой чувствуя жребій,
Самъ подбѣжалъ, и руки разкинувъ, ницъ распростерся;
Руки къ землѣ я ногами прижалъ, въ игрѣ не смущаясь.
Послѣ жъ, какъ смолкъ, и всѣ возгласили что я побѣдитель,
Новую пѣснь ему не свирѣль а лоза заиграла:
Рукъ онъ двигать не могъ, но спина выгибалась дугою,
Задъ отъ боли скакалъ, и объ земь стучали копыта;
Жаркимъ лобзаніемъ устъ осыпалъ онъ мнѣ бѣлыя ноги.
Плачу, крику его, кругомъ всѣ громко смѣялись.
Я же, какъ счелъ что довольно, оставилъ; и радостный Хромидъ,
Болѣе ждавъ, въ слезахъ у колѣнъ, хвалилъ мою благость;
Въ честь ей на самомъ томъ мѣстѣ олтарь воздвигнулъ дерновый
Съ надписью: ОТРОКУ ЭРМІЮ МНѢ МИЛОСЕРДОМУ БОГУ.

Аполлонъ.

Хочешъ ли, Эрмій? споръ рѣшимъ игрой молодецкой:
Лучшіе кони Эллады кормятся въ стойлахъ Адмета;
Ихъ въ колесницы впряжемъ, и въ скачь по гладкому полю
Пустимъ: кто другаго обгонитъ торжественникъ будетъ.

Эрмій.

Нѣтъ, Аполлонъ, не хочу коней впрягать въ колесницу;
Прыткость ногъ ихъ мнѣ похвалъ отнюдь не прибавитъ.
Рѣзвыя ноги имѣю я самъ: не хочешъ ли пѣшій
Въ бѣгъ пуститься со мной? кто обгонитъ торжественникъ будетъ.

Аполлонъ.

Въ цѣль искуствомъ метанья недавно ты самъ возносился.
Много здѣсь птицъ на вѣтвяхъ высокихъ; назначимъ любую,
Каждый свою; со мною лукъ и пернатыя стрѣлы:
Чей вѣрнѣе ударъ тому и первенство въ спорѣ.

Эрмій.

Что намъ стрѣлами пугать Темпейскихъ пѣвцовъ сладкогласныхъ?
Двѣ я кости ношу какими играютъ Ирои;
На земь поставимъ одну, другою сбивать ее станемъ:
Чей вѣрнѣе ударъ тому и первенство въ спорѣ.

Аполлонъ.

Тщетно силишся лавръ у меня, Килленій похитить:
Лавръ есть древо мое, корою одѣвшее Дафну
Мною любимую; лавръ земнородные мнѣ посвятили.

Эрмій.

Лавръ предъ тобою, о Фивъ; предъ тобою и самая Дафна,

Если бъ чудомъ вновь изъ древа сдѣлалась Нимфой;
Всѣхъ возьми, а мнѣ уступи единую Кору.

Аполлонъ.

Дѣва, рѣши: вѣнца твоего кто болѣ достоинъ?

Эрмій.

Дѣва, рѣши: кому изъ двоихъ отверзешь объятья?

❧

Кончили боги; по краткомъ молчаньи отвѣтила дѣва:
« Сами, безсмертные, сами вы рѣшили мой выборъ.
« Оба достойны награды, желанную оба примите:
« Сей лавровый вѣнецъ, о Киѳій, твое достоянье;
« Имъ украсивъ чело, гордись божественнымъ пѣньемъ.
« Ты же, какъ смеркнетъ небо и Гесперъ въ немъ загорится,
« Эрмій, въ пещеру тайкомъ приходи: ждать будетъ Наяда.

НАДГРОБІЕ.

Древо весною цвѣло, и буря его преломила;
Сѣтуютъ вкругъ поселяне: « погибла надѣжда плода. »
Юношу, ближнихъ любовь, безвременно кроетъ могила;
Плача, молвятъ: « увы! изчезъ нашъ другъ навсегда. »
Други! утѣшьтесь о немъ; земное земля поглотила.
Люди подобны древамъ: и цвѣсть имъ и гибнуть чреда;
Вѣрой крѣпитесь: надъ злымъ у смерти полная сила,
Доброму жъ въ тьмѣ гробовой сіяетъ безсмертья звѣзда.

ПИРЪ

ІОАННА БЕЗЗЕМЕЛЬНАГО. (4)

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Іоаннъ безземельный, братъ Короля, правитель Англіи.

Вальдемаръ, его Канцлеръ.

Регинальдъ, Нормандскій рыцарь.

Седрикъ, } Саксонскіе Таны.
Адельстанъ, }

Ровена, питомица Седрика.

Исаакъ, богатый Жидъ.

Ребекка, дочь его.

Юдиѳъ, служанка ихъ.

Нормандскіе рыцари.

Пажъ принца Іоанна.

Придворные. Дамы. Слуги.

Дѣйствіе подлѣ города Ашби въ саду гдѣ приготовлено пиршество.

ЯВЛЕНІЕ I.

Исаакъ. Ребекка. Юдиѳъ.

Исаакъ.

Ребекка! дочь! послушай словъ моихъ.
Ты здѣсь всего ужъ видѣла довольно.
Пора тебѣ и возвратиться въ домъ.

Ребекка.

Ахъ! нѣтъ, дай мнѣ еще ты насладиться;
Дай оглядѣть блестящій праздникъ весь.

Исаакъ.

И онъ тебѣ понравился, Ребекка?

Ребекка.

Я внѣ себя. Какое торжество!
Ристалище огромное, гдѣ вскорѣ
Изъ рыцарей славнѣйшіе въ бояхъ
Стекутся всѣ, чтобъ въ благородномъ спорѣ
Искать побѣдъ красавицъ при глазахъ;
Ряды скамей, куда уже толпами
Со всѣхъ сторонъ сбѣгается народъ;
Долина вся покрытая шатрами;
Тьмы ратниковъ, князей и воеводъ;
Оружья ихъ, блестящія ихъ брони,

Ихъ надписи, знамена и щиты,
И ржущіе отъ нетерпѣнья кони;
Весь этотъ блескъ военной красоты
Въ душѣ восторгъ безвѣстный производитъ,
Мутится умъ, и въ удивленьи словъ
Для похвалы достойныхъ не находитъ.

Исаакъ.

Все стоило и денегъ и трудовъ.

Ребекка.

Гдѣ жъ лучше ихъ утратить было можно?

Исаакъ. (*въ сторону*).

Кому платить и въ мысль ей не войдетъ.

Ребекка.

А скоро ли сраженіямъ начало?

Исаакъ.

Черезъ три дни.

Рвбекка.

И мы увидимъ ихъ?

Исаакъ.

Послушай, дочь! Господь мнѣ не далъ сына,
И ты одна все щастіе мое.
Люблю тебя всего на свѣтѣ болѣ,
Казны тебѣ въ угодность не щажу;
Но ты меня жестоко огорчаешъ.

Ребекка.

Родитель! я!

Исаакъ.

Сегодня даже мнѣ

Не должно бы, по твоему желанью,
Привесть тебя къ жилищамъ Христіянъ,
Чтобъ праздниковъ смотрѣть приготовленья.
Принцъ Іоаннъ сегодня хочетъ здѣсь
Дворянамъ всѣмъ, Саксонскимъ и Нормандскимъ,
Дать шумный пиръ. Господь мнѣ буди щитъ!
Но горе мнѣ, когда изъ нечестивыхъ
Хотя одинъ увидитъ дочь мою.
Они насъ всѣхъ Евреевъ презираютъ,
Нижайшій рабъ насъ можетъ обижать;
И что жъ къ твоей я сдѣлаю защитѣ?
Придется мнѣ въ печали умерѣть.

Ребекка.

Но Канцлеръ . . .

Исаакъ.

Добръ, когда во мнѣ имъ нужда.

Ребекка.

И даже Принцъ . . .

Исаакъ.

Авессаломъ злодѣй!
Жену отца не пощадитъ развратный,
Не только дочь презрѣннаго Жида.
Нѣтъ, и теперь еще дрожу отъ страха,
Какъ взпомню я, чѣмъ два года тому,
Когда я велъ дѣла мои въ Царьградѣ,
Въ отсутствіи нещастнаго отца,
Грозилъ тебѣ безбожный рыцарь храма.
Одинъ Господь насъ могъ спасти отъ срама.

Такъ всѣ они творятъ всегда, вездѣ.
Не дай имъ Богъ пощады на судѣ!

Ребекка.

Вездѣ живутъ добра и зла примѣры;
И рыцарь тотъ, который спасъ меня,
Родитель мой, не ихъ ли также вѣры?
Не ты ли самъ съ того поклялся дня,
Гдѣ бъ Иваной ни встрѣтился съ тобою,
Какъ кровному во всемъ ему помочь?
Забылъ ли ты, что къ смертному онъ бою
Готовился, твою спасая дочь?
Власть Короля смирила ихъ сначала;
Но Бо-гильбертъ клялся насытить месть,
И можетъ быть, я смерть тому послала,
Кто сохранилъ и жизнь мою и честь.

Исаакъ.

Ты права: онъ добра намъ сдѣлалъ много,
И встрѣтясь съ нимъ, я точно долгъ отдамъ;
Хоть думаю, что вѣрно онъ погибнулъ,
И намъ его ужъ болѣ не видать.

Ребекка.

Ты думаешь?

Исаакъ.

Конечно: Богъ накажетъ
Враговъ своихъ, сихъ воиновъ креста,
Которые нестройными толпами
Отъ дальныхъ странъ бѣгутъ въ Ерусалимъ,
Мечемъ, огнемъ опустошаютъ землю,

И первыхъ насъ, кого бъ они должны
Чтить какъ друзей, учителей и братій,
Хотятъ изгнать изъ дома праотцевъ,
Изъ полныя ихъ славой Палестины.
За то имъ Богъ и не далъ стѣнъ святыхъ;
Болѣзнь и гладъ ихъ истребили рати;
Самъ Кесарь смерть нашелъ въ струяхъ рѣки,
Вождь лучшій палъ кинжаломъ ассассина,
Съ стыдомъ ушли Французкіе полки,
И вознеслось величье Саладина.
За то Ричардъ, левъ сердцемъ, палъ во плѣнъ;
Презрѣнный врагъ повергъ его въ оковы,
И братъ, его паденіемъ надмѣнъ,
Ему еще готовитъ скорби новы.
Безумные! не видятъ ничего:
Ихъ взоръ слѣпитъ алчба честей и злата.
Пролей имъ Богъ отъ гнѣва своего!
Злодѣйству казнь есть праведная плата.

Ребекка.

Родитель! какъ ихъ въ слѣпотѣ винить?
Кого, скажи, кого съ начала вѣковъ,
Могло когда нещастье умудрить
Изъ всѣхъ слѣпыхъ и слабыхъ человѣковъ?
И сами мы, которымъ цѣлый свѣтъ
Въ часть удѣлилъ обиду и гоненье,
Мы по землѣ скитальцы столько лѣтъ,
У всѣхъ рабы, самимъ рабамъ презрѣнье,
Склонимся ль мы оставить нашъ законъ,

Въ немъ ложь признать, принять обряды чужды?
Въ томъ наша честь, что въ насъ хранится онъ,
Что за него мы терпимъ скорбь и нужды.
Когда они въ обманѣ, мы должны
Жалѣть о нихъ; но чувство, коимъ полны,
На встрѣчу всѣмъ опасностямъ войны,
Другъ другу вслѣдъ текутъ народовъ волны
Въ Ерусалимъ, одно изъ чувствій тѣхъ
Чѣмъ достаютъ безсмертье человѣки.
Что жъ манитъ ихъ отъ родины утѣхъ
Въ безвѣстный край, во странствія далеки,
Гдѣ ждутъ враги, болѣзни и труды?
Не подлая корысть, не жажда злата;
Нѣтъ, горьки имъ самихъ побѣдъ плоды,
За боемъ бой и новая утрата;
Но ихъ крѣпитъ гласъ вѣры, славы зовъ,
И робкій храбръ, и раны не опасны,
И смерть ничто. Я знаю, что таковъ
Не всякъ изъ нихъ: другъ съ другомъ несогласны,
Коварны, злы, иные изъ вождей,
Изъ воиновъ, изъ пастырей ихъ даже,
Гнѣвъ навлекли отъ Бога и людей;
Но ахъ! всего земнаго участь таже.
За то чей мы найдемъ славнѣйшій слѣдъ?
Чьихъ доблестей толь многіе примѣры?
Чьихъ столько жертвъ для общества и вѣры?
И гдѣ другой отыщется Годфредъ?
Я признаюсь, что часто вспоминая

Дружинъ его чудесныя дѣла,
Входила въ мысль мнѣ та война святая,
Гдѣ съ Навиномъ Евреевъ сила шла,
Гдѣ Божье насъ величье предводило,
Гдѣ звукомъ трубъ вождь гналъ противный строй,
Гдѣ вѣрой твердъ, сказалъ онъ солнцу: стой!
И стало вдругъ небесное свѣтило.

Исаакъ.

О дочь моя! какъ ложно судишь ты!
Какъ юности обольщена мечтами!
И какъ отъ нихъ до правды далеко!
Дай Богъ чтобъ ты собой не испытала
Какъ страшно намъ пасть въ руки Христіянъ.
Но кончимъ; здѣсь я принужденъ остаться
Чтобъ съ Канцлеромъ устроить всѣ дѣла.
Лордъ Вальдемаръ сюда прибудетъ вскорѣ,
Я жду его; мы послѣ кончимъ рѣчь.
Теперь иди съ моимъ благословеньемъ.

Ребекка.

Пойдемъ, Юдиѳъ.

Юдиѳъ.

Тутъ дальше.

Ребекка.

Все равно.

(Уходятъ въ ту сторону гдѣ приготовленъ турниръ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

Исаакъ, (*одинъ*)

Охъ! вижу я, въ ней сердце не спокойно.
Вотъ отъ чего и замужъ все нейдетъ.
А жениховъ къ ней сваталось не мало;
Никто не милъ; спроси ее: за что?
Хоть нынче, сынъ сосѣда Веньямина
Хорошъ бы всѣмъ: и молодъ, и богатъ,
И всѣ дѣла ведетъ въ такомъ порядкѣ
Что у него секинъ не пропадетъ.
Скажу объ немъ, молчитъ или смѣется.
Охъ! охъ! другой есть видно на умѣ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Исаакъ. Канцлеръ.

Канцлеръ.

Что, Исаакъ, задумался? въ чемъ горе?

Исаакъ.

Простите, Лордъ, я не примѣтилъ васъ.

Канцлелъ.

Не деньги ли считалъ здѣсь такъ прилѣжно?

Исаакъ.

Чего считать? послѣднія я вамъ
Всѣ отдалъ, Лордъ; нѣтъ въ домѣ ни безана;

Да и за тѣ еще не получилъ
Что мнѣ въ залогъ обѣщано.

Канцлеръ.

Получишь
Все, Исаакъ; бумаги здѣсь со мной.
Но только знай, что Принцъ нашъ въ крайней нуждѣ,
И что опять ты долженъ насъ ссудить.

Исаакъ.

Я радъ бы; но . . .

Канцлеръ.

Всего не такъ чтобъ много;
Тебѣ найти не трудно будетъ ихъ:
Пять тысячь маркъ.

Исаакъ.

Пять тысячь маркъ! создатель!
Гдѣ ихъ возьмешь? вы шутите, Милордъ.

Канцлеръ.

Нѣтъ, не шучу; сказать мнѣ стоитъ слово,
И ты поймешь что не до шутокъ намъ.
Сегодня же я получилъ извѣстье
Что выпущенъ Ричардъ, что за него
Часть выкупа друзья ужъ заплатили,
И можетъ быть, онъ вскорѣ будетъ здѣсь.

Исаакъ.

Ричардъ!

Канцлеръ.

Онъ самъ; я чай, вы не забыли
Какое вамъ здѣсь было съ нимъ житье,

Какъ по отцѣ онъ только воцарился.

Исаакъ.

Одинъ Камбизъ былъ такъ къ Евреямъ строгъ.

Канцлеръ.

Теперь еще вамъ будетъ вдвое хуже.
За выкупъ свой онъ цѣну положилъ,
Какой не льзя и въ цѣломъ государствѣ
Въ пять лѣтъ собрать; онъ съ васъ ее сберетъ,
Не такъ мы въ заемъ, а безъ отдачи.

Исаакъ.

Я сердцемъ радъ . . . но гдѣ мнѣ столько взять?
На это всей не станетъ синагоги.
Придется мнѣ поѣхать развѣ въ Іоркъ,
Да попросить соседа Веньямина;
Но онъ не я, и если не закладъ . . . .

Канцлеръ.

Закладъ готовъ: по моему совѣту,
Принцъ Іоаннъ взялъ въ правило себѣ
Всѣ данныя отъ Королей помѣстья
Отнять у тѣхъ, которые ушли
Въ Ерусалимъ съ знаменами Ричарда
И отреклись отъ родины своей.
Онъ дастъ ихъ тѣмъ, кто здѣсь ему полезенъ.
Ты знаешъ ли помѣстье Иваной?

Исаакъ.

Какъ мнѣ не знать? по немъ и носитъ имя
Знакомый мнѣ хорошій рыцарь, сынъ
Лордъ-Седрика, Саксонца по прозванью.

Канцлеръ.

Принцъ Іоаннъ его отъ нихъ беретъ;
А получить назначенъ въ награжденье
Племянникъ мой Сиръ Регинальдъ, и онъ
Согласенъ дать въ залогъ свое помѣстье
За деньги тѣ, которыхъ я прошу.
Доволенъ ли?

Исаакъ.

Я бъ вѣрно былъ доволенъ;
Но Веньяминъ . . . .

Канцлеръ.

Какъ хочешь съ нимъ ты ладь;
А чтобъ въ три дни готовы были деньги.
Условіе самъ можешь написать:
Вотъ бѣлой листъ; но только безъ обману.
Не то, смотри, не любитъ Принцъ шутить.
Но вотъ онъ самъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Принцъ. Канцлеръ. Исаакъ. Регинальдъ. Нормандскіе Рыцари. Свита.

Принцъ.

А! здравствуйте, Лордъ Канцлеръ.
Вы здѣсь въ дѣлахъ. Что? милостивъ ли къ намъ
Нашъ лучшій другъ, нашъ дюкъ и перъ секиновъ?

Канцлеръ.

Я говорилъ.

Принцъ.

Что жъ онъ?

Канцлеръ.

Ни да, ни нѣтъ.

Принцъ.

Послушай, Жидъ, твоя конечно кожа
Товаръ плохой; однако все она
Мнѣ на сѣдло къ турниру пригодится.

Исаакъ.

Свѣтлѣйшій Принцъ! я нынче ѣду въ Іоркъ
За деньгами, и если что достану,
То съ радостью . . . .

Принцъ. *(Рыцарямъ указывая на Жида).*

Сговорчивъ: тѣмъ хорошъ.

(Исааку)

Не хочешь ли, чтобъ ѣхать безопасно,
Я дамъ тебѣ моихъ жандармовъ взводъ?

Исаакъ.

Нѣтъ, Государь, мнѣ это много чести.

Принцъ.

Сиръ Регинальдъ! иль дайте изъ своихъ.

Региналь дъ.

Съ охотою.

Исаакъ.

Ахъ! нѣтъ, избави Боже!
Я больше ихъ боюся чѣмъ воровъ.

Регинальдъ.

Какъ смѣешь, Жидъ? . . .

Канцлеръ.

Сиръ Регинальдъ! оставьте:

Онъ съѣздитъ такъ.

Исаакъ.

У насъ обычай свой;

Не въ первый разъ.

Принцъ.

Какъ хочешь, лишь бы скоро.

Исаакъ *(откланиваясь)*

Я радъ бы вмигъ . . . *(Въ сторону)* чтобъ всѣхъ васъ громъ убилъ.

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же кромѣ Исаака.

Принцъ.

Лордъ Канцлеръ! вы должны быть мной довольны.
Въ угодность вамъ Саксонцевъ я зову.
Скажите мнѣ, вы знаете ихъ?

Канцлеръ.

Мало;

Но главныхъ, Принцъ, могу я вамъ назвать.

Принцъ.

Посмотримъ кто.

Канцлеръ.

Замѣтнѣй всѣхъ Танъ Седрикъ.
Сиръ Региналъдъ съ нимъ по землѣ сосѣдъ.
Онъ человѣкъ по своему почтенный:
Твердъ въ правилахъ, Нормандцевъ явный врагъ,
Защитникъ всѣхъ обычаевъ Саксонскихъ,
Всей старины, до крайности такой,
Что изъ дома изгналъ и проклялъ сына
За то одно, что братъ вашъ Лордъ Ричардъ
Его любилъ, и что въ походъ востечный
Онъ съ нимъ пошелъ.

Принцъ.

Такъ стало по дѣломъ.
Ну что за звѣрь сынъ этотъ?

Региналъдъ.

Онъ тотъ самый
Кому Ричардъ далъ замокъ Иваной,
Который, Принцъ, вы мнѣ . . .

Принцъ.

Помѣстье ваше,
Сиръ Региналъдъ. Не правда ль, господа,
Что я могу, что я имѣю право
Помѣстьями тѣхъ службу награждать
Кто вѣренъ мнѣ?

Всѣ.

Конечно, Принцъ, конечно.

Принцъ. *(Канцлеру).*

Кто дальше, Лордъ?

Регинальдъ.

Позвольте, Государь.
Лордъ Канцлеръ вамъ сказалъ не всѣ причины
Изгнанія Франклина Иваной.
Вы знаете, онъ былъ въ Леди Ровену
Влюбленъ, и тѣмъ подпалъ подъ гнѣвъ отца.

Принцъ.

Ровена! я слыхалъ про это имя.
Не ужъ ли впрямъ она такъ хороша
Какъ говорятъ?

Регинальдъ.

Да, Принцъ, она прекрасна.

Канцлеръ.

И сверьхъ того богата и умна.
Ровены родъ, я слышалъ, происходитъ
Отъ бывшихъ здѣсь Саксонскихъ королей;
И опекунъ ея, Саксонецъ Седрикъ,
Почелъ за грѣхъ что Тана сынъ простой
Осмѣлился влюбиться въ дочь Альфреда.

Принцъ.

И Седрикъ правъ: я самъ Альфреда кровь
Такъ много чту, что выдамъ непремѣнно
За одного изъ рыцарей моихъ
Ровену, да за рыцаря Нормандца. —
Кто, господа, кто хочетъ взять изъ васъ?

Голоса.

Хоть Я. — Я. — Я.

Канцлеръ.

Возьметъ пожалуй всякой.
Но взпомните, я васъ уже просилъ
Племянника . . . .

Принцъ. *(Рыцарямъ)*

Что, господа, мнѣ дѣлать?
Сиръ Регинальдъ одинъ все хочетъ брать.
И что въ женѣ? намъ есть чужихъ довольно.

Одинъ изъ Рыцарей.

Есть, Государь.

Другой.

Куда какъ Принцъ нашъ милъ!

Принцъ. *(Регинальду)*

Поговорю я самъ съ ея медвѣдемъ
Опекуномъ.

Канцлеръ.

Напрасно, Государь.
Онъ ни за что отнюдь не согласится;
Его вся мысль скорѣй ее отдать
За своего сосѣда Адельстана.

Принцъ.

А это кто?

Канцлеръ.

Саксонскій знатный Танъ,
Единственный наслѣдникъ правъ Альфреда.

Принцъ. *(Изпугавшись).*

Ахъ! Боже мой, тутъ нечего шутить:
Оно, ей ей, становится опасно.

Онъ молодъ?

Канцлеръ.

Да.

Принцъ. *(видя что смѣются)*

Совсѣмъ, совсѣмъ не смѣхъ.

Храбръ, можетъ быть?

Одинъ изъ Рыцарей.

Э! Принцъ, вѣдь онъ Саксонецъ.

Принцъ.

Конечно, но . . .

Канцлеръ. *(тихо Принцу)*

Не стыдно ль? развѣ я

Не знаю всѣхъ и не смотрю за всѣми?

Не бойтесь же.

Принцъ.

Вы кладъ, любезный Лордъ.

Канцлеръ.

Сиръ Адельстанъ и храбръ, да не опасенъ;

Онъ такъ лѣнивъ что думать трудъ ему,

И изо всѣхъ три только любитъ дѣла:

Ѣсть, пить и спать.

Принцъ.

Саксонецъ хоть куда.

Такъ стало намъ и весело съ нимъ будетъ.

Я страхъ люблю всѣхъ этихъ чудаковъ.

Кто помнитъ здѣсь, какъ при отцѣ покойномъ

Въ Ирландію я посланъ былъ? ко мнѣ

И собрались всѣ старшины, умора

Что за народъ, въ два локтя борода.
Они ко мнѣ какъ подойдутъ съ поклономъ,
А я тишкомъ и за бороду ихъ.

Одинъ изъ Рыцарей.

Я съ вами, Принцъ, въ то время былъ въ Дублинѣ,
И помню какъ всѣ удивились мы
Что такъ остро и вдругъ вы подшутили.

Канцлеръ.

Совѣтъ мой, Принцъ, всѣ шутки отложить.
Онѣ и тамъ вамъ навредили много.
А чтобъ моимъ вы вѣрили словамъ,
Вотъ вамъ письмо, которое сегодня
Мнѣ принесли.

Принцъ. *(Развертывая письмо)*

Печать съ гербомъ лилей!
«Принцъ! берегись, и знай: левъ спущенъ съ цѣпи.»
Ричардъ!

Всѣ.

Ричардъ!

Канцлеръ.

Извѣстье, можетъ быть,
И ложное; но если даже правда,
Намъ средства есть противиться ему:
Наемныхъ войскъ имѣемъ мы довольно;
Всѣ рыцари Нормандскіе за васъ;
Боясь его, Жиды дадутъ намъ денегъ;
Духовные дождутся дѣлъ конца;
А чтобъ народъ склонился къ пользамъ вашимъ

Вамъ надобно Саксонцевъ приласкать.

Принцъ.

Я все готовъ . . . но болѣ всѣхъ надѣюсь
На рыцарей . . . не правда ль, господа?

Одинъ изъ Рыцарей.

Конечно мы . . . .

Другой.

Мы, Принцъ . . . .

Третій.

Мы сколько можемъ . . .

Регинальдъ.

Я, государь, весь вашъ покуда живъ.

Принцъ. *(Регинальду)*

Любезный другъ! я самъ съ Леди Ровеной
Поговорю. *(тихо Канцлеру)* Милордъ! что дѣлать намъ?
Они совсѣмъ, совсѣмъ перепугалисъ.

Канцлеръ. *(тихо Принцу)*

Вы сами, Принцъ, не бойтесь только: все
Тогда пойдетъ. Не дайте подозрѣнья
Гостямъ своимъ; вамъ стоитъ захотѣть:
Съ Ровеною и съ дамами учтивость,
Съ мужчинами веселость безъ чиновъ,
И всѣ за васъ; я въ прочемъ вамъ порука.

Принцъ.

Любезный Лордъ, я все, все сдѣлать радъ.

Пажъ. *(докладываетъ)*

Лордъ Седрикъ Танъ, Леди Сара Ровена,
Лордъ Адельстанъ.

Принцъ.

Зови ихъ всѣхъ сюда.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же. Седрикъ. Адельстанъ. Ровена.

Принцъ. *(Саксонцамъ)*

Милорды! я за ваше посѣщенье
Благодарить считаю долгомъ васъ.
Позвольте мнѣ надѣяться, что сами
Охотно вы знакомитесь со мной.

Седрикъ.

Лордъ Адельстанъ! вы всѣхъ знатнѣе родомъ:
Вамъ отвѣчать.

Адельстанъ.

Нѣтъ, отвѣчайте вы.

Седрикъ.

Я рѣдко, Принцъ, изъ дома ѣзжу въ гости,
И если вашъ сегодня принялъ зовъ,
Вы можете винить Леди Ровену.

Принцъ.

Винить! — такъ вамъ, прекрасная Леди,
Обязанъ я? я чувствую всю цѣну . . .

Ровена.

Я, государь, почла бы за вину
Напрасное принять благодаренье.
Хотѣлось мнѣ, я васъ не обману,
Здѣсь посмотрѣть на рыцарей сраженье.

Принцъ.

Мнѣ очень жаль что вамъ ихъ ждать три дни.
Не всѣ бойцы поспѣли на ристанье;
Мы ждемъ пока сберутся къ намъ они;
А между тѣмъ приложимъ мы старанье
Какъ лучше бы принять своихъ гостей.
Я Лорды, васъ прошу, не будьте строги;
Угодно ль что? скажите поскорѣй,
Такъ по просту.

Адельстанъ.

Я, признаюсь, съ дороги
Хоть закусить . . .

Принцъ.

Лордъ Канцлеръ! будьте мнѣ
Замѣною на время въ угощеньи;
А съ вами я, Леди, на единѣ
Поговорить прошу о позволеньи.

Ровена.

Съ охотой, Принцъ.

(Канцлеръ и всѣ рыцари уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Принцъ. Ровена.

Принцъ.

Вашъ опекунъ чудакъ.

Ровена.

Я, Принцъ, его люблю и почитаю
Какъ бы отца.

Принцъ.

Я не виню никакъ
Чувствъ вашихъ; но въ томъ только осуждаю
Лордъ-Седрика, что онъ, и безъ вины,
Не любитъ насъ.

Ровена.

Принцъ, онъ Саксонецъ вѣрной.

Принцъ.

Не уже ли за это мы должны
Вѣкъ ссориться? что добраго въ чрезмѣрной
Къ отечеству любви? я ль грѣшенъ въ томъ,
Что за сто лѣтъ тому случилось дѣду
На островъ вашъ пристать, и что потомъ
Онъ одержалъ подъ Гастингсомъ побѣду?
Не лучше ли прошедшее простить,
Связать въ одно два храбрые народа,
И по родствомъ и дружбой съединить
Что дѣлятъ врознь обычай и порода?

Ровена.

Такая мысль достойна всѣхъ похвалъ.

Принцъ.

Отъ васъ ея ждать буду исполненья.

Ровена.

Какъ, Государь!

Принцъ.

Я васъ, Леди, избралъ
Чтобъ первымъ быть залогомъ примиренья.
Вамъ надобенъ достойный васъ супругъ:
Онъ найденъ мной, вы согласитесь сами:
Лордъ Вальдемаръ, мой Канцлеръ, есть мой другъ;
Вся Англія живетъ его трудами,
И съ нимъ родству быть долженъ всякой радъ.
Племянника онъ руку предлагаетъ;
Сиръ Регинальдъ храбръ, знатенъ и богатъ;
Вашъ Принцъ его заслуги уважаетъ,
И за него ходатайствуетъ самъ.
Когда бы я не зналъ Леди Ровену,
Хоть малую я предложилъ бы вамъ,
Но лестную за снизхожденье цѣну:
Ристалища верьховный судія
Воленъ избрать иль даму иль дѣвицу
Къ разданію вѣнцовъ побѣдныхъ; я
Творю любви и красоты царицу.
Теперь отъ васъ жду слова одного,
И вашего въ немъ утвержденье права:
На васъ падетъ блескъ праздника всего,
И равная съ торжественникомъ слава.

Ровена.

Я не затѣмъ, Принцъ, ѣхала сюда
Что бъ на себя привлечь другихъ вниманье,
И можетъ мнѣ не чести, а стыда
Придать судьи пристрастное избранье.

Принцъ.

Сиръ Регинальдъ сосѣдъ вашъ; вы должны
Знать, что въ нашъ вѣкъ недружное сосѣдство.
Избавиться отъ вѣчной съ нимъ войны
Супружество одно вамъ только средство;
А что бы васъ съ нимъ сблизить ужъ совсѣмъ,
Помѣстье есть, двухъ вашихъ раздѣленье:
На свадьбу васъ дарю помѣстьемъ тѣмъ.

Ровена.

Принцъ! Иваной есть древнее владѣнье
Лордъ-Седрика и предковъ всѣхъ его.
Хотя сперва во время разпрей слезныхъ
Онъ былъ лишенъ наслѣдья своего,
Король Ричардъ цѣной заслугъ полезныхъ
Сиръ-Вильфрида вновь онымъ наградилъ,
И грамотой въ ихъ родѣ укрѣпилъ.

Принцъ.

Что далъ Ричардъ любимцу по пристрастью,
То Іоаннъ воленъ и взять назадъ
Съ такихъ же правъ, такой же точно властью.
Сиръ Вильфридъ чѣмъ достоинъ былъ наградъ?
Иль тѣмъ что онъ, Ричарда по примѣру,
Ругается надъ властію отца?
Пусть, если впрямъ они идутъ за вѣру,
Ждутъ тамъ себѣ небеснаго вѣнца;
Но здѣсь имъ правъ ужъ нѣтъ въ своей отчизнѣ.
Должны себя вы столько почитать,
Чтобъ не подпасть правдивой укоризнѣ

За тщетный трудъ повѣсу защищать.
Опять вашъ вкусъ не смѣю я обидѣть,
Ни вобразить что мужъ вашъ Адельстанъ,
Кого едва безъ смѣху можно видѣть.
Теперь, Леди, вы знаете мой планъ,
Намѣренье и волю: разсудите,
И дайте мнѣ рѣшительный отвѣтъ.

Ровена.

Я дамъ его; но, Принцъ, вы мнѣ простите
Въ томъ, если я почти незная свѣтъ,
Скажу не такъ. Вильфридово помѣстье
Я не возьму; а защищать его
Не только въ стыдъ не ставлю ни въ безчестье,
Но даже въ долгъ. Онъ имени того
Не заслужилъ, чѣмъ вы его назвали;
Свое же, Принцъ, прославилъ онъ войной,
И мало тѣхъ бойцовъ, кого бы знали
Тамъ болѣе Вильфрида Иваной.
Объ ихъ дѣлахъ вы судите съ презрѣньемъ:
Вы властны, Принцъ; но я и всѣ почти
На рыцарей сихъ смотримъ съ уваженьемъ,
Чтя выше тѣхъ, которые идти
Въ крестову брань затѣмъ лишь не хотѣли,
Чтобы чужимъ здѣсь овладѣть добромъ,
И можетъ быть, дойдя преступной цѣли,
Входъ заградить хозяину въ свой домъ.
Сиръ Вильфридъ, Принцъ, тѣмъ доблестямъ единымъ
У Короля учился съ юныхъ лѣтъ,

Которыя Ричарда сердцемъ львинымъ,
Дивясь, назвать заставили весь свѣтъ.
Передъ отцемъ не виненъ онъ нимало;
Скорѣй отецъ виновенъ передъ нимъ.
Я знать должна: я распри ихъ начало.
Нещастье то случалось не съ однимъ;
И если сынъ всегда преступникъ въ ссорѣ,
Принцъ, вспомните чье имя вашъ отецъ
Прочелъ, простивъ всѣхъ бывшихъ въ заговорѣ,
И кѣмъ его былъ ускоренъ конецъ.
Я не возьму супруга по неволѣ;
Сиръ Адельстанъ . . . я не люблю его;
Но если бъ мнѣ не оставалось болѣ
Какъ изъ двоихъ лишь выбрать одного,
Я, государь, скажу чистосердечно,
Другъ Седрика, мой кровный и родной,
Тогда бы былъ мной предпочтенъ конечно
Пришельцу, намъ грозящему войной,
Чье имя мнѣ по ужасамъ извѣстно,
И кто теперь въ добавокъ стыдныхъ дѣлъ,
Осмѣлился мнѣ предложить безчестно
Съ нимъ раздѣлить нещастнаго удѣлъ.

Принцъ.

Отвѣтъ вашъ чистъ, хоть онъ не къ вашей славѣ.
Не худо бы его обдумать вамъ,
И государь, когда онъ проситъ, въ правѣ
Ждать большаго вниманія къ словамъ.

Ровена.

Принцъ! нашъ король въ плѣненьи; вы забыли
Что онъ въ живыхъ, и что его возвратъ . . . .

Принцъ. *(въ сторону)*

Такъ! и отъ нихъ извѣстія не скрыли. —
А развѣ здѣсь слухъ носится что братъ? . . .

Ровена.

Нѣтъ, Принцъ, я вамъ открыла лишь желанья.

Принцъ.

Я ихъ дѣлю, повѣрьте мнѣ; я самъ
Всѣ чувствую Ричардовы страданья,
И болѣ всѣхъ хочу, чтобъ этотъ срамъ,
Хоть какъ нибудь, окончился бы вскорѣ.
Надѣюсь, мы останемся друзья.
Но вотъ и всѣ; объ нашемъ разговорѣ
Нѣтъ нужды имъ . . .

Ровена.

Молчать, Принцъ, буду я.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Принцъ. Ровена. Седрикъ. Адельстанъ. Регинальдъ. Канцлеръ. Рыцари. Дамы.

(Слуги приносятъ столы для пира).

Принцъ. *(Саксонцамъ)*

Что, господа, вы видѣли ль весь праздникъ?

Канцлеръ.

Почтенныхъ я вездѣ провелъ гостей.

Принцъ.

Понравилось ли вамъ?

Адельстанъ.

Я, Принцъ, доволенъ.

Все хорошо, да я же сверьхъ того
Всегда люблю гулять передъ обѣдомъ.

Принцъ.

А вы, Милордъ?

Седрикъ.

Я человѣкъ простой,

Лжи не терплю, и вамъ скажу всю правду:
Весь вашъ турниръ, все это не по мнѣ.
Отцы, дай Богъ имъ царствіе небесно!
Чуждались встарь безпутной новизны;
Шутить мечемъ казалось имъ невмѣстно;
Не дѣлали игрушки изъ войны;
Дрались они какъ львы во время нужды
За родину, за женъ и за дѣтей.
Обычаи къ намъ послѣ вкрались чужды.
Не всѣ могли опасность сихъ сѣтей
Примѣтить вдругъ; большая часть народа
Сей роскошью, симъ блескомъ прельщена;
Утрачены и щастье и свобода,
И память намъ осталася одна.

Принцъ.

Когда вамъ все противно что ново,

Не знаю что понравится вамъ здѣсь;
Авось виномъ хоть угожу я старымъ.
Но столъ готовъ, мы сядемъ. *(обращаясь къ служителямъ)* Между тѣмъ
Позвать сюда тѣхъ плясуновъ Срациновъ.

(Ровенѣ)

Они, Леди, утѣшатъ вѣрно васъ:
Мой братъ Ричардъ прислалъ ихъ мнѣ въ подарокъ.
Вотъ первый вамъ трофей его побѣдъ.

Ровена.

Король, когда я, Принцъ, не ошибаюсь,
Хотѣлъ не мой, а вашъ утѣшить вкусъ.

(Принцъ и гости его садятся и обѣдаютъ. Трое Срациновъ пляшутъ. По окончаніи пляски Ровена и всѣ дамы встаютъ.)

Принцъ. *(Ровенѣ)*

Вы прочь отъ насъ?

Ровена.

Да, Принцъ, вы намъ позвольте.
Мы не хотимъ въ весельи вамъ мѣшать.

(Дамы уходятъ. Служители уносятъ часть столовъ. Седрикъ сидитъ задумавшись. Адельстанъ ѣстъ. Принцъ и Нормандцы между собою смѣются.)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же кромѣ Ровены и дамъ.

Принцъ.

Сиръ Адельстанъ! скажите намъ хоть слово.

Не правда ли что это хорошо?

Адельстанъ.

Прекрасно, Принцъ, отмѣнно, безподобно,
И я почти одинъ съѣлъ весь пирогъ.

Принцъ.

Я не объ немъ васъ спрашивалъ.

Адельстанъ.

О чемъ же?

Принцъ.

О плясунахъ.

Адельстанъ.

А развѣ кто плясалъ?

(общій смѣхъ).

Принцъ.

Сраціны, здѣсь.

Адельстанъ.

А я и не примѣтилъ.

Принцъ. *(Нормандцамъ)*

Вотъ должно какъ всегда вникать въ дѣла.

Канцлеръ. *(Седрику)*

Вамъ грустно, Лордъ?

Седрикъ.

Да, признаюсь невольно.
На этихъ я заморскихъ плясуновъ
Смотрѣлъ, смотрѣлъ, и сердцу стало больно:
Сынъ взпомнился; ужъ нѣсколько годовъ
Съ Ричардомъ онъ воюетъ въ Палестинѣ,
А я одинъ вѣкъ доживаю свой.

Канцлеръ.

Лордъ Седрикъ, Принцъ, печалится о сынѣ.
Угодно ль вамъ, чтобы изъ круговой
Мы выпили теперь его здоровье?

Принцъ.

Да, выпьемъ всѣ.

Седрикъ.

Нѣтъ, Принцъ, тотъ сынъ о комъ
Я принужденъ въ дому моемъ условье
Постановить, чтобъ мнѣ никто объ немъ
Не поминалъ, уже не сынъ мнѣ болѣ.
Пришельцевъ рабъ не Седрикова кровь;
Родителя онъ не послушенъ волѣ,
И въ правый гнѣвъ прешла моя любовь.

Принцъ.

Какъ это жаль! отецъ такой почтенной,
А сынъ!... опять у брата моего
Какой примѣръ! онъ самъ въ войнѣ священной
Священнаго не знаетъ ничего.
Мнѣ какъ то, Лордъ, сказали за извѣстье,
Что тотъ тому цѣной какихъ то дѣлъ
Хотѣлъ отдать какое то помѣстье?

Седрикъ.

Онъ отдалъ, Принцъ, старинный нашъ удѣлъ,
И съ грамотой мнѣ въ горшую досаду.
Какъ сына мнѣ простить за этотъ срамъ?
Унизиться изъ рукъ чужихъ въ награду
Принять добро, свое по всѣмъ правамъ!

Принцъ.

Такъ стало вамъ не будетъ непріятно,
Коль иначе мы вновь разпорядимъ:
Взявъ Иваной у Вильфрида обратно,
Его теперь другому подаримъ.
Сиръ Регинальдъ! имѣйте жъ попеченье,
Чтобъ отчиной Сиръ Вильфридъ овладѣвъ,
Не могъ привесть семѣйства въ униженье,
И не навелъ опять отца на гнѣвъ.

Регинальдъ.

Принцъ! что мое, того по вѣрной смѣтѣ
Вѣкъ не видать, ручаться въ томъ могу,
Всѣмъ Седрикамъ и Вильфридамъ на свѣтѣ,
И будь же я Саксонецъ если лгу.

Седрикъ.

Саксонецъ! ты! кому бы въ разумъ впало
Такъ звать тебя, тебѣ бы сдѣлалъ честь
Столь многую, сколь оной стоишъ мало.

Регинальдъ.

Ахъ! ты, Франклинъ!

Канцлеръ. *(тихо Принцу)*

Ихъ надобно развесть.

Принцъ. *(тихо Канцлеру)*

Оборочу все въ шутку *(вслухъ)* Мы повѣрить
Преймуществу Саксонцевъ безъ рѣчей
Должны: длину намъ стоитъ только смѣрить
И ихъ родовъ, и даже ихъ плащей.

Нормандскій Рыцарь. *(глядя на Адельстана)*

Я въ нихъ хвалю воздержность на обѣдѣ.

Другой Рыцарь. *(глядя на Седрика)*

Веселость ихъ и вѣжливость въ гостяхъ.

Регинальдъ.

А храбрость ихъ всегда ведетъ къ побѣдѣ,
Какъ въ Гастингсѣ и въ ста другихъ бояхъ.

Седрикъ.

Такъ, господа; похвально, продолжайте,
И заманивъ пріязнью старика,
Теперь его безъ страха обижайте.
Моя отъ лѣтъ ослабшая рука
Саксонцевъ честь не защититъ конечно.
Мой сынъ бы могъ отвѣтить вамъ безъ словъ;
Но я вамъ, Принцъ, скажу чистосердечно,
Что если бы у насъ у стариковъ
Какой нибудь хозяинъ благородный
Чтобъ обижать гостей зазвалъ въ свой домъ,
Онъ всѣми бы былъ презрѣнъ какъ негодный,
И впредь никто съ нимъ не былъ бы знакомъ.

Канцлеръ. *(тихо Принцу)*

Вы видите ль что такъ шутить опасно?
(вслухъ)
Увѣрьте жъ, Принцъ, вы гостя своего,
Что онъ на насъ разсердился напрасно,
И обижать не думали его.

Принцъ.

Кто думать могъ, и есть ли тутъ обида?

(Седрику)

Чтобъ доказать невинность вамъ мою,
Когда не льзя здоровье пить Вильфрида,
То ваше я, Милордъ, здоровье пью.

Канцлеръ.

За вами всѣ. Милордъ! здоровье ваше.

(Всѣ наливаютъ и смѣются).

Первый Рыцарь. *(Адельстану)*

И ваше, Сиръ.

Второй Рыцарь.

И всѣхъ Саксонцевъ.

Третій Рыцарь.

Всѣхъ.

Принцъ. *(вслухъ)*

Дай Богъ имъ лѣтъ что капель въ этой чашѣ . . .

(Тихо рыцарямъ, которые смѣются.)

Пустой.

Седрикъ. *(въ сторону).*

Добро, я вамъ отмщу за смѣхъ.

Принцъ.

Гостямъ своимъ мы сдѣлали учтивость,
И выпили всѣ за здоровье ихъ;
Теперь сама велитъ ужъ справедливость
Того же ждать и отъ гостей самихъ.
Лордъ Седрикъ, вотъ вамъ чаша: назовите
Нормандца намъ, Нормандца одного,
Кого изъ всѣхъ почтить благоволите,
И выпьемте за здравіе его.

Канцлеръ. *(тихо Седрику)*

Вы поняли о чемъ нашъ Принцъ хлопочетъ?

Седрикъ.

Да, понялъ.

Канцлеръ.

Вамъ не льзя отказомъ . . .

Седрикъ.

Нѣтъ.

Канцлеръ.

Такъ сдѣлайте скорѣй чего онъ хочетъ,
И все съ концомъ.

Седрикъ.

Спасибо за совѣтъ. —
Мнѣ трудно, Принцъ, изполнить вашу волю:
Нѣтъ радости для плѣнныхъ, для рабовъ,
Пѣть тѣмъ хвалы, кто ихъ повергъ въ неволю;
Но быть ужъ такъ, и выборъ мой готовъ.
Здоровье я Нормандца пью такова,
Кто званіемъ, дѣлами и душой,
Всѣмъ выше всѣхъ; и если хоть полслова
Кто вопреки, отвѣтъ ему простой:
Кто бъ ни былъ онъ: Саксонецъ иль Норманецъ,
Не рыцарь онъ, не мужъ и не Британецъ.
Твердите жъ всѣ за мной сіи слова:
За здравіе Ричарда, сердцемъ льва.

Принцъ. *(Канцлеру)*

Что дѣлать?

Канцлеръ.

Пить.

(Общее смущеніе, но по знаку Принца пьютъ.)

Принцъ.

И такъ . . здоровье брата.

Всѣ.

Да здравствуетъ.

Седрикъ. *(встаетъ и всѣ также)*

Сиръ Адельстанъ! пойдемъ.
Хозяину лишь времени утрата
Отъ насъ степныхъ; а мы въ дому своемъ,
Бывъ позваны къ столь знатному обѣду,
Найдемъ о чемъ повесть намъ разговоръ.
Узнали все: Нормандскую бесѣду,
И вѣжливость, и умъ, и Принцевъ дворъ.

(Откланиваясь Принцу)

Я, государь, я вашъ слуга покорный.

ЯВЛЕНІЕ X и послѣднее.

Принцъ. Канцлеръ. Регинальдъ. Рыцари.

Принцъ.

Лордъ Вальдемаръ! я благодаренъ вамъ:
Вы сдѣлали что этотъ Седрикъ вздорный
Мнѣ нагрубилъ.

Канцлеръ.

Онъ былъ обиженъ самъ.

Регинальдъ.

Обиженъ! я не такъ бы ихъ обидѣлъ.

Первый Рыцарь.

Ихъ надо бы . . .

Другой Рыцарь.

Да что и говорить!

Канцлеръ. *(значительно)*

То, господа, что если бы я видѣлъ
Рѣшимость въ васъ чтобъ Принцу услужить,
Ухаживать не сталъ бы за другими.

Всѣ.

(въ смущеніи и съ притворнымъ жаромъ)

Мы, кажется . . .

Канцлеръ.

(ставъ посреди кружка рыцарей и обнажая мечь)

Клянитесь, господа,
Стать за него всякъ силами своими
Противу всѣхъ, повсюду и всегда.

Всѣ.

(обнажая мечи по примѣру Канцлера)

Клянемся всѣ.

Канцлеръ.

Притомъ въ пособіи скоромъ
Увѣренъ я; великій Магистръ мнѣ
Шлетъ рыцарей храмовыхъ съ командоромъ,
А Бо-гильбертъ извѣстенъ на войнѣ.

И такъ, теперь къ полкамъ своимъ спѣшите,

Сберите ихъ; а тамъ . . . турниръ . . . а тамъ . . .

(тихо Принцу)

Скажите жъ, Принцъ.

Принцъ.

(выходя изъ грустной задумчивости, но все еще съ безпокойствомъ)

А тамъ мнѣ докажите

Любовь свою, моя извѣстна вамъ.

(Принцъ и Канцлеръ уходятъ въ одну сторону, а всѣ рыцари въ другую.)

ВРАЖДА И ЛЮБОВЬ

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ КОМЕДІИ. (5)

ЯВЛЕНІЕ I.

Герцогиня. *(одна.)*

На свѣтѣ нѣтъ нещастнѣе меня.
Съ досады чуть не плачу.
Вѣдь надобно жъ имѣть такую неудачу,
Чтобъ черезъ день отъ свадебнаго дня,
Во время лучшее, въ изходѣ карнавала,
И на канунѣ бала,
Все обратилося въ ничто.
Отколь взялись враги, разбойники, пираты,
Богъ знаетъ кто!
Всѣ рыцари одѣлись въ латы,
Всѣ на коня, всѣ на войну;
Самъ Герцогъ мой повелъ ихъ въ поле,
И по неволѣ
Оставить долженъ былъ жену.
Мнѣ говорятъ: опасность не большая,
Война совсѣмъ пустая,
Побьютъ ихъ и назадъ придутъ. –
Побьютъ, такъ будутъ драться;
Они, чай, станутъ защищаться,
И сами, можетъ быть, кого нибудь убьютъ.
Что, если Герцогъ!.. *(слышенъ смѣхъ)* я въ печали,
А тамъ!... *(звонитъ).*

ЯВЛЕНІЕ II.

Герцогиня. Пажъ.

Пажъ.

Чего изволите?

Герцогиня.

Чей смѣхъ
Я слышу? кто это?....

Пажъ.

Графиня Санвитали.

Герцогиня.

Проси ее. *(Пажъ уходитъ)* Она скорѣе всѣхъ
Меня развеселитъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Герцогиня. Графиня.

Герцогиня. *(съ упрекомъ)*

Красавица-сестрица,
Какая радость? отъ чего?

Графиня.

Я, ваша Свѣтлость, отъ того
Смѣюсь, что всѣ до одного
Вокругъ меня нахмуренныя лица.

Герцогиня.

Не безъ причинъ, я думаю.

Графиня.

По мнѣ

Нѣтъ никакой. Нашъ Герцогъ на войнѣ;

Что жъ? это храброму забава:

Въ бою побѣда, честь и слава.

Герцогиня.

И часто смерть.

Графиня.

Не уже ли его

Осмѣлится какой нибудь разбойникъ? . . .

Изъ прочихъ, можетъ быть, подстрѣлятъ кой-кого:

Какъ думаете вы? кто тамъ теперь покойникъ?

Что, если бы Маркизъ?

Герцогиня.

Какъ! Бентивольо?

Графиня.

Да.

Герцогиня.

Помилуй, что у васъ съ Маркизомъ за вражда!

За что его такъ ненавидѣть?

Графиня.

За что жъ прикажете любить?

Герцогиня.

За все: достоинствъ въ немъ . . . .

Графиня.

Я не умѣю видѣть,

И васъ объ нихъ осмѣлюся спросить.

Герцогиня.

Съ охотой перечту.

Графиня.

Посмотримъ изчисленье.

Герцогиня.

Во первыхъ: мой супругъ
Къ нему отмѣнное имѣетъ уваженье,
Маркизъ ему есть лучшій другъ.

Графиня.

Тутъ щастіе, но гдѣ жъ умѣнье?

Герцогиня.

Онъ пріобрѣлъ такое предпочтенье
Цѣной своихъ заслугъ;
Отмѣнной храбрости . . .

Графиня.

Еще бы былъ онъ трусомъ!

Герцогиня.

Онъ рода знатнаго.

Графиня.

Благодаря судьбѣ.

Герцогиня.

Уменъ.

Графиня.

За то какихъ ужъ мыслей о себѣ!

Герцогиня.

Онъ славится познаніями, вкусомъ . . .

Графиня.

Во вкусахъ съ нимъ сойтися трудно намъ:

По немъ всѣмъ лучше всѣхъ онъ самъ;
По мнѣ же онъ всѣхъ хуже.

Герцогиня.

Однако почему же?

Графиня.

Я васъ прошу, оставимъ этотъ споръ.
У Вашей Свѣтлости охота
Вводить Маркиза въ разговоръ:
Онъ знатенъ, храбръ, хорошъ, богатъ, уменъ, остёръ;
Богъ съ нимъ! какая мнѣ забота?

Герцогиня.

Такъ! съ головы больной
И на здоровую; объ немъ заговорила
Ты первая.

Графиня.

Кто! я? ахъ! Боже мой!
Когда?

Герцогиня.

Сей часъ: сперва его убила,
А послѣ разбранила:
Такъ стало отчасу ему все легче.

Графиня.

Да!
Извольте тѣшиться. Вы горя вѣкъ не знали,
И вамъ все смѣхъ.

Герцогиня.

Мнѣ смѣхъ! да я съ печали
Вся не своя; женѣ до смѣху ли тогда

Какъ мужъ въ опасности, въ сраженьи?
Ахъ! я въ ужасномъ положеньи;
И если бъ знать могла до свадьбы, никогда
Не вышла бы.

Графиня.

Такъ говорятъ всегда
Кто за мужемъ.

Герцогиня.

Красавица-сестрица,
Подумаютъ что для тебя бѣда
Что ты еще дѣвица,
Хотя . . .

Графиня.

Не слишкомъ молода,
Хотѣли вы сказать; ахъ! это мнѣ не ново:
Пусть ихъ острятся, господа.
Всѣ шутки ихъ скажу вамъ слово въ слово:
« Какъ жаль Розаліи! пора въ ея года
« Подумать о себѣ; я не пойму причины
« За что ее забросили мужчины:
« Она и не глупа,
« И не дурна, и въ людяхъ все вертѣлась,
« Да что-то долго засидѣлась. »
Не смѣйтесь, такъ твердитъ вся жениховъ толпа,
И первый вашъ Маркизъ.

Герцогиня.

Все онъ же!

Графиня.

Виновата.

Но о злословіи коль скоро рѣчь зашла,
Забыть его я не могла,
И точно признаюсь, какъ на него ни зла,
Что злаго въ немъ ума палата.

Герцогиня.

Сестрица, знаешъ ли? вѣдь это похвала.
Но Богъ съ нимъ! я тебѣ дивлюсь: богата,
Слывешъ въ красавицахъ, умна,
И рода знатнаго, и что еще дороже,
Сама въ себѣ властна,
И въ дѣвушкахъ сидишъ; а есть тебя моложе,
Всѣмъ хуже, за мужемъ давно.
Ты губишъ молодость напрасно,
И время; а оно
Не возвращается.

Графиня.

Прекрасно:
Все правда сущая, и сказано умно;
Но затрудненіе мнѣ къ свадьбѣ есть.

Герцогиня.

Какое?

Графиня.

Да такъ покуда небольшое:
Нѣтъ жениха.

Герцогиня.

Какъ нѣтъ!

Графиня.

По чести нѣтъ его;

Гдѣ жъ я возьму?

Герцогиня.

Ихъ было очень много;

Но всѣхъ и каждаго судила ты такъ строго,

Что не рѣшилася идти ни за кого.

Графиня.

Затѣмъ что путнаго въ нихъ нѣтъ ни одного.

Герцогиня.

Ужъ путныхъ не было!

Графиня.

Да кто же?

Герцогиня.

Во первыхъ: Римскій князь Колонна.

Графиня.

Ахъ! мой Боже!

Вы шутите?

Герцогиня.

Ничуть на шутку не похоже.

Князь такъ богатъ, и знатенъ такъ, что съ нимъ

Въ Италіи не выдержитъ сравненья

Иной и Государь имѣющій владѣнья:

Ихъ семью первою считаетъ древній Римъ.

Графиня.

Прибавьте, что онъ самъ годами старше Рима,

Недавно схоронилъ четвертую жену,

И хочетъ, чуть живой, сморить еще одну,

Затѣмъ что для него жена необходима:
Безстыдникъ эдакой!

Герцогиня.

Положимъ, этотъ старъ;
Но молодой, пригожій Донъ Альваръ,
Гишпанецъ родомъ знаменитой?
Вѣдь происходитъ онъ, какъ сказывали мнѣ,
Отъ самаго Пелага, что въ войнѣ
Прославился отечества защитой.

Графиня.

Онъ родословную мнѣ вычиталъ не разъ;
Ее онъ носитъ на показъ,
И въ ней примѣтила я любопытнымъ взглядомъ,
Что у Альвара есть въ Мадридѣ старшій братъ,
Который самъ предлиннымъ только рядомъ
Имянъ и титуловъ богатъ;
Меньшому же всего наслѣдства отъ Пелага:
Усы, да въ два аршина шпага.
Онъ ищетъ гдѣ нибудь достаточной жены,
Чтобъ развязаться вдругъ со службой, и съ Жидами,
Докучнымиростовщиками,
И черпать впредь изъ собственной казны;
Все прочее пустякъ, какъ самъ чистосердечно
Изволитъ признаваться онъ:
Въ него влюблялися, конечно,
Но самъ онъ не бывалъ влюблёнъ,
И врядъ ли можетъ быть; и словомъ,
Собою занятый вполнѣ,

Женясь, заботиться онъ будетъ обо мнѣ
Гораздо менѣе чѣмъ о конѣ верьховомъ:
Куда пріятный мужъ!

Герцогиня.

Согласна я съ тобой
Что Донъ Альваръ любовникъ равнодушный;
Но постоянный плѣнникъ твой,
Почтительный, послушный,
Графъ Цукеро?

Графиня.

Изъ всѣхъ онъ самый скучный:
Изнѣженный, жеманный, говоритъ
Какъ женщина, напрысканъ такъ духами
Что голова болитъ;
И такъ ужъ глупъ, что вздумалъ разъ стихами
Меня поподчивать, и выдать за свои:
Повѣрите ли, чьи?
Петрарки; и чтобъ всѣхъ въ трудѣ своемъ увѣрить,
Онъ вмѣсто Лауры Розалію вписалъ;
Хоть стихъ и слишкомъ длиненъ сталъ,
Да кто же станетъ мѣрить?
Скорѣй за нищаго пойду, за старика,
Чѣмъ за такого дурака.

Герцогиня.

Ахъ! милая, на свѣтѣ умныхъ мало;
И только одного я знаю здѣсь, кому
По возпитанью, по уму,
И словомъ, по всему

Твоимъ супругомъ быть пристало.
Хоть объявила ты давно войну ему;
Но если, какъ не разъ мнѣ въ голову впадало,
Вся ваша непріязнь личина, покрывало
Любви, утаенной не знаю почему,
Со стороны его лишь надобно начало;
Конецъ я на себя возьму.

Графиня.

И Вашей Свѣтлости не стыдно
Такъ думать обо мнѣ и говорить обидно?
Желала бъ, признаюсь, чтобы сего же дня
Влюбился онъ въ меня,
И вамъ бы стало очевидно
Что я не лгу,
Вамъ говоря и всѣмъ, что гордаго Маркиза,
Самолюбиваго, терпѣть я не могу.

Герцогиня.

Такъ ненавидѣть изъ каприза
Не дѣло твоего, Розалія, ума.
Признайся, а не то сама
Причину я открою
За что Маркизу ты честь дѣлаешъ враждою:
За то что при дворѣ съ тобою
Встрѣчаясь около двухъ лѣтъ,
Когда умомъ и красотою
Обворожаешъ ты весь свѣтъ,
Онъ кажется одинъ съ безчувственной душою,
И ни любви его, ни сватовства все нѣтъ.

Графиня.

Какъ вамъ угодно такъ судите,
Не соглашусь я съ этимъ никогда;
Но если бы и такъ, скажите:
Не основательна ль моя къ нему вражда?
Когда ужъ принято всѣмъ свѣтомъ, что мужчина
Обязанъ и любить и почитать нашъ полъ,
Маркизъ противъ меня насмѣшливъ, колокъ, золъ,
И . . . .

Герцогиня.

Ты, мой другъ, сама причина;
Не ты ли первая съ нимъ ссору начала?

Графиня.

Еще бы я ждала
Чтобъ началъ онъ!

Герцогиня.

Ему бъ быть надобно невѣжъ,
А Бенвиволіо не таковъ;
Но глядя на примѣръ всѣхъ прочихъ жениховъ,
Онъ опасаться могъ пріемы встрѣтить тѣже.
Притомъ, что было то прошло,
Но если бы случиться вдругъ могло
Чтобъ онъ твоей руки искалъ, ты бъ?. . .

Графиня.

Отказала,
И какъ еще! не такъ бы какъ сначала.

Герцогиня.

Побиться хочешь объ закладъ,

Что слово ты свое возьмешъ назадъ,
И согласишся быть женою
Маркиза?

Графиня

Ни за что; онъ ненавидимъ мною.
Онъ столько мнѣ надѣлалъ всѣхъ досадъ,
Что я готова вамъ ручаться головою...

Герцогиня.

Э! милая, что за слова!
Къ чему тутъ голова?
Я удовольствуюсь и меньшею цѣною.
Послушай: домина твоя...
Вчера въ нее влюбилась я
Какъ принесли къ тебѣ, и точно это чудо;
Хоть быть завистливою худо,
Но грѣхъ ужъ есть, и мы поставимъ уговоръ,
Что если кончится по моему нашъ споръ,
Ты домину свою, хоть рада, хоть не рада,
Уступишъ мнѣ для маскарада;
Въ противномъ случаѣ тебѣ цѣной заклада
Я обязуюсь дать хоть головной уборъ
Съ рубинами, что мнѣ прислали изъ Царьграда,
Турецкій.

Графиня.

Вы меня хотите подарить;
Уборъ вашъ дорогой; но я на все согласна.

Герцогиня.

Уборъ хорошъ, и домина прекрасна,

И вмѣстѣ я хочу ихъ обновить. —
Но шумъ на улицѣ . . . красавица-сестрица,
Взгляни въ окно: кто тамъ?

Графиня. *(глядя въ окно).*

Зловѣщая на дворъ взлетѣла птица:
Маркизъ.

Герцогиня.

Какъ рада я! его навѣрно къ намъ
Съ побѣдой Герцогъ шлетъ, и вскорѣ будетъ самъ.

Примѣчанія издателя

1.

Пѣвецъ Усладъ переведенъ на Французскій языкъ Княземъ Голицынымъ, и на Нѣмецкій Г. Елькановъ. Первый переводъ былъ уже напечатанъ во Французскомъ журналѣ издававшемся 1824 года въ Парижѣ подъ названіемъ: Le Mercure du XIX siècle, вторый еще не извѣстенъ публикѣ. Издатель съ дозволенія Гг. переводчиковъ прилагаетъ здѣсь оба перевода, несомнѣваясь, что читатели прочтутъ ихъ тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что въ вѣрности перевода легко могутъ удостовѣриться сличеніемъ съ подлинникомъ. Французскій переводъ принадлежитъ тому же Князю Голицыну, котораго нѣсколько переводовъ на Русскій языкъ напечатаны въ концѣ второй части сего изданія.

LE TROUBADOUR.

Le troubadour, serviteur d'Isabelle,
L'aimait, Dieu sait!
Quand tout-à-coup la mort lui ravit celle
Qu'il chérissait.

Le troubadour sa douleur veut distraire
Dans les combats;
Et l'ennemi portait alors la guerre
Dans nos climats.

Le troubadour des lances meurtrières
Fut préservé:
De ses amis les ardentes prières
L'auront sauvé.

Le troubadour parcourut tout le monde;
Il sut charmer
Par ses talens et la brune et la blonde,
Non les aimer.

Le troubadour dans sa douce patrie
Retourne enfin;
Mais il soupire en songeant à sa mie,
A son destin.

« Beau troubadour, » lui disaient à toute heure
Amis nombreux,
« Ne pleure pas, en paix ici demeure,
« Et sois heureux. »

Le troubadour, en répandant des larmes,
Répond ainsi:
« Pour moi l'amour a perdu tous ses charmes,
« La vie aussi.

« Le troubadour n'aura l'ame contente
« Qu'au dernier jour:
« Peut-être alors reverra son amante
« Le troubadour. »

Der Sänger.

Des Sängers Herz hängt an Wsemillen,
So hold, so süß;
Doch plötzlich harten Schicksals Willen
Sie ihm entriß.

Des Herzens Wunde will er decken
Mit Schlachtgewand.
Da trägt der Feind des Krieges Schrecken
In's Vaterland.

Nicht fand den Weg zu seinem Herzen
Das blut'ge Schwert:
Der Freunde ängstlich Fleh'n und Schmerzen
Hat Gott erhört.

Der Sänger hat die Welt umreiset;
Manch schön Gesicht
Des armen Sängers Leyer preiset,
Sein Herze nicht.

Doch endlich zu der Heimath Matten
Kehrt er zurück:
Ach! da umfängt des Grabes Schatten
Sein einz'ges Glück.

«Du Sänger hold,» die Freunde flehen,
«Laß ab vom Schmerz;
«Mild soll dich sanfter Trost umwehen
«An unserm Herz.»

Der Sänger drauf, das Aug' voll Thränen
Zu ihnen spricht:
«Es dämpft der Seele Angst und Sehnen
«Eur' Mitleid nicht.

«Den Sänger heilt von Gram und Kummer
«Nur Grabesnacht:
«Wsemilla dort aus Todesschlummer
«Für ihn erwacht.»

2.

Островъ сей, называемый нынѣ Фидонисій, по Турецки Иламъ-Идаси, по Русски Змѣиной Островъ, находится отъ Сулійской Дунайской Гирлы къ востоку въ 17-ти Италіанскихъ. миляхъ Онъ представляетъ мореходцамъ видъ необитаемой дикой скалы выдавшейся изъ моря, и служитъ имъ часто защитою отъ вѣтровъ. Стихотворецъ описалъ его весьма вѣрно, невидавши, и кажется что тамъ еще нынѣ:

И песъ и волкъ
Далеко прочь бѣгутъ отъ страшныя гробницы,
И въ воздухѣ надъ ней летать не смѣютъ птицы,
И жизни шумъ замолкъ.

3.

Отвѣтъ А. С. Пушкина на сіе посланіе напечатанъ въ Альманахѣ: Сѣверные цвѣты 1829-го года.

4.

Пиръ Іоанна Безземельнаго, составляя, какъ уже о семъ сказано въ Предисловіи, Прологъ къ Драмѣ: Иваной: соч, Князя Шаховскаго, былъ вмѣстѣ съ оною представленъ въ первый разъ на С. Петербургскомъ Театрѣ 21-го Генваря 1821-го года, въ пользу Г-жи Валберховой.

5.

При изданіи въ свѣтъ отрывка изъ Комедіи: Вражда и Любовь, въ первый разъ въ Невскомъ Альманахѣ Г. Аладьина на 1830-годъ Сочинитель сказалъ въ примѣчаніи: » Сія комедія по моему плану « должна дѣлиться на два дѣйствія; мѣсто и время: при Феррар- « скомъ дворѣ въ XVI столѣтіи; главныя лица: самъ Герцогъ, « супруга его, ихъ дальняя родственница Графиня Розалія Санвитали, « и любимецъ Герцога Маркизъ Бентиволіо. Я рѣшился напеча- « тать начало, написанное въ Петербургѣ, не надѣясь уже кончить; « въ драматической Поэзіи вообще не льзя упражняться съ усер- « діемъ и успѣхомъ иначе какъ въ присутствіи Театра и публики, « всего менѣе въ комическомъ родѣ »

Въ 1830 году Авторъ жилъ въ деревнѣ своей въ Костромской Губерніи; теперь онъ опять здѣсь въ Петербургѣ въ присутствіи Театра и Публики. Кто изъ любителей Русской сцены не пожелаетъ искренно чтобы Г. Катенинъ окончилъ начатое, и чтобы онъ вообще возвратился къ драматической Поэзіи, который оказалъ столько услугъ, и которая съ нѣкотораго времени у насъ почти всѣми оставлена.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

СОЧИНЕНІЯ

ПАВЛА КАТЕНИНА.

СОЧИНЕНІЯ

И

ПЕРЕВОДЫ

ВЪ СТИХАХЪ

ПАВЛА КАТЕНИНА

СЪ ПРІОБЩЕНІЕМЪ НѢСКОЛЬКИХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ

КНЯЗЯ НИКОЛАЯ ГОЛИЦЫНА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПОДРАЖАНІЯ И ПЕРЕВОДЫ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи вдовы Плюшара.

1832.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра.

С. Петербургъ, Ноября 22 дня 1832 года.

Ценсоръ *Н. Бутырскій.*

ПѢСНИ ВЪ СЕЛЬМѢ.

Вечерняя звѣзда, подруга тихой нощи!
Чей ликъ, свѣчою вдругъ блеснувшій изъ за рощи,
Сіяньемъ радуетъ лазурны небеса,
Безоблачныхъ полей свѣтило и краса!
Что взоръ склоняетъ твой въ безмолвныя долины?
Вѣтръ шумный смолкъ; потокъ прорывшійся въ пучины
Чуть льется; и къ стопамъ прибрежныя скалы
Ласкаются, смирясь, сребристые валы.
Лишь гаснущей зари лучемъ еще златимый,
Жузжитъ крылатый рой по воздуху носимый;
Лишь изрѣдка пахнувъ отъ западной страны,
Промчится вѣтерокъ средь общей тишины.
О лучезарная! скажи: небесъ съ вершины
Что взоръ склоняетъ твой въ безмолвныя долины?
Но ты уже пройдя синѣющійся сводъ,
Съ улыбкой клонишся на лоно рѣзвыхъ водъ;
Онѣ стекаются, вокругъ тебя играютъ,
И волосы твои златые омываютъ.
Прости, прекрасная! огонь твоихъ лучей
Потщусь я замѣнить огнемъ души моей. —
Чьи тѣни возстаютъ ко мнѣ съ холмовъ могильныхъ?
Друзья почившіе: Фингалъ, предтеча сильныхъ,
И барды славные, пѣвецъ скорбей Альпинъ,
Минона нѣжная, и Рино, и Уллинъ.

О сколь, друзья мои, вы много премѣнились
Со дней щасливыхъ тѣхъ, какъ въ Сельму мы сходились,
И пѣньемъ спорили и стройныхъ арфъ игрой,
Подобясь вѣтеркамъ, когда они весной
По зыблющимъ цвѣтамъ пестрѣющаго луга,
Порхаютъ и шумятъ воюя другъ на друга. —
На торжествѣ такомъ пришла Минона къ намъ,
Небрежно волосы разкинувъ по плечамъ,
И слезы по лицу прекрасному струились.
Тогда, узрѣвъ ее, всѣ жалостью смутились
Герои сильные; но арфу вдругъ взяла,
И въ пѣсни Кольму намъ на память привела.
Она Сальгара ждетъ; до ночи возвратиться
Сальгаръ ей обѣщалъ; но мракъ уже густится,
И солнце скрылось; вкругъ въ пустынѣ тишина,
И стонетъ на холмѣ нещастная одна.

Кольма.

Уже настала ночь; вѣтръ хладный въ полѣ свищетъ,
И бурей вдалекѣ колеблются валы,
И въ полѣ дикомъ взоръ убѣжища не сыщетъ.
Източникъ пѣнистый, свергаясь со скалы,
Дождями наводненъ крутится по долинѣ.
Оставлена, одна въ безлюдной я пустынѣ. —
Возстань, луна! пролей на землю лучь златой;
Явите, звѣзды! мнѣ вашъ образъ благотворной,
И укажите путь до той пещеры горной,
Гдѣ ловлей утомленъ Сальгаръ почіетъ мой.

Онъ тамъ лежитъ, и псовъ вокругъ усердныхъ стая
Стрежетъ и лукъ его и тулъ пернатыхъ стрѣлъ;
А я подъ древомъ здѣсь зову его, рыдая,
И жду чтобы его хоть голосъ долетѣлъ.
Ахъ! вѣтровъ страшный ревъ, потоковъ шумъ унылый,
Претятъ чтобы достигъ ко мнѣ сей голосъ милый. —
Почто же медлишь ты, Сальгаръ, любезный мой?
Или забылъ уже свое мнѣ обѣщанье?
Вотъ камень, древо: здѣсь назначилъ ты свиданье,
И здѣсь я жду вотще, и нѣтъ тебя со мной.
Сальгаръ! возлюбленный! увы! чтобъ быть съ тобою
Разсталась съ братомъ я, оставила отца;
Мой родъ съ твоимъ горятъ взаимною враждою,
Лишь наши сей вражды не вѣдаютъ сердца.
Вѣтръ буйный! укротись, твой шумъ меня терзаетъ,
И ты, о водопадъ! умолкни хоть на часъ.
Сальгаръ! Сальгаръ! я здѣсь, здѣсь Кольма ожидаетъ,
Здѣсь камень, древо здѣсь . . . теряется мой гласъ. —
Свѣтлѣетъ ночь; трава сребрится на долинѣ,
И по горамъ луны мелькаетъ блѣдный свѣтъ;
Но никого не зрю на сѣрой ихъ вершинѣ,
Не слышу лая псовъ, и тамъ Сальгара нѣтъ. —
Двухъ спящихъ воиновъ я въ полѣ примѣчаю.
Посмотримъ: Боже мой! Сальгаръ и съ нимъ мой братъ!
Вы примирилися, коль вмѣстѣ васъ встрѣчаю . . .
Нещастная! они убитые лежатъ. —
Сальгаръ! почто убилъ ты брата мнѣ любезна?
А ты, мой братъ! почто Сальгара умертвилъ?

Потеря обоихъ равно для Кольмы слезна,
И въ сердцѣ Кольминомъ равно вашъ образъ жилъ.
Какой теперь я васъ могу почтить хвалою?
О братъ! ты нѣкогда бывалъ противнымъ страхъ;
А ты, прекраснѣйшій въ Морвеновыхъ сынахъ,
Сальгаръ! друзья мои! бесѣдуйте со мною.
Они безмолвны; жизнь слетѣла съ ихъ лица,
И подъ рукой моей не бьются ихъ сердца.
О тѣни милыя! хоть вы мнѣ отвѣчайте:
Не устрашитъ меня умершихъ даже гласъ.
Куда сокрылись вы отраду вѣсть подайте,
Скажите гдѣ искать, вездѣ найду я васъ;
Въ которую идти пещеру мнѣ велите?
Но что! стенаю я, а вы, друзья, молчите. —
Возсяду здѣсь одна я съ грустію моей,
И утренней зари дождуся со слезами;
Тогда могилу имъ усердными руками
Изроютъ ихъ друзья, и я возлягу въ ней.
Нещастной Кольмы жизнь какъ сонъ ужъ изчезаетъ;
И что ей жить, когда любезныхъ болѣ нѣтъ?
Близь тока, что съ горы здѣсь шумно упадаетъ,
Глубокимъ сномъ она въ срединѣ ихъ уснетъ.
Лишь ночь сойдетъ съ небесъ въ своихъ покровахъ чорныхъ,
И томная луна проглянетъ въ облакахъ,
Я буду здѣсь летать на крыльяхъ вѣтровъ горныхъ,
Рыдая и стеня на хладныхъ сихъ гробахъ.
Услышитъ въ хижинѣ ловецъ мой гласъ унылой,
Онъ устрашитъ его и вмѣстѣ усладитъ;

Придутъ сюда внимать плачь Кольмы надъ могилой:
Сей плачь героевъ смерть и славу возвѣститъ.

⁂

Такъ пѣснь возпѣла намъ прекрасная Минона,
И не могли мы ей внимать безъ слезъ и стона;
Всѣмъ Кольма грустная извѣстна намъ была,
И вновь, казалося, въ Минонѣ ожила.
Тогда предсталъ Уллинъ, и арфою златою
Намъ пѣснь Альпинову пріятно повторилъ.
О Рино! о Альпинъ! сколь чувствомъ и душою
Внимавшихъ вамъ владѣть вашъ гласъ искусенъ былъ!
Но вы покоитесь теперь въ могилахъ мрачныхъ;
Пѣснь ваша не слышна, ни на вершинахъ злачныхъ,
Ни моря на брегу, ни Сельмы во стѣнахъ:
Молчанье царствуетъ на нашихъ торжествахъ.
Сколь жалобно возпѣть умѣли вы Морара!
Мечь юноши сего былъ остръ какъ мечь Оскара,
И духомъ онъ великъ какъ сильный былъ Фингалъ;
Но смерти часъ пришелъ, и юноша сей палъ,
И возскорбѣлъ отецъ отъ тяжкаго урона,
И горько нѣжная возплакала Минона:
Морару храброму сестра она была;
Лишь пѣснь Уллинову печальную вняла,
Какъ ясная луна предъ бурей, удалилась.
Подъ бардовъ перстами вдругъ арфа оживилась,
Съ Уллиномъ вкупѣ я свой гласъ соединилъ,
И пѣсней нашихъ звукъ гулъ звонко повторилъ.

Рино.

Замолкнулъ буйный вѣтръ, и хладный дождь пресѣкся,
И неба весь обзоръ лучами вновь облекся,
И солнцемъ озаренъ холмъ влажный засверкалъ,
И быстрый водопадъ стѣсненный между скалъ,
То, пѣнясь, роется въ глубокія стремнины,
То, укротясь, журчитъ въ излучинахъ долины.
Ручей! шумъ водъ твоихъ прельщаетъ барда слухъ;
Но болѣе еще плѣняется мой духъ,
Когда пѣвецъ Альпинъ, годами убѣленный,
Возвыситъ въ честь бойцамъ свой голосъ вдохновенный.
О старецъ! отвѣчай: чей горестный уронъ
Въ пустынѣ чествуетъ твой сладкій сердцу стонъ?
Такъ стонетъ вѣтръ въ лѣсу дремучемъ и дебристомъ,
Такъ стонетъ валъ сѣдой при брегѣ каменистомъ.

Альпинъ.

О мертвыхъ плачу я, о Рино, бардъ младой!
О юноша! ты днесь сіяешь красотой,
И крѣпостію силъ ты многихъ превышаешь,
И здравіемъ цвѣтешь; но смерть и ты познаешь,
И медлѣнно въ крови потухнетъ жизни жаръ,
И ты падешь, увы! какъ сильный палъ Морaръ.
На гробъ печальный твой, пустыней окруженный,
Возсядетъ изрѣдка лишь путникъ утомленный;
Свѣтило дня лучей на Рина не прольетъ,
И лука твоего никто не напряжетъ.
Моpаръ! хвала тебѣ: какъ ломитъ вихря сила
Цвѣтъ польный, такъ враговъ рука твоя ломила;

Ты легкостію ногъ бѣгъ лани могъ пресѣчь;
Какъ молнія сверкалъ, какъ громъ разилъ твой мечь;
Твой гласъ подобенъ былъ източнику шумящу,
Иль грому дальнему, всѣмъ гибелью грозящу,
И счета нѣтъ мужамъ поверженнымъ тобой.
Но возвратясь съ полей, дымящихся войной,
Ты ближнихъ радовалъ, не страшенъ и не злобенъ;
Съ лица свѣтилу дня ты былъ тогда подобенъ,
Иль въ молчаливу ночь задумчивой лунѣ;
И вся душа твоя сіяла въ тишинѣ,
Какъ свѣтла озера струи во время нощи,
Когда почили сномъ и вѣтръ и степь и рощи.
Мораръ! и твой навѣкъ уже закрылся взоръ;
Какъ глыба снѣжная, отломокъ вешнихъ горъ,
Ты палъ: безвѣстный рокъ! сколь ты ко всѣмъ невѣренъ!
Теперь лишь три шага, и ты, Мораръ, измѣренъ.
Обросшій камень мхомъ, безъ листьевъ древній дубъ,
Одни явятъ вѣкамъ, что здѣсь зарытъ твой трупъ;
И не придетъ никто усердія слезами
Почтить его, и гробъ усѣять твой цвѣтами;
Уже и мать твою въ могилу отнесли,
И дщерь Морглянова изчезла отъ земли.
Но кто же старецъ сей покрытый сѣдиною,
Согбенный надъ жезломъ, трепещущей ногою
Печально къ намъ идетъ? отецъ твой, о Морарь!
Тобой онъ жилъ, въ тебѣ небесный видѣлъ даръ,
Тобой хвалился, знавъ что на войнѣ кровавой
Ты первый юноша и силою и славой;

А нынѣ слезную узналъ онъ смерть твою. —
Нещастный! орыдай потерю въ немъ свою;
Но ахъ! твой сынъ уже рыданія не внемлетъ;
Въ могилѣ, смертнымъ сномъ окованный, онъ дремлетъ.
О если бъ отчій гласъ усопшаго воззвалъ!
Но нѣтъ, онъ въ прахѣ скрытъ, и самъ ужъ прахомъ спалъ.
Когда же солнца лучь во мрачный гробъ прольется?
Когда твой крѣпкій сонъ, о юноша, прервется?
Прости навѣки, мужъ крѣпчайшій изъ мужей!
Незнавшій ужаса средъ битвенныхъ полей.
Оружіемъ твоимъ лѣса не озарятся,
Ни чада имянемъ отца не возгордятся:
Нѣтъ сына у тебя, погибъ съ тобой твой родъ;
Но подвиги твои увѣдаетъ народъ,
Имъ въ похвалу Альпинъ возвыситъ пѣсни громки,
И будутъ имъ внимать позднѣйшіе потомки.

❋

Такъ воспѣвалъ Альпинъ, и пѣсней мрачныхъ гласъ
По малу разливалъ уныніе межъ насъ;
Но болѣ всѣхъ Арминъ печалію смутился:
Видъ сына мертваго очамъ его явился,
Который яко кринъ косой ссѣченный палъ,
И въ утѣшенье такъ Карморъ ему вѣщалъ:
Арминъ! почто вздыхать? иль бардовъ пѣснь уныла
Сердечныхъ раны бѣдъ глубокія разкрыла?
Повѣрь, цѣлебный гласъ искуснаго пѣвца
Утѣшну сладость льетъ въ растерзанны сердца;

Такъ свѣжая роса, съ рѣки поднявшись лѣтомъ,
Туманомъ стелется въ долинѣ предъ разсвѣтомъ,
И влагой теплою питаетъ жадный злакъ,
Доколѣ солнце вставъ разгонитъ паръ и мракъ.
Престань же сѣтовать, о Гормы вождь почтенный!

Арминъ.

Карморъ! когда навѣкъ печалью сокрушенный,
Не осушаю слезъ средь ночи ни средь дня,
Какой чудесный бардъ утѣшитъ ужъ меня?
Ни сына ты, Карморъ, ни дщери не лишался,
И сиромъ въ старости какъ я не оставался.
О Давра! мраченъ одръ на коемъ ты лежишъ;
О дочь моя! глубокъ тотъ сонъ которымъ спишъ.
Когда проснешся ты, и въ пѣсняхъ мнѣ пріятныхъ
Напомнишъ радость дней Армину невозвратныхъ?
Когда среди ночной безмолвной тишины,
На сребряномъ лучѣ задумчивой луны
Въ окно къ родителю съ улыбкою заглянешъ?
О! въ вѣчныхъ по тебѣ слезахъ меня застанешъ.
Дхни, вѣтеръ! лейся, дождь! бѣй съ шумомъ въ брегъ, волна!
Катись межъ черныхъ тучь, кровавая луна!
Я вспомню страшну ночь когда погибли чада:
Убитъ былъ Ариндаль, мой сынъ, моя отрада,
И смертью медлѣнной дщерь Давра умерла.
О дочь нещастная! прекрасна ты была,
Звѣздою утренней блисталъ твой взоръ веселый,
Ты груди бѣлизной снѣгъ помрачала бѣлый,
И голосъ слаще былъ дыханья вѣтерка.

О сынъ мой! крѣпкая въ сраженіяхъ рука!
Какъ туча знойная висяща надъ горою
Чело твое врагамъ казалося грозою,
Какъ молнія въ бояхъ оружьемъ ты сверкалъ. —
Мужъ доблестный, Армаръ, пришелъ ко мнѣ въ то время;
Онъ дочери моей любовь къ себѣ снискалъ,
И радовался я что здѣсь Армина племя
Навѣкъ останется, и бракомъ сочеталъ.
Но мщеніемъ пылалъ духъ злобнаго Эрата;
Рукой Армаровой въ бою лишася брата,
Онъ вслѣдъ за нимъ пришелъ, и злобою горя,
Прибѣгнулъ къ хитрости: одѣжду рыбаря
Накинувъ, и главу посыпавъ сѣдиною,
Предъ Даврою предсталъ вечернею порою:
« Армина дщерь, » онъ рекъ, « прекрасная изъ женъ!
« Армаръ прислалъ меня; онъ ловлей утомленъ.
« Ты видишъ ли скалу, біемую волнами,
« И дерево на ней съ румяными плодами?
« Тамъ Давру милую онъ съ нетерпѣньемъ ждетъ.
« Пойдемъ, мой челнъ тебя чрезъ море пренесетъ. »
И легковѣрная словамъ его внимаетъ,
Идетъ; къ пустой скалѣ онъ съ нею приплываетъ;
На брегъ сошла она, Армара кличетъ тамъ,
Но гулъ пещеръ одинъ отвѣтствуетъ словамъ;
Бѣжитъ обратно въ челнъ, и нѣтъ его: со смѣхомъ
Эратъ уже отплылъ, гордясь коварствъ успѣхомъ.
Тогда что силы есть нещастная зоветъ
Да братъ или отецъ на помощь къ ней придетъ,

И громкій вопль ея до берега раздался.
Въ то время Ариндаль съ ловитвы возвращался:
Лукъ вмѣсто посоха разрывчатый въ рукахъ,
Стрѣлами полный тулъ звучитъ на раменахъ,
Пять черныхъ съ лаемъ псовъ вослѣдъ ему бѣжали.
Узрѣлъ его Эратъ, и члены задрожали.
Напрасно скрыться мнитъ отъ глазъ его злодѣй,
И жалостью склонить и хитростью рѣчей;
Онъ узами его ко древу прикрѣпляетъ,
И въ челнъ скочивъ, къ сестрѣ бѣгъ быстрый направляетъ.
Но вдругъ бѣжитъ Армаръ; обманутъ ночи тьмой,
Онъ въ Ариндалѣ зритъ Эрата предъ собой;
Отмщеньемъ на врага душа его пылаетъ,
Пустилъ стрѣлу, она въ цѣль прямо достигаетъ:
Злодѣя жребій ты, о сынъ мой, претерпѣлъ,
На камень палъ, вздрогнулъ, и духъ твой излетѣлъ.
Дочь! помню я тебя въ печали безпредѣльной
Надъ тѣломъ братнинымъ, надъ раною смертельной
Изъ коей какъ ручей кровь быстрая текла.
Помчался легкій челнъ по волнамъ безъ весла.
Армаръ стремится вплавь, рѣшившись иль погибнуть,
Иль къ Даврѣ на скалу съ спасеніемъ достигнуть;
Вдругъ вихрь порывистый отъ берега подулъ,
И бѣдственный пловецъ въ пучинѣ утонулъ.
На камени одна, окружена волнами,
Стенала дочь моя, и съ горькими слезами
Родителя звала ей помощь принести.
Нещастный! я ничѣмъ не могъ ее спасти.

Всю ночь, всю долгу ночь, я на брегу скитался.
Свѣтъ блѣдныя луны сквозь тучи прорывался,
Страданья Давры слухъ терзали мой и взоръ;
Но буря выла, дождь билъ съ шумомъ въ ребра горъ,
И прежде чѣмъ востокъ денница озлатила,
Ея всѣ силы скорбь и нужда истощила;
По малу ослабѣвъ, замолкъ стенящій гласъ,
И жизни горестной лучь медлѣнно угасъ.
Она оставила нещастнаго Армина;
Лишился вдругъ всего я: дочери и сына;
Онъ былъ защитою и крѣпостью моей,
Она отрадою моихъ преклонныхъ дней.
Съ ужасной ночи той, всегда какъ мрачны бури
Сберутся на верьху погибельной скалы,
Какъ тучи частыя несутся по лазури,
И вихри воющи вьютъ шумные валы,
Сажусь я у моря и на утесъ взираю,
Стенаньямъ жалобнымъ дѣтей моихъ внимаю,
Ихъ тѣни блѣдныя летаютъ предо мной:
Онѣ бесѣдуютъ печально межъ собой.
Лишь мнѣ нещастному онѣ не отвѣчаютъ,
И чуть послышится имъ голосъ ихъ отца,
Безмолвны, прочь летятъ и взоры отвращаютъ . . .
И горести моей нѣтъ мѣры ни конца.

⁂

Такъ Сельмы во стѣнахъ гласъ бардовъ раздавался.
Фингалъ согласьемъ арфъ и пѣсней любовался;

Въ собраніи вождей онъ сильныхъ засѣдалъ,
И повѣстямъ временъ задумчиво внималъ.
Тамъ часто и меня вѣнчали похвалами,
И первымъ славили меня между пѣвцами;
Но нынѣ охладѣлъ и Оссіановъ гласъ,
Огонь души его съ закатомъ дней угасъ.
Услышу ль бардовъ пѣснь, и духъ мой оживаетъ,
И память прежнихъ лѣтъ опять съ себѣ зову;
Но старость хладныя мнѣ руки простираетъ,
И силится во гробъ склонить мою главу:
Зачѣмъ, мнѣ говоритъ, еще ты возпѣваешъ?
И снова ль жизнь свою начать разпологаешъ?
Могила хладная давно тебя зоветъ,
И ни единый бардъ тебя не возпоетъ. —
Катись чредой своей, безжалостное время!
И радость коль навѣкъ разсталася со мной,
Сложи съ меня скорѣй печальной жизни бремя,
И въ гробѣ мнѣ пошли желаемый покой.
Уже лишился я и бодрости и силы;
Друзья-сотрудники лежатъ въ землѣ сырой,
И тихимъ дремлютъ сномъ въ объятіяхъ могилы.
Одинъ остался я; и голосъ слабый мой
Есть шорохъ тростника, чуть слышимый въ пустынѣ,
Когда улягутся ряды валовъ сѣдыхъ,
Замолкнетъ водопадъ, затихнетъ вѣтръ въ долинѣ,
И только древъ верьхи колеблются густыхъ.

ЭКЛОГА.

Титиръ и Мелибей.

Мелибей.

Титиръ! ты на травѣ лежа подъ темнымъ букомъ,
Дубравныхъ тѣшишъ Музъ цѣвницы сельской звукомъ;
Мы изгнаны навѣкъ изъ отческихъ полей,
Мы родины бѣжимъ; а ты въ тѣни вѣтвей
Лѣсъ учишъ похваламъ Амариллиды стройной.

Титиръ.

Богъ подарилъ меня сей жизнію спокойной,
О Мелибей! мой богъ всегда; олтарь его
Вѣкъ жертвами почту отъ стада моего;
Онъ мнѣ дозволилъ здѣсь тельцовъ пасти травою,
И услаждать досугъ свирѣлію простою.

Мелибей.

Я не завидую блаженству твоему,
Но въ смутѣ сихъ полей не надивлюсь ему.
Я изгнанъ и бѣгу, гоня чрезъ силу стадо;
Овца любимая . . . ее мнѣ кинуть надо:
На голомъ камнѣ вдругъ двухъ мертвыхъ родила,
И чуть живая тамъ сама межъ нихъ легла.

Худыя знаменья грозили намъ не даромъ:
То съ корнемъ свалится дубъ громовымъ ударомъ,
То съ лѣва каркнетъ вранъ на деревѣ сухомъ.
Но кто жъ сей богъ тебя ущедрившій добромъ?

Титиръ.

Я думалъ съ проста: градъ что называютъ Римомъ,
Какъ наши тѣ, куда въ трудѣ необходимомъ
Относимъ мы на торгъ то агнцевъ то тельцовъ;
Я дойнымъ маткамъ козъ подобилъ ихъ птенцовъ,
Слѣпымъ щенятамъ пса что бьется съ волкомъ дикимъ,
И словомъ, малое я сравнивалъ съ великимъ;
Но Римъ среди градовъ возносится главой
Какъ дубъ иль кипарисъ надъ низкой муравой.

Мелибей.

Такъ; что же въ Римъ идти, Титиръ, тебя склонило?

Титиръ.

Свобода: волосы мнѣ время убѣлило,
И юности давно лишился я огня,
Но въ старости она утѣшила меня.
Тѣмъ самымъ временемъ оставивъ Галатею,
Съ Амариллидою сошелся я моею;
Той тѣша прихоти мнѣ не было житья:
О стадѣ не радѣлъ ни о свободѣ я;
И сколько агнцевъ я отнесъ новорожденныхъ,
И тучныхъ что сыровъ подъ камнями сгущенныхъ!

Все втунѣ: плату всю поглотитъ хищный градъ,
И я приду всегда съ пустой рукой назадъ.

Мелибей.

О сколько безъ тебя молилась Галатея!
Крушась, и ни о чемъ въ печали не радѣя,
Въ саду своемъ плодовъ дозрѣвшихъ не сняла:
Титиръ всему виной, Титира все звала,
И вторили сей кликъ, участники кручины,
И рощи, и ручьи, и холмы, и долины.

Титиръ.

Какъ быть! я могъ лишь тамъ избавиться оковъ,
И вкупѣ съ тѣмъ найти столь благостныхъ боговъ.
Тамъ видѣлъ юношу, чей съ каждою луною
Цвѣтами убранный чтимъ жертвенникъ мольбою.
Едва предсталъ ему: « Идите, чада, въ домъ, »
Сказалъ онъ, « и воловъ спрягайте подъ ярмомъ. »

Мелибей.

О старецъ щастливый! и такъ одинъ межъ нами
Ты сохранишъ добро нажитое трудами;
Ты имъ доволенъ: пусть и каменье кругомъ,
И зарастаетъ лугъ болотнымъ тростникомъ;
За то здѣсь страха нѣтъ, чтобъ ядъ недуга злаго
Ко стаду твоему привился отъ чужаго.
Щастливый старецъ! здѣсь возляжешъ часто ты,
Дыша прохладою вечерней темноты,

Знакомаго ручья прислушиваясь къ шуму;
Иль склонитъ въ сонную тебя жужжаньемъ думу
Рой пчелъ прилѣжныхъ, медъ сбирающій съ цвѣтовъ;
То дровосѣка пѣснь послышится съ холмовъ,
То голубей твоихъ на кровлѣ воркованье,
То въ рощѣ горлицы любовное стенанье.

Титиръ.

За то скорѣй олень жить будетъ подъ водой,
И рыба на берегъ поселится крутой,
Иль приведетъ судьба, народами играя,
Изъ Тигра Даковъ пить, Пароянъ же изъ Дуная,
Чѣмъ я, о Мелибей, забуду кто меня
Отъ всѣхъ печалей спасъ, ихъ въ щастье премѣня.

Мелибей.

А мы, изгнанники изъ сей земли природной,
У Скиоовъ будемъ жить, иль въ Африкѣ безплодной,
Или въ горахъ гдѣ Оксъ мчитъ быструю струю,
Или въ Британніи, вселенной на краю.
Уже ли никогда меня судьбина злая
Не возвратитъ къ тебѣ, о хижина драгая,
О царствіе мое! смягчится ль гнѣвъ боговъ?
Взгляну ль хоть разъ еще на мой дерновый кровъ?
Злодѣй господствуетъ полей моихъ браздами!
Нивъ мной засѣянныхъ питается плодами!
Вотъ нашихъ слѣдствія междоусобій! вотъ
Въ чью пользу утомилъ я руки отъ работъ!

Иди же, Мелибей, трудись теперь за садомъ,
Сплетай зеленый вязъ съ роступщимъ виноградомъ!
О стадо милое, нѣтъ щастія для насъ;
О козы! никогда я не увижу васъ,
Лежа въ пещерѣ сей усыпанной цвѣтами,
По крутизнѣ горы висящихъ межъ скалами;
Престану пѣть; а вы, забудьте навсегда
Мѣста гдѣ свѣжій дернъ и чистая вода.

Титиръ.

Ты можешь ночь сію покоиться со мною
На кожахъ мягкою подостланныхъ травою;
Душистыхъ вкусимъ мы на вечери сотовъ,
Сгущеннаго млека, и свѣжихъ съ древъ плодовъ.
Пойдемъ: ужъ трубы всѣ на хижинахъ дымятся,
И тѣни длинныя съ высокихъ горъ ложатся.

ИДИЛЛІЯ.

Блаженъ межъ смертными кто любитъ друга; вдвое
Блаженнѣе, когда взаимно онъ любимъ:
Тезей, въ аду плѣненъ, былъ щастливъ, въ Пиритоѣ
Отраду находя, дѣля неволю съ нимъ;
Орестъ у варваровъ, мечь надъ главою видя,
На жребій не роптал, Пилада зря съ собой;
И безъ Патрокла жизнь Ахиллъ возненавидя,
Отмстивъ за смерть его, утѣшился душой.

НОЧЬ.

Ночь тихая! меня пріятно ты застала
На камнѣ мшистомъ семъ гдѣ сладко я уснулъ.
Румяная заря все небо устилала,
И солнца изъ за горъ послѣдній лучь блеснулъ.

❧

Зардѣлись облака вечернія, златыя,
Весь западъ возпылалъ сіяющимъ огнемъ;
Вдали же темный лѣсъ и рощицы густыя
Казались розовымъ обложены вѣнцемъ.

❧

Вечерняя звѣзда долину освѣтила,
По гнѣздамъ парами пернатыя легли,
Тѣнь длинная съ горы высокой низходила,
И медлѣнно глаза сомкнулися мои.

❧

Ты ль, звучный соловей, ты ль пѣснію игривой
Сонъ усладительный согналъ съ моихъ очей,
Иль быстрый въ рощѣ бѣгъ Дріады боязливой
Отъ Фавна рѣзваго гонящагось за ней?

Пріятство новое душа моя вкушаетъ,
И новую красу мой взоръ прельщенный зритъ:
Природа вкругъ меня вся тихо засыпаетъ;
Лишь роща вѣтвями зеленая шумитъ.

❀

Здѣсь мѣсяцъ на луга блескъ разсыпаетъ чистый,
Густые сучья тамъ дробятъ его лучи,
Тутъ переливомъ ихъ горитъ ручей сребристый,
А тамъ свѣтло какъ днемъ сіяетъ холмъ въ ночи.

❀

Куренья сладкія вечернею порою
Возносятся съ цвѣтовъ сокрытыхъ межъ травы.
Мой тщетно ищетъ взоръ подъ тѣнью васъ густою,
Но запахъ нѣжный вашъ укажетъ мнѣ гдѣ вы.

❀

Вдали видна гора обросшая кустами;
Тамъ ивы древнія сплелися надъ водой,
Разпространяя тѣнь кудрявыми верьхами
Клонящимись къ землѣ подъ листьевъ тяготой.

❀

Оттолѣ быстрый токъ въ равнину истекаетъ;
Я слышу шумъ его: онъ катится, журчитъ,
О камни мшистые струй влагу разбиваетъ,
И пѣну бѣлую съ собою въ долъ крутитъ.

Вотъ облако нашло: завѣсою прозрачной
Задернутъ блѣдный зракъ задумчивой луны.
Постой, блестящая! разсѣй тѣнь ночи мрачной,
И освѣти мой путь съ лазурной вышины.

❋

Пойду на злачный холмъ, гдѣ виноградны лозы
И хмѣль віющійся сгибаютъ темный сводъ,
Сплетшись гдѣ ростутъ съ малиной дики розы,
И льется съ говоромъ потокъ хрустальныхъ водъ.

❋

Съ друзьями часто тамъ, увѣнчанный цвѣтами,
За чашей круговой я Вакха величалъ,
И гласъ мой съединивъ любезныхъ съ голосами,
Пѣснь радостную въ честь безсмертному пѣвалъ.

❋

Всесильный богъ вина самъ холмъ сей посѣщаетъ;
Чашъ звонкихъ сребряныхъ здѣсь часто слышенъ стукъ,
И путникъ ужасомъ священнымъ замираетъ,
Внимая громкій смѣхъ и плескъ веселыхъ рукъ.

❋

Бесѣдка тихая! подъ тѣнь твою густую
Прими меня, и сномъ прохладнымъ успокой:
Пусть дѣву хоть во снѣ увижу дорогую,
И щастливъ буду сей прелестною мечтой.

ПѢВЕЦЪ.

Въ стольномъ Кіевѣ великомъ
Князь Владиміръ пировалъ;
Окруженъ блестящимъ ликомъ
Въ свѣтлой гриднѣ засѣдалъ.
Всѣхъ бояръ своихъ премудрыхъ,
Всѣхъ красавицъ лѣпокудрыхъ,
Сильныхъ всѣхъ богатырей,
Звалъ онъ къ трапезѣ своей.

За дубовый столъ сахарныхъ
Сорокъ яствъ принесены;
Меду сладкаго янтарныхъ
Сорокъ чашъ опраздены:
Всѣхъ живитъ веселье ново;
Изронилъ златое слово
Князь къ гостямъ: « Пошлемъ гонца;
« Грустенъ пиръ гдѣ нѣтъ пѣвца. »

Молвилъ Князь; гонецъ поспѣшный
Скоро въ путь, скорѣй назадъ,
И пѣвецъ на пиръ утѣшный
Вдохновенный съ нимъ Усладъ.
Вѣщій перстъ живыя струны
Взколебалъ; гремятъ перуны:
Звѣремъ рыщетъ онъ въ лѣса,
Вьется птицей въ небеса.

❊

Бодры юноши внимали,
Быстрый взоръ въ пѣвца вперя;
Дѣвы красныя вздыхали,
Робкимъ окомъ долу зря.
Князь, чудясь искуству дивну,
Повелѣлъ златую гривну
Съ цѣпью бисерной принесть:
Пѣсней сладкихъ въ мзду и честь.

❊

« Не дари меня ты златомъ,
« Цѣпью рѣдкой не дари.
« Пусть въ нарядѣ семъ богатомъ
« Въ брань текутъ богатыри;
« Имъ бояръ украсъ почтенныхъ,
« Власти бременемъ стягченныхъ:
« Воинъ мечь, а судія
« Щитъ державы твоея.

« Я пою какъ птица въ полѣ,
« Оживленная весной;
« Я пою: чего мнѣ болѣ?
« Пѣснь отъ сердца даръ драгой.
« Если жъ хочешъ, Князь, награду
« По желанью дать Усладу:
« Пусть почтитъ меня Княжна
« Кубкомъ свѣтлаго вина. »

⁂

Налитъ кубокъ: « Будьте здравы,
« Гости честные, всегда;
« Обо мнѣ во дни забавы
« Взпомяните иногда.
« Домъ вашъ полонъ всѣмъ, и сами
« Вы любимы небесами:
« Благодарны жъ будьте имъ,
« Сколько гость вашъ вамъ самимъ. »

ОЛЬГА. (1)

Ольгу сонъ взпревожилъ слезный,
Смупный рядъ мечпаній злыхъ:
« Измѣнилъ ли, другъ любезный?
« Или нѣтъ тебя въ живыхъ? »
Войскъ дѣля Петровыхъ славу,
Съ нимъ ушелъ онъ подъ Полтаву;
И не пишетъ ни двухъ словъ:
Все ли живъ онъ и здоровъ.

На сраженьи пали Шведы,
Туркъ безъ брани побѣжденъ,
И желанный плодъ побѣды,
Миръ Россіи возвращенъ;
И на родину съ вѣнками,
Съ пѣсньми, съ бубнами, съ прубами,
Рапь подъ звонъ колоколовъ,
Шла почипь опъ всѣхъ прудовъ.

И вездѣ толпа народа;
Старый, малый, всѣ бѣгутъ,
Посмотрѣть какъ изъ похода
Побѣдители идутъ;
Всѣ на встрѣчу, на дорогу;
Кличутъ: « здравствуй! слава Богу! »
Ахъ! на Ольгинъ лишь привѣтъ
Ни отколь отвѣта нѣтъ.

❧

Ищетъ, спрашиваетъ; худо:
Слухъ пропалъ о немъ давно;
Живъ ли, нѣтъ, не знаютъ; чудо!
Словно канулъ онъ на дно.
Тутъ залившися слезами,
Въ перси бьетъ себя руками;
Рветъ, припавъ къ сырой землѣ,
Черны кудри на челѣ.

❧

Мать къ ней кинулась поспѣшно:
« Что ты? что съ тобой, мой свѣтъ?
« Развѣ горе неутѣшно?
« Съ нами Бога развѣ нѣтъ? —
« Ахъ! родима, все пропало;
« Свѣту-радости не стало.
« Богъ меня обидѣлъ самъ:
« Горе, горе бѣднымъ намъ! —

« Воля Божія! Создатель
« Намъ помощникъ ко всему;
« Онъ утѣхъ и благъ податель:
« Помолись, мой свѣтъ, ему. —
« Ахъ! родима, все пустое;
« Богъ послалъ мнѣ горе злое,
« Богъ безъ жалости къ мольбамъ:
« Горе, горе бѣднымъ намъ! —

❋

« Слушай, дочь! въ Украйнѣ дальной,
« Можетъ быть, женихъ ужъ твой
« Обошелъ налой вѣнчальной
« Съ красной дѣвицей иной.
« Что измѣнника утрата?
« Рано ль, поздно ль, будетъ плата,
« И отъ Божьяго суда
« Не уйдетъ онъ никогда. —

❋

« Ахъ! родима, все пропало,
« Нѣтъ надѣжды, нѣтъ какъ нѣтъ;
« Свѣту-радости не стало;
« Что одной мнѣ бѣлый свѣтъ?
« Хуже гроба, хуже ада.
« Смерть одна, одна отрада;
« Богъ безъ жалости къ слезамъ:
« Горе, горе бѣднымъ намъ! —

« Господи! прости нещастной,
« Въ судъ съ безумной не входи;
« Разумъ, слову непричастной,
« Къ покаянью приведи.
« Не крушися, дочь, чрезъ мѣру;
« Бойся муки, взпомни вѣру:
« Сыщешъ, чуждая грѣха,
« Неземнаго жениха. —

* * *

« Гдѣ жь, родима, злѣе мука?
« Или гдѣ мученью край?
« Адъ мнѣ съ суженымъ разлука,
« Вмѣстѣ съ нимъ мнѣ всюду рай.
« Не боюсь смертей, ни ада.
« Смерть одна, одна отрада:
« Съ милымъ врознь несносенъ свѣтъ,
« Здѣсь ни тамъ блаженства нѣтъ. »

* * *

Такъ весь день она рыдала,
Божій промыселъ кляла,
Руки бѣлыя ломала,
Черны волосы рвала;
И стемнѣло небо ясно,
Закатилось солнце красно,
Всѣ къ покою улеглись,
Звѣзды яркія зажглись.

И дѣвица горько плачетъ,
Слезы градомъ по лицу;
И вдругъ полемъ кто-то скачетъ,
Кто-то всадникъ слѣзъ къ крыльцу;
Чу! за дверью зашумѣло,
Чу! кольцо въ ей прозвенѣло;
И знакомый голосъ вдругъ
Кличетъ Ольгу: «Встань, мой другъ!

⁂

«Отвори скорѣй безъ шуму.
«Спишь ли, милая, во тьмѣ?
«Слезну думаешь ли думу?
«Смѣхъ иль горе на умѣ? —
«Милый! ты! такъ поздно къ ночи!
«Я всѣ выплакала очи
«По тебѣ отъ горькихъ слезъ.
«Какъ тебя къ намъ Богъ принесъ? —

⁂

«Мы лишь ночью скачемъ въ полѣ.
«Я съ Украйны за тобой;
«Поздно выѣхалъ оттолѣ
«Чтобы взять тебя съ собой. —
«Ахъ! войди, мой ненаглядный!
«Въ полѣ свищетъ вѣтеръ хладный;
«Здѣсь въ объятіяхъ моихъ
«Обогрѣйся, мой женихъ! —

« Пусть онъ свищетъ, пусть колышетъ:
« Вѣтру воля, намъ пора.
« Воронъ конь мой къ бѣгу пышетъ,
« Мнѣ не льзя здѣсь ждать утра.
« Встань, ступай, садись за мною,
« Воронъ конь домчитъ стрѣлою;
« Намъ сто верстъ еще: пора
« Въ путь до брачнаго одра. —

⁂

« Ахъ! какая въ ночь дорога!
« И сто верстъ ѣзды для насъ!
« Бьютъ часы... побойся Бога:
« До полночи только часъ. —
« Мѣсяцъ свѣтитъ, ѣхать споро;
« Я какъ мертвый ѣду скоро:
« Довезу и до утра
« Вплоть до брачнаго одра. —

⁂

« Какъ живешъ? скажи нелестно;
« Что твой домъ? великъ? высокъ? —
« Домъ землянка. — Какъ въ ней? — Тѣсно. —
« А кровать намъ? — Шесть досокъ. —
« Въ ней уляжется ль невѣста? —
« Намъ двоимъ довольно мѣста.
« Встань, ступай, садись за мной:
« Гости ждутъ меня съ женой.»

*

Ольга встала, вышла, сѣла
На коня за женихомъ;
Обвила ему вкругъ тѣла
Руки бѣлыя кольцомъ.
Мчатся всадникъ и дѣвица
Какъ стрѣла, какъ пращь, какъ птица;
Конь бѣжитъ, земля дрожитъ,
Искры бьютъ изъ подъ копытъ.

❋

Съ права, съ лѣва, сторонами,
Мимо глазъ ихъ взадъ летятъ
Сушь и воды; подъ ногами
Конскими мосты гремятъ.
« Мѣсяцъ свѣтитъ, ѣхать споро;
« Я какъ мертвый ѣду скоро.
« Страшно ль, свѣтикъ, съ мертвымъ спать ?—
« Нѣтъ . . . что мертвыхъ поминать? »

❋

Что за звуки? что за пѣнье.
Что за врановъ крикъ во мглѣ?
Звонъ печальный! погребенье!
« Тѣло предаемъ землѣ. »
Ближе, видятъ: попъ съ соборомъ,
Гробъ неся, поютъ всѣмъ хоромъ;
Поступь медлѣнна, тяжка,
Пѣснь нескладна и дика.

« Что вы воете не къ мѣсту?
« Хоронить придетъ чреда;
« Я къ вѣнцу везу невѣсту,
« Вслѣдъ за мною всѣ туда!
« У моей кровати спальной,
« Клиръ! пропой мнѣ стихъ вѣнчальной;
« Службу, попъ! и ты яви,
« Насъ ко сну благослови. »

❧

Смолкли, гроба какъ не стало,
Все послушно вдругъ словамъ,
И поспѣшно побѣжало
Все за ними по слѣдамъ.
Мчатся всадникъ и дѣвица
Какъ стрѣла, какъ пращь, какъ птица;
Конь бѣжитъ, земля дрожитъ,
Искры бьютъ изъ подъ копытъ.

❧

Съ права, съ лѣва, сторонами,
Горы, долы, и поля,
Взадъ летитъ все; подъ ногами
Конскими бѣжитъ земля.
« Мѣсяцъ свѣтитъ, ѣхать споро;
« Я какъ мертвый ѣду скоро.
« Страшно ль, свѣтикъ, съ мертвымъ спать? —
« Полно мертвыхъ поминать. »

Казни столпъ; надъ нимъ за тучей
Брезжетъ трепетно луна;
Чей-то сволочи летучей
Пляска вкругъ его видна.
« Кто тамъ! сволочь! вся за мною!
« Вслѣдъ бѣгите всѣ толпою,
« Чтобъ подъ пляску вашу мнѣ
« Веселѣй прилечь къ женѣ. »

⁂

Сволочь съ пѣснью заунывной
Понеслась за сѣдокомъ,
Словно вихорь бы порывной
Зашумѣлъ въ бору сыромъ.
Мчатся всадникъ и дѣвица
Какъ стрѣла, какъ пращь, какъ птица;
Конь бѣжитъ, земля дрожитъ,
Искры бьютъ изъ подъ копытъ.

⁂

Съ права, съ лѣва, сторонами,
Взадъ летятъ луга, лѣса;
Все мелькаетъ предъ глазами:
Звѣзды, тучи, небеса.
« Мѣсяцъ свѣтитъ, ѣхать споро;
« Я какъ мертвый ѣду скоро.
« Страшно ль, свѣтикъ, съ мертвымъ спать? —
« Ахъ! что мертвыхъ поминать! —

« Конь мой! пѣтухи пропѣли;
« Чуръ! заря чтобъ не взошла;
« Горъ вершины забѣлѣли:
« Мчись какъ изъ лука стрѣла.
« Конченъ, конченъ путь нашъ дальный,
« Уготовленъ одръ вѣнчальный;
« Скоро съѣздилъ какъ мертвецъ,
« И доѣхалъ наконецъ. »

❦

Наскакалъ въ стремленьи яромъ
Конь на каменный заборъ;
Съ двери вдругъ хлыста ударомъ
Спали петли и запоръ.
Конь въ ограду; тамъ кладбище,
Мертвыхъ вѣчное жилище;
Свѣтятъ камни на гробахъ
Въ блѣдныхъ мѣсяца лучахъ.

❦

Что же мигомъ предъ собою
Видитъ Ольга? чудо! страхъ!
Латы всадника золою
Всѣ разсыпались на прахъ;
Голова, взглядъ, руки, тѣло,
Все на миломъ помертвѣло,
И стоитъ ужъ онъ съ косой,
Страшный оставъ костяной.

На дыбы конь воронъ взвился,
Дикимъ голосомъ заржалъ,
Стукнулъ въ землю, провалился,
И невѣсть куда пропалъ.
Вой на воздухѣ высоко;
Скрежетъ подъ землей глубоко;
Ольга въ страхѣ безъ ума,
Неподвижна и нѣма.

⁂

Тутъ надъ мертвой заплясали
Адски духи при лунѣ,
И протяжно припѣвали
Ей въ воздушной вышинѣ:
« Съ Богомъ въ судъ нейди крамольно;
« Скорбь терпи, хоть сердцу больно.
« Казнена ты во плоти;
« Грѣшну душу Богъ прости! »

ТѢНЬ ШЕКСПИРА.

Тамъ явилася мнѣ и великая сила Иракла, (2)

Призракъ, безплотная тѣнь; самъ онъ навѣки изчезъ.

Вкругъ какъ птицы кричатъ кричали трагиковъ сонмы,

И драматурги какъ псы стаею лаяли вкругъ.

Мертвый, онъ страхъ наводилъ; натянутъ былъ лукъ неизмѣнный,

Стрѣлы летя съ тетивы прямо вонзались въ сердца:

« Что еще предпріемлешъ, смѣлый многострадалецъ?

« Въ адъ ли дерзаешъ сходить, въ область вѣчныя тьмы? —

« Я ищу Тирезія здѣсь, да поможетъ провидѣцъ

« Древній найти мнѣ котурнъ, болѣ незримый у насъ. —

« Если въ природу они и въ Грековъ древнихъ не вѣрятъ,

« Всуе уроковъ отсель книгу къ нимъ принесешъ. —

« О! природа у насъ является часто на сцену,

« Просто, какъ мать родила, голая вся до костей. —

« Стало, у васъ онъ, древній котурнъ, живымъ еще мною

« Въ Тартаръ низшедшимъ за нимъ съ тяжкимъ добытый трудомъ? —

« Нѣтъ, трагедію мы забросили вовсе, и развѣ

« Въ годъ однажды твой выйдетъ въ латахъ мертвецъ. —

« Вижу: къ ученью разума ваше направлено чувство,

« Ужасъ и жалость прочь гонятъ веселость и смѣхъ. —

« Да, намъ нравятся шутки, лишь бы дерзки и сухи;

« Любимъ мы и печаль, лишь бы очень мокра. —

« Что же? рядомъ съ шествіемъ важнымъ сестры Мельпомены
« Талія рѣзвясь у васъ легкую пляску ведетъ? —
« Нѣтъ ни которой; у насъ христіянское нравоученье,
« Простонародное все, бытъ и хозяйство мѣщанъ. —
« Какъ! и на зрѣлищахъ вашихъ Кесарь не смѣетъ явиться!
« Нѣтъ Андромахи на нихъ! согнанъ Ахиллъ и Орестъ! —
« Всѣ; любимыя лица: Пасторъ, торговли Совѣтникъ,
« Юнкеръ, или Секретарь, либо гусарскій Маіоръ. —
« Но ради Бога, другъ, что можетъ народъ этотъ жалкій
« Сдѣлать великаго, что съ нимъ великое быть? —
« Мало ли что: плутуютъ, ищутъ съ закладами денегъ,
« Крадутъ ложки въ карманъ, бойки на все хоть повѣсь. —
« Гдѣ жъ, отколѣ жъ возьмется судьба, исполинская сила,
« Коею сдавленный въ прахъ къ небу взнесенъ человѣкъ? —
« Старыя сказки; мы ищемъ въ театрѣ себя и знакомыхъ,
« Нашу скорбь и нужду: все находимъ мы тамъ. —
« Такъ; но это спокойнѣй и легче найдете вы дома;
« Нужно ль бѣжать отъ себя только для встрѣчи съ собой?
« Просимъ прощенья, Ирой; тутъ разница есть пребольшая:
« Щастіе слѣпо всегда, Авторъ всегда справедливъ. —
« Стало, ваша натура, скудная, ходитъ по сценѣ
« Вашей; только большой, только божественной нѣтъ? —
« Авторъ хозяинъ гостинницы, пятый актъ угощенье:
« Злымъ какъ гибель придетъ добрые сядутъ за столъ. »

ГОРАЦІИ. (3)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Старый Горацій. Камилла.

Ст. Горацій.

Не смѣй оправдывать измѣнника вины.
Чтобъ онъ бѣжалъ отца какъ братіевъ жены;
Какъ жизнь любезную сберечь онъ ни старался,
Весь трудъ его погибъ лишь мнѣ бы повстрѣчался.
Будь онъ Сабинѣ милъ; но я клянуся вновь
Богами вѣчными, что нечестивца кровь . . .

Камилла.

Родитель, выслушай мое за брата слово.
И Римъ о немъ судить не можетъ столь сурово;
Но развѣ сѣтовать, виня судьбу свою,
О доблести числомъ осиленной въ бою.

Ст. Горацій.

Судъ Рима здѣсь ничто и не покровъ злодѣю.
Камилла, я отецъ, и власть свою имѣю.
Мнѣ доблесть истая извѣстна издавна;
Предъ множествомъ враговъ не мали́тся она,
Но мужествомъ крѣпясь противъ числа и силы,
Стоитъ, упорствуетъ, и бьется до могилы.
Умолкни; . . но зачѣмъ Валерія я зрю?

ЯВЛЕНІЕ II.

Старый Горацій. Камилла. Валерій.

ВАЛЕРІЙ.

Къ утѣхѣ скорбнаго родителя, Царю
Угодно чтобы я . . .

СТ. ГОРАЦІЙ.

Валерій! утѣшенье
Словами: слабое мнѣ въ скорби облегченье.
Я радъ что былъ отцемъ хотя двоимъ сынамъ
Въ сраженьи смерть себѣ нашедшимъ а не срамъ;
Какъ мужи честные, они безъ укоризны
Жизнь предали въ бою къ спасенію отчизны.

ВАЛЕРІЙ.

Теперь тебѣ всѣ три замѣнятся однимъ.

СТ. ГОРАЦІЙ.

Пусть имя навсегда и родъ мой гибнутъ съ нимъ!

ВАЛЕРІЙ.

Одинъ ты можешъ ли винить его напрасно?

СТ. ГОРАЦІЙ.

Одинъ и накажу злодѣйствіе ужасно.

ВАЛЕРІЙ.

Похвалъ достоинъ онъ, и ты, его отецъ! . . .

СТ. ГОРАЦІЙ.

Какую похвалу могъ заслужить бѣглецъ?

ВАЛЕРІЙ.

Въ семъ случаѣ побѣгъ путь славы и спасенья.

Ст. Горацій.

Не множь, Валерій, мнѣ позора и смущенья.
Я жилъ довольно лѣтъ, но не слыхалъ въ мой вѣкъ
Чтобъ бѣгствомъ проложилъ путь къ славѣ человѣкъ.

Валерій.

Ни въ чемъ не зрю тебѣ смущенья ни позора.
Оставшійся твой сынъ отечества опора;
Прославилъ онъ и спасъ и возвеличилъ Римъ,
И щастливый отецъ гордиться долженъ имъ.

Ст. Горацій

Но гдѣ жъ спасеніе, величіе и слава?
Подвластны мы, на насъ Альбійская держава.

Валерій.

О чемъ вѣщаешь ты? какая Альбы власть?
Или событія ты знаешь только часть?

Ст. Горацій.

Я знаю то что въ бѣгъ измѣнникъ обратился.

Валерій.

Но споръ о первенствѣ концемъ инымъ рѣшился;
Узрѣли вскорѣ всѣ что сей побѣгъ есть ковъ,
Бойцемъ замышленный на пагубу враговъ.

Ст. Горацій.

Какъ! Римъ нашъ въ торжествѣ!

Валерій.

Познай, о мужъ почтенный,
Какъ сынъ прославился тобою осужденный.
Одинъ противникомъ оставшися троимъ,
Но трое ранены, одинъ же невредимъ,

И слабъ противу всѣхъ, но каждаго сильнѣе,
Онъ вымыслъ изобрѣлъ да побѣдитъ вѣрнѣе;
Притворствуя бѣжитъ, и хитростью такой
Трехъ братій разлучивъ, ихъ манитъ за собой;
Они во слѣдъ ему, не усмотрѣвъ обмана,
Спѣшатъ сколь каждому его дозволитъ рана;
Стремленье ихъ равно, но язвы не равны,
И другъ отъ друга тѣмъ они отдалены.
Горацій, видя то, лицемъ къ нимъ обратился,
И вѣрною тогда побѣдою польстился;
Ждетъ перваго къ себѣ, и первый былъ твой зять.
Тотъ, изумясь что врагъ смѣлъ обратиться вспять,
Вотще, напавъ тотчасъ, безстрашіе являетъ,
Кровь язвы прежнія въ немъ силы убавляетъ;
И Альба, битвы ихъ страшась въ свою чреду,
Гласитъ второму вслѣдъ, да упредитъ бѣду;
Спѣшитъ онъ, крови всей ничто ему утрата;
Прибѣгъ; но поздно все, уже не стало брата.

Камилла.

Увы!

Валерій.

Усталость, трудъ, нестрашны для него,
И мѣсто заступилъ онъ брата своего;
Но храбрость тщетная въ немъ обманула силу:
За брата мнилъ отмстить, и съ нимъ нашелъ могилу.
Весь воздухъ взколебалъ двухъ воинствъ шумный кликъ;
На Альбу ужасъ палъ, Римъ радостью возникъ.
Но близкій зря конецъ щастливаго сраженья,

Герой воззвалъ гордясь въ слухъ вражья ополченья:
« Въ честь братниныхъ тѣней я поразилъ двоихъ;
« Послѣдняго жъ изъ трехъ противниковъ моихъ
« Отчизны выгодамъ я обрекаю въ жертву. »
Сказалъ, и бросился къ Альбійцу полумертву.
Побѣда вѣрная ждала съ такимъ врагомъ:
Покрытый язвами онъ двигался съ трудомъ;
И какъ телецъ, во храмъ влекомый на закланье,
Подъ ножъ склоняется, такъ изпустивъ стенанье,
Во грудь ударенный нещастный воинъ сей,
Власть Рима утвердилъ кончиною своей.

Ст. Горацій.

О сынъ мой! кровь моя! мнѣ старцу утѣшенье!
Отчизны гибнущей опора и спасенье!
Честь рода и земли прославленныхъ тобой!
Прямой Горацій ты и Римлянинъ прямой.
Въ объятіяхъ твоихъ когда же съ возхищеньемъ
Забуду что тебя обидѣлъ подозрѣньемъ?
О если бъ оросить ужъ небо мнѣ дало
Слезами радости побѣдное чело!

Валерій.

Ты можешь вскорѣ съ нимъ свиданьемъ насладиться,
И вскорѣ отъ царя онъ долженъ возвратиться;
Теперь же шествуетъ Гостилію во слѣдъ,
Да въ мзду достойную дарованныхъ побѣдъ,
Свершатъ усердья долгъ предъ щедрыми богами
И пѣснями торжествъ и теплыми мольбами;
А завтра, только свѣтъ появится зари,

Для принесенья жертвъ украсятъ олтари:
Такъ повелѣлъ самъ царь; мнѣ же далъ онъ порученье
Сказать тебѣ его и радость и жалѣнье.
Изполнивъ сей приказъ иду отсель къ нему,
Щастливъ что вкупѣ могъ я сердцу твоему
Веселье возвратить принесши вѣсть благую.

Ст. Гораций.

Да боги наградятъ тебя за вѣсть такую!

ЯВЛЕНІЕ III.

Старый Гораций. Камилла.

Ст. Гораций.

Утѣшься, дочь моя, теперь не слезъ чреда;
Сегодня начались щастливые года.
Утраты собственны должны намъ быть любезны
Когда онѣ всему отечеству полезны.
Римъ Альбу побѣдилъ: чего еще желать?
Все благо, не о чемъ тужить ни взпоминать.
Потеря жениха уже ль невозвратима?
Повѣрь мнѣ, дочь моя, что всѣ граждане Рима
Отнынѣ честію поставятъ для себя,
Когда кому изъ нихъ въ супруги дамъ тебя.
Теперь спѣшу отсель къ нещастливой Сабинѣ,
Утѣшить коль могу во злой ее судьбинѣ;
Трехъ братіевъ лишась супруга отъ руки,
Ей можно истинно возплакать отъ тоски;
Но душу сильную сестры твоей я знаю,

И первой горести давъ волю, уповаю
Что вскорѣ разумъ власть надъ ней возприметъ вновь,
И укрѣпитъ еще супружнюю любовь.
Хотя сокрой печаль, она душъ слабыхъ свойство.
Твой братъ придетъ: почти въ немъ доблесть и геройство;
Сестрой ему явись, чтобы въ семьѣ своей
Еще я видѣть могъ хотя двоихъ дѣтей.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Камилла. *(одна)*

Увидишь нынѣ же, отецъ немилосердый,
Что смерть слаба прервать союзъ любови твердый,
И что не внемлетъ страсть злодѣевъ тѣхъ словамъ
Кого враждебный рокъ родными избралъ намъ.
Ты страсть сію винишь и слабостью считаешь;
Она мнѣ тѣмъ милѣй что ею ты страдаешь,
Отецъ безжалостный! хочу чтобы она
Была какъ жребій мой ужасна и сильна.
И кто подобно мнѣ всю власть извѣдалъ рока?
Къ кому была его премѣна столь жестока?
Чьи радости живѣй? чьи горше токи слезъ?
И кто удары всѣ до смертнаго понесъ?
Чей духъ въ единый день такъ волновался прежде
Въ весельи, въ горести, и въ страхѣ, и въ надеждѣ,
И чувства чьи, премѣнъ неслыханныхъ рабы,
Бывали столько разъ игралищемъ судьбы?
Оракулъ утѣшалъ, страшило сновидѣнье;

Миръ успокоилъ вновь: отсрочено сраженье,
Мой бракъ готовится; и въ тотъ же самый мигъ
Сражаться избраны мой братъ и мой женихъ.
Всѣ противъ выбора злодѣйскаго возстали,
Хотѣли ихъ развесть, и боги въ бой призвали.
Римъ побѣжденъ сперва, и Куріацій мой
Меча не обагрилъ въ крови моей родной.
О боги! мало ли тогда ужъ я страдала,
Когда о Римѣ вдругъ и братіяхъ рыдала?
Иль на себя вашъ гнѣвъ тѣмъ болѣ навлекла
Что я еще любить и уповать могла?
Вы смертію его достойно мнѣ воздали;
Вы все устроили для вящей мнѣ печали:
Соперникъ поспѣшилъ въ глазахъ моихъ принесть
Нещастной смерти сей убійственную вѣсть,
И радость полную послали вы злодѣю,
Не Рима торжествомъ, но скорбію моею;
Успѣха ждетъ себѣ онъ бѣдствіемъ чужимъ,
И также какъ мой братъ возносится надъ нимъ.
Но все сіе ничто; велятъ мнѣ веселиться,
Достойною сестрой Горацієвъ явиться,
Побѣду праздновать имъ радостнаго дня,
И руку лобызать пронзившую меня:
О чемъ же плакать? гдѣ жъ бѣда и огорченье?
Стенаніе имъ стыдъ, а ропотъ преступленье;
Побѣда Рима все замѣнитъ мнѣ одна,
И я примѣру ихъ послѣдовать должна.
Что дѣлать? постыдимъ мужей великодушныхъ,

Безстрастныхъ, должности и чести лишь послушныхъ;
Пусть слабой назовутъ: честна и слабость тамъ
Гдѣ добродѣтель вся безчувственность къ бѣдамъ.
Явись, о скорбь моя, и не скрывайся долѣ;
Когда погибло все чего страшиться болѣ?
Ты побѣдителя свирѣпаго не чти,
Не убѣгай предъ нимъ, но паче возрости;
Побѣду оскорби, на гнѣвъ его подвигни,
Въ немъ душу уязвить всей силою достигни,
И насладись когда его услышишъ стонъ.
Я внемлю шумъ, идутъ: о небеса! вотъ онъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Камилла. Молодой Горацій. Воинъ несущій три меча.

М. Горацій.

Сестра, вотъ та рука которой нынѣ сила
За нашихъ братій смерть противникамъ отмстила,
Низвергла Альбу, Римъ избавила стыда,
И двухъ градовъ судьбу рѣшила навсегда.
Зри знаки почестей, трудовъ моихъ награду,
И радостью своей умножь мою отраду,

Камилла.

Ты самъ зри плачь сестры и веселися имъ.

М. Горацій.

Чуждъ скорби долженъ быть побѣдоносный Римъ;
И наши братія убитые врагами,

Отмщенны кровію, не дорожатъ слезами:
Утрата жизни имъ въ семъ щастіи мала.

Камилла.

Коль кровь пролитая утѣшитъ ихъ могла,
Я предъ тобою ихъ оплакивать не буду,
И братій смерть тобой отмщенную забуду;
Но кто за жениха любезнаго отмститъ?
Кто мнѣ забыть о немъ въ единый мигъ велитъ?

М. Горацій.

Что ты, нещастная!

Камилла.

О Куріацій милой!

М. Горацій.

Сестра! едва стерпѣть не оскудѣлъ я силой.
Когда врага Римлянъ я сокрушилъ мечемъ,
Ты смѣешъ сѣтовать и мнѣ твердить о немъ!
Душа твоя, горя неистовой любовью,
За жениха моей упиться жаждетъ кровью!
Смириться повели и сердцу и устамъ;
Безумный плачь сестры какъ братъ я чту за срамъ.
Онъ мертвъ: забудь его; ищи иной бесѣды;
Честь рода нашего и честь моей побѣды
Отнынѣ заглушить должны любовь твою.

Камилла.

Такъ дай же, о злодѣй, ты душу мнѣ свою;
Моя, познай ее, не измѣнитъ вовѣки;
Его мнѣ возврати, или терпи упреки.
Въ одномъ былъ весь мой свѣтъ и радость вся моя;

Живой, онъ былъ мнѣ богъ, о мертвомъ плачу я.
Ты не ищи во мнѣ сестры своей нещастной;
Внемли любовницѣ отчаянной и страстной;
Она, какъ Фурія носясь тебѣ во слѣдъ,
Смутитъ проклятьемъ слухъ надмѣнный отъ побѣдъ.
О кровопійца злой скучающій слезами!
Ты мнѣ велишъ вознесть убійство похвалами,
Съ весельемъ зрѣть его дымящуюся кровь,
И жениха самой убить по смерти вновь!
Дай богъ отнынѣ золъ такихъ тебѣ достигнуть
Чтобъ жребій мой тебя на зависть могъ подвигнуть,
И чтобъ ты честь свою злодѣйствомъ оскверня,
Былъ въ ненависть для всѣхъ какъ нынѣ для меня!

М. Горацій.

О небо! нѣтъ конца ни мѣры изступленью.
Иль мыслишъ ты что я безчувственъ къ оскорбленью,
Что попущу сестрѣ безчестить весь нашъ родъ?
Чти благомъ смерть благой принесшую намъ плодъ;
Забудь что влюблена была ты и любима;
Отчизну взпомяни, и честь и пользу Рима.

Камилла.

Римъ, гнѣва моего единственный предмѣтъ!
Римъ, жертвой чьей погибъ женихъ мой въ цвѣтѣ лѣтъ!
Римъ, гдѣ родился ты, твою гдѣ славу вижу!
Римъ, на равнѣ съ тобой который ненавижу!
Да сила сложная сосѣднихъ всѣхъ племенъ
Сотретъ сей новый градъ до основанья стѣнъ;
И коль Италія слаба возпрянуть къ бою,

Да западъ и востокъ подвигнутся войною;
Да всѣ концы земли, враждой къ нему горя,
Прейдутъ на зло ему и горы и моря;
Да самъ онъ на себя свои обрушивъ стѣны,
Руками раздеретъ трепещущіе члены;
Небесный гнѣвъ, возженъ молитвою моей,
Да одождитъ его потоками огней.
О если бъ здѣсь могла я зрѣть падущи громы,
Вѣнецъ во прахѣ твой, Римлянъ горящи домы,
Послѣдняго изъ нихъ послѣдній вздохъ узрѣть,
И бывъ всему виной въ восторгѣ умерѣть!

М. Горацій. *(закалывая ее)*

Терпѣнья болѣ нѣтъ, теряю умъ и силу.
Иди любезнаго оплакивать въ могилу.

Камилла.

Ахъ! извергъ!

М. Горацій.

Кто жалѣть врага отчизны смѣлъ,
Тому да будетъ вѣкъ казнь смертная удѣлъ.

МЕДЕЯ. (4)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Медея. Родопа. Рабыни несущія богатую ризу.

Медея.

Такъ, время довершить очарованій силу,
Сгубить моихъ враговъ и свергнуть ихъ въ могилу;
Волшебнымъ таинствамъ насталъ желанный часъ.
Геката страшная! ты мой услыши гласъ . . .
Но что! ты здѣсь уже, вняла мое воззванье:
Трепещетъ грудь моя, спирается дыханье,
Возстали ужасомъ власы поверьхъ чела,
И ада мрачнаго въ очахъ яснѣетъ мгла.
Подземны божества! къ Медеѣ поспѣшите.
Прочь, недостойныя, отъ глазъ моихъ бѣгите.

ЯВЛЕНІЕ II.

Медея (*одна*).

Поборники вражды и ярости моей,
Владыки грозные Ерева и тѣней!
И вы, нещастные, предвѣчной нощи чада,
Вѣкъ осужденные стенать въ заклепахъ ада!
Эринны! Парки! Месть! Отчаянье! Раздоръ!
Стекитесь всѣ ко мнѣ, чудовищный соборъ;
Изпольните сей чертогъ и кровью и слезами,

И весь мнѣ Тартаръ здѣсь представьте предъ очами.
Воззванье не вотще: покрылось небо тьмой,
Весь воздухъ взколебалъ тѣней плачевный вой,
Весь адъ открылся вдругъ, всѣ казней страшны виды:
Вотъ Титій, Иксіонъ, Танталъ, и Данаиды,
И ты, Коринѳянинъ, и ты, Сизифъ злодѣй,
Еще лютѣйшихъ мукъ достойный за дѣтей!
Чья тѣнь идетъ ко мнѣ? что вижу! мой родитель!
Почто такъ рано вшелъ ты въ вѣчную обитель?
Скажи: побѣгъ ли мой печалью и стыдомъ
Тебя до времени низвелъ въ Аидовъ домъ?
Хоть руку мнѣ простри; . . но призракъ чей безглавый
Бросается межъ насъ, ужасный и кровавый?
Обезображенный отъ крови и отъ ранъ,
Онъ весь ударами растерзанъ и раздранъ:
Се братъ мой . . . ахъ! прости мнѣ, братъ, ожесточенье;
Убійца твой любовь, она свершитъ и мщенье,
И кровь . . . изчезло все, ихъ нѣтъ, я здѣсь одна,
И сила страшная заклятій свершена;
Все приготовлено: пора начать, и смѣло
Къ желанному концу вести праведное дѣло.
Родопа! возвратись.

ЯВЛЕНИІЕ III.

Медея. Родопа.

Медея.

Ты зрѣла ль чадъ моихъ?

Родопа.

Они твой вняли вопль, и страхъ объемлетъ ихъ;
Въ боязни отроки узрѣть тебя просили;
Но мы, какъ ты рекла, войти имъ запретили.

Медея.

Введи ихъ предъ меня.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Медея. *(Одна.)*

Невинныхъ научу:
Чрезъ нихъ всего вѣрнѣй награду получу;
Ихъ младость усыпитъ Креона подозрѣнье,
И сами ускорятъ враги свое паденье.

ЯВЛЕНІЕ V.

Медея. Родопа. двое Дѣтей.

Медея.

Приближьтеся ко мнѣ, нещастные сыны.
На бѣдствія, на зло вы мною рождены;
Насъ скоро разлучитъ царя законъ ужасной;
Навѣкъ разстанетесь вы съ матерью нещасной;
Отторгнута отъ васъ, отчаянна, одна,
Въ изгнаньи жизнь свою влачить осуждена,
Уже не наслажусь любезныхъ лицезрѣньемъ;
Вы мнѣ не будете во скорбяхъ утѣшеньемъ,
И очи слезныя въ часъ смерти роковой
Мнѣ не закроютъся дѣтей моихъ рукой.

Вы плачете?

Одинъ изъ сыновъ.

Возьми насъ, матерь, ты съ собою.

Другой.

Мы безъ тебя умремъ.

Медея.

Нѣтъ, строгою судьбою
За мной послѣдовать сынамъ запрещено;
Вамъ иго чуждое нести положено;
И жребій, до конца мое гонящій племя,
Здѣсь вѣчныхъ вамъ цѣпей уготовляетъ бремя.
О чада, власть боговъ: уступимъ небесамъ;
Оставьте гордость всю, докучную царямъ.
Съ премѣною судьбы премѣнимъ и желанье:
Смиреніе одно нещастныхъ достоянье.
Забудьте кровь свою, забудьте праотцовъ:
Владыкамъ угождать священный долгъ рабовъ;
Какъ нѣкимъ божествамъ имъ жертву принесите,
И униженіемъ ихъ милости ищите.
Къ царевнѣ шествуйте съ сей ризою златой;
Скажите ей, что я убитая тоской,
Изгнавъ всѣ помыслы безплодныя досады,
Вручая ей сей даръ, за васъ молю пощады,
Что жребій чадъ моихъ ей въ волю отдаю.
Царицу чтите въ ней и матерь вы свою;
Едва завидите, предъ нею ницъ падите,
Съ слезами и мольбой колѣна обоймите;
Коль не воздвигнетъ васъ, молите вновь и вновь,

Да новой матери заслужите любовь.

Одинъ изъ сыновъ.

Нѣтъ; нѣтъ, родная; ты одна останься съ нами.

Другой.

Мы матери другой не хочемъ быть сынами.

Медея.

Я понимаю васъ: страшитесь вы стыда,
Какого не терпѣлъ родъ солнцевъ никогда,
Вамъ тяжко рабствовать предъ чуждою женою;
Но такъ назначено всевластною судьбою;
Въ позоръ не будетъ вамъ въ нещастьи паче мѣръ
То дѣлать въ чемъ сама вамъ подаю примѣръ.
Родопа, отведи ихъ къ щастливой невѣстѣ,
Наставь ихъ что сказать, внемли отвѣтъ, и вмѣстѣ
Съ сынами возвратись, да извѣщусь тобой
Какъ примутъ даръ, моей предложенный рукой.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Медея. *(одна)*

О боги внявшіе въ сей день мою молитву!
Блюдитесь выпустить богатую ловитву;
Гоните въ слѣпотѣ блуждающихъ враговъ,
Да свергнутся стремглавъ въ изрытый мною ровъ.
Уже ль, обманута коварствами злодѣя,
Безплодно рабствуя унизится Медея?
Нѣтъ, нѣтъ, за общій нашъ вы вступитесь позоръ;
Ударъ отмщенія какъ молнья будетъ скоръ,
И поразитъ онъ вдругъ Креузу и Креона.

Но чѣмъ, чѣмъ наказать преступника Язона?
Найдете ли, друзья, толь лютое вы зло,
Что бы вины его достойнымъ быть могло?
Я брата умертвить рѣшилась безъ боязни;
То мало для него, поищемъ новой казни.
О боги! вы ль рекли, и вашъ ли мнѣ совѣтъ
Чтобъ я своей рукой?.. безжалостные! нѣтъ:
Моихъ не станетъ силъ; велѣніе смягчите,
Иль сами за меня кинжаломъ ихъ разите.

ЯВЛЕНІЕ VII

Медея. Родопа. Дѣти.

Родопа.

Креузу восхитилъ даръ присланный тобой.
Прельщаяся его богатствомъ и красой,
Безпечныя любви ослѣплена надеждой,
Сегодня жъ хочетъ сей украситься одеждой.
Съ царевною Креонъ обманутъ на равнѣ;
Смиренью твоему повѣрилъ онъ вполнѣ,
И мнитъ, что изъ любви къ симъ отрокамъ нещастнымъ,
Твой гнѣвный духъ поникъ предъ жребіемъ всевластнымъ;
И онъ, и дщерь его, узрѣвъ твоихъ дѣтей,
Почли ихъ ласкою и нѣжностью своей.
Но плачешъ ты! досель все дѣйствіе успѣшно;
Почто же сѣтовать ты хочешъ неутѣшно?

Медея.

Увы!

Родопа.

О чемъ вздыхать? зачѣмъ на милыхъ чадъ
Возводишь гнѣвный ты и вмѣстѣ слезный взглядъ,
И отвращаешь вдругъ, какъ будто ихъ робѣя?

Одинъ изъ сыновъ.

Утѣшься, мать.

Другой.

Не плачь.

Медея.

Нещастная Медея!
Пусть нынѣ же тебя обрадуетъ успѣхъ,
Ты не избавишся еще мученій всѣхъ;
Плачь, безотрадно плачь надъ бѣдными сынами:
Что жъ сдѣлали они? чѣмъ вины предъ богами?
Кто будетъ сиротамъ опорой слабыхъ лѣтъ?
Ихъ гонятъ мать, отца давно у нихъ ужъ нѣтъ;
У гордой мачихи суровая неволя
Ихъ неизбѣжная единственная доля.
Какихъ враждебныхъ звѣздъ невѣдомая власть
Въ зачатьи обрекла вамъ вѣчную напасть,
О чада? лучше бъ смерть постигла васъ въ утробѣ
Нещастной матери, чѣмъ въ посмѣянье злобѣ
Скитаться нищими, или въ дому чужомъ
Хлѣбъ скудный добывать служеньемъ и трудомъ.
Ахъ! страшной мыслью сей вся кровь моя смутилась,
И нѣжность матери въ свирѣпость претворилась:
Для внуковъ солнцевыхъ сей нестерпимъ удѣлъ.
Свершимъ ужасное изъ всѣхъ ужасныхъ дѣлъ;

Свершимъ . . . невинные! зачѣмъ ко мнѣ бѣжите?
Отстаньте, рукъ моихъ съ лобзаніемъ не жмите,
Тѣхъ рукъ неистовыхъ . . . ахъ! для чего любовь
Во мнѣ умершую вы оживили вновь?
Вы улыбаетесь и плачете: нещастны!
Когда бы знали вы всѣ горести ужасны,
Вы лаской уловить не тщились бы меня.
Я съ вами разстаюсь навѣкъ съ сего же дня;
Вы мать забудете, отвыкнувшіе видѣть,
Иль горше . . . васъ ее научатъ ненавидѣть.

Родопа.

Вели, да отъ твоихъ я отведу ихъ глазъ.
На время краткое царевны былъ приказъ
Сюда ихъ привести, да съ матерью простятся,
И вскорѣ отъ тебя къ ней снова возвратятся.

Медея.

Надмѣнная! она повелѣваетъ имъ;
Иль достояніемъ считаетъ ихъ своимъ
Добытымъ куплею на торжищѣ народномъ?
А я, бездушная, въ стенаніи безплодномъ
Терплю что кровь мою, боговъ чистѣйшу кровь,
Обидой сей срамятъ! . . безумная любовь!
Оставь меня; молчи, гласъ вредный сожалѣнья!
Рѣшимся: мигъ одинъ окончитъ ихъ мученья;
Мигъ страшный! чѣмъ? иль смерть для нихъ не лучшій даръ?
Какъ послѣ радостенъ мнѣ будетъ сей ударъ!
Умрите.

(бросается съ кинжаломъ на дѣтей.)

Одинъ изъ сыновъ.

Матерь, что, что сдѣлалось съ тобою?

Другой.

О боже! боже мой!

Первый.

Ахъ! сжалься надо мною.

Другой.

Не убивай меня.

Медея.

Вся содрогаюсь я;
Не въ силахъ удержать кинжалъ рука моя.
О свѣтъ моихъ очей, возлюбленныя чада!
О вы, на всю мнѣ жизнь и горе и отрада,
Виновники моихъ веселій всѣхъ и мукъ,
Приближьтесь къ матери; не бойтеся сихъ рукъ;
Ихъ простираю къ вамъ предъ вѣчнымъ я разставаньемъ,
Да вашимъ наслажусь послѣднимъ лобызаньемъ.
Родопа, мнѣ данъ срокъ до окончанья дня;
Дѣтей еще отнять не могутъ у меня;
Но отведи отсель, я не могу ихъ видѣть:
Хоть мучусь ихъ любя, нѣтъ силъ возненавидѣть.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Медея *(одна)*

Нѣтъ силъ! безумная, чего же хочешъ ты?
Какія разумъ твой мрачатъ еще мечты?
Съ какого права ихъ изъ жалости напрасной
Ты предаешъ судьбѣ и вѣрной и ужасной?

Жалѣй ихъ, сохрани для нѣжнаго отца:
Ты права; вскорѣ онъ, пришедши отъ вѣнца,
И силой чаръ твоихъ супругу видя мертву,
Любезной тѣни самъ ихъ принесетъ на жертву.
Нѣтъ, нѣтъ, не потерплю; коль смерть имъ суждена,
Смерть даровать сію рѣшилась я одна;
Нѣтъ болѣ жалости во мнѣ къ сынамъ злодѣя;
Креузы пасынкамъ не будетъ мать Медея.
Геката! боги тьмы! учившіе меня
Какъ землю потрясти, затьмить свѣтило дня,
Съ небесъ сводить на долъ созвѣздья ночи темной,
И мертвыхъ воззывать изъ пропасти подземной,
Днесь будьте въ помощь мнѣ, да жалость истребя,
Васъ злобой удивлю и превзойду себя.

РАЗКАЗЪ ѲЕРАМЕНА.

Едва минули мы Трезенскія врата,
Самъ въ колесницѣ онъ и въ равной съ нимъ печали
Сопутники его всѣ шествуя молчали;
Къ Микенамъ медлѣнно путь правили они;
Послабленныхъ возжей не чувствуя, кони
Столь прежде пылкіе, по голосу возницы
Ристанія въ поляхъ летавшие какъ птицы,
Теперь главы склонивъ и взоръ потупя въ долъ,
Какъ бы дѣлили съ нимъ душевныхъ бремя золъ.
Ужасный крикъ, со дна несущійся морскаго,
Раздался вдругъ среди безмолвія земнаго;
И вслѣдъ изъ нѣдръ земли гласъ трепетный изникъ,
И стономъ отвѣчалъ на страшный моря крикъ.
Въ сердцахъ застыла кровь, съ испуга всѣ чуть живы,
И дыбомъ поднялись на чуткихъ коняхъ гривы.
Межъ тѣмъ, ключами бья кипущаго сребра,
Съ равнины влажныя вздымается гора;
Вода все близится, разшиблась, и предъ нами
На брегъ чудовище извергнула волнами.
Рогами острыми грозитъ его чело;
Все тѣло чешуей златистой обросло;
Быкъ необузданный и змѣй быстротекущій,
Хребетъ и гибкій хвостъ въ крутыя кольца вьющій;

Протяжный рыкъ его колеблетъ брегъ морской.
Отвращенъ небесамъ сей бездны извергъ злой;
И землю онъ сквернитъ, и воздухъ заражаетъ;
Валъ, выбросивъ его, изпуганъ отступаетъ.
Всѣ прочь бѣгутъ, и стать не смѣя въ тщетный бой,
Во близьлежащій храмъ спасаются толпой.
Единый Иполитъ, героя сынъ достойной,
Сдержалъ коней рукой отъ мужества спокойной,
На звѣря ихъ погналъ, пустилъ въ него копьемъ,
И въ чрево глубоко поранилъ остріемъ.
Звѣрь скачетъ, мучимый и болію и гнѣвомъ;
Упавъ къ ногамъ коней, ихъ оглушаетъ ревомъ;
Катается, дыша въ нихъ пламенемъ густымъ
Изъ пасти вержущей и огнь и кровь и дымъ.
Съ боязни понесли, и глухи по неволѣ,
Ни гласа ни возжей уже не слышатъ болѣ.
Онъ силится сдержать, усилья всѣ тщета;
Кровавой пѣною ихъ залились уста;
И нѣкій богъ, гласятъ, для вящаго имъ страха,
Хлесталъ ихъ по бедрамъ чернѣющимъ отъ праха.
Чрезъ рвы и чрезъ скалы слѣпой ихъ ужасъ мчитъ;
Ось треснувъ ломится; безстрашный Иполитъ
Зритъ: колесница вся врознь сыплется кусками,
И самъ на землю палъ, запутанный возжами.
Прости что плачу, царь: отъ зрѣлища сего
Вѣкъ слезъ не изсушу до гроба моего.
Я видѣлъ, какъ твой сынъ, въ мученьяхъ несравненныхъ,
Растерзанъ отъ коней рукой его вскормленныхъ.

Взывалъ онъ къ нимъ; они сильнѣй еще неслись:
На тѣлѣ столько язвъ, что всѣ въ одну слились.
Нашъ вопль болѣзненный равнину оглашаетъ.
Пылъ яростный коней впослѣдокъ утихаетъ:
Остановилися при древнихъ тѣхъ гробахъ
Гдѣ предковъ царственныхъ почіетъ хладный прахъ.
Всѣ спутники за мной бѣгутъ туда рыдая,
И слѣдомъ насъ ведетъ героя кровь честная;
По камнямъ кровь течетъ, вдоль терновыхъ кустовъ
Виситъ кровавая корысть его власовъ.
Прибѣгъ я, и зову; одолѣвая муку,
Разкрывъ полмертвый взоръ, и мнѣ простерши руку:
« Безвинно, » онъ сказалъ, « мои пресѣклись дни.
« Печальную по мнѣ Арисію храни,
« О другъ! когда жъ отецъ узнаетъ съ сожалѣньемъ,
« Что сынъ его погибъ коварнымъ лжесплетеньемъ,
« Да успокоюсь я въ обители тѣней,
« Моли, чтобъ милостивъ былъ къ плѣнницѣ своей,
« Чтобъ ей . . . » со словомъ симъ дыханье излетѣло,
И безобразное предъ мной осталось тѣло,
На коемъ гнѣвъ боговъ означенъ до того
Что не узнать отцу въ немъ сына своего.

ПЕРВОЕ ЯВЛЕНІЕ ГОѲОЛІИ.

Іодай. Авениръ.

Авениръ.

Да, въ храмъ Предвѣчнаго я прихожу съ мольбой;
Святый храня обрядъ, хочу почтить съ тобой
Издревле славный день, какъ благостью своею
Въ Синаѣ далъ Господь скрижали Моисею.
Какъ премѣнилось все! едва съ восточныхъ вратъ
Гласъ трубный возвѣститъ намъ дня сего возвратъ,
Ко храму, пышными украшенну вѣнцами,
Сыны Израиля стекалися толпами;
И всѣ предъ олтаремъ дождавшися чреды,
Въ рукахъ неся съ полей начатки и плоды,
Творцу вселенныя съ мольбой ихъ посвящали:
Для жертвъ тьмочисленныхъ жрецы не успѣвали.
Но дерзновеніемъ безбожныя жены
Дни свѣтлые во мракъ ночей облечены;
Едва немногій сонмъ молельцевъ чтящихъ вѣру
Дерзаетъ прежнихъ лѣтъ послѣдовать примѣру;
Забыли прочіе о Господѣ своемъ,
И предъ Вааловымъ тѣсняся олтаремъ,
Въ нечестны таинства взыскуя посвященья,
На Спаса предковъ ихъ льютъ срамныя хуленья.
Страшусь, коль все сказать, чтобъ злобою горя,

Отторгнувъ силою отъ жертвъ и олтаря,
Царица тяжкаго не сбросила почтенья,
И надъ тобой самимъ не довершила мщенья.

Іодай.

Почто столь мрачнымъ ты предчувствіемъ объятъ?

Авениръ.

Безъ казни будешь ли ты праведенъ и святъ?
Давно противна ей безтрепетность прямая,
Сугубящая блескъ тіары Іодая;
Усердіе твое къ закону праотцовъ
Крамолой нарекли уста ея льстецовъ.
Завистница добротъ, она враждой чрезмѣрной
Іосавеѳѣ врагъ, твоей супругѣ вѣрной;
Въ тебѣ преемника правъ Аарона зря,
Въ ней зритъ еще сестру умершаго царя.
Маѳанъ къ тому жъ, Маѳанъ, священникъ сей безбожный,
Всечасно ей твердитъ совѣтъ свой злый и ложный,
Отъ вѣры нашея презрѣннѣйшій бѣглецъ,
И всѣмъ въ комъ есть добро усердный зла творецъ.
Не только, чуждою тіарою вѣнчаясь,
Ваалу сей Левитъ жретъ жертву не гнушаясь:
Нѣтъ, храмъ сей скорбь ему, и мщеніемъ томимъ,
Онъ Бога бъ истребилъ, оставленнаго имъ.
На пагубу твою всѣ козни вымышляетъ:
Жалѣетъ иногда и часто похваляетъ;
Щадитъ притворною воздержностью рѣчей;
И злобы черноту тѣмъ убѣливъ своей,
То страшнымъ кажетъ онъ царицѣ Іодая,

То ненасытную въ ней алчность къ злату зная,
Внушаетъ яко бы съ Давидовыхъ временъ
Драгихъ сокровищь скопъ тобою утаенъ.
И вотъ уже два дни, какъ грустію глубокой
Примѣтно страждетъ духъ царицы сей жестокой.
Я наблюдалъ вчера, и зрѣлъ въ ея очахъ
На храмъ уставленныхъ и бѣшенство и страхъ:
Какъ бы мечтался ей внутри пространныхъ зданій
Сокрытый Богомъ въ нихъ отмститель злодѣяній.
Не тщетной я смятенъ боязнію, повѣрь,
Что кровожадная Іезавели дщерь
Готовится, свой гнѣвъ насытивъ надъ тобою,
Въ самомъ святилищѣ стать на Бога войною.

Іодай.

Кто ярость волнъ морскихъ смиряетъ при брегахъ,
Равно претитъ и злымъ въ ихъ пагубныхъ дѣлахъ;
И волю чтя Его, закона рабъ святаго,
Страшуся Бога я, и страха чуждъ инаго.
Но за участіе въ грозящей мнѣ судьбѣ,
Почтенный Авениръ, обязанъ я тебѣ.
Я зрю: въ душѣ своей не терпишь ты злодѣевъ,
И тайно сѣтуешь о бѣдствіяхъ Евреевъ:
Хвала Творцу! но гнѣвъ незримый никому,
Усердье праздное, угодны ли ему?
Кто вѣруетъ безъ дѣлъ, въ томъ вѣра не благая.
Семь лѣтъ уже прошло, какъ иноземка злая
Рукою хищною Давидовъ жезлъ взяла,
Кровь чистую царей безъ казни пролила,

Сыновнихъ всѣхъ сыновъ кичится убіеньемъ,
И Богу угрожать дерзаетъ нападеньемъ;
А ты, нашъ твердый щитъ отъ внѣшнихъ супостатъ,
Чью младость подъ шатромъ взлелѣялъ Іосафатъ,
Чей власти Іорамъ довѣрилъ ратныхъ силы,
Чей гласъ духъ бодрости вселилъ въ сердца унылы
Какъ смерть Охозіи нежданная никѣмъ
Разсѣяла весь станъ Іуя предъ лицемъ:
«Чту Бога,» ты речешъ,« хожу въ стези прямыя.»
Внемли жъ изъ устъ моихъ его слова святыя:
«Что всуе хвалишся служенья чистотой?
«Мольба безплодная пріемлется ли мной?
«Что всесожженія коль нѣтъ въ душѣ любови?
«Иль мяса юницъ ѣмъ? иль пью отъ козлищъ крови?
«Кровь вопіетъ царей, и ты оглохъ умомъ.
«Расторгни всякъ союзъ съ нечестіемъ и зломъ,
«Очисти мой народъ отъ грѣшниковъ общенья,
«И принеси тогда мнѣ жертвы и куренья.»

Авениръ

Въ народѣ падшемъ семъ что сотворю одинъ?
Іуда полнъ грѣховъ, и слабъ Веніаминъ.
Со дня какъ ихъ царей пресѣкся родъ державной
Потухъ и древній огнь ихъ храбрости преславной.
«Самъ Богъ,» рекутъ они,« оставилъ въ скорби насъ,
«Избранныхъ стадъ своихъ отъ скимновъ не упасъ,
«Зря стыдъ Израилевъ о немъ ревнуетъ мало,
«И милосердіе грѣхи прощать устало.
«Уже тѣхъ знаменій онъ не являетъ намъ,

« Какими нѣкогда поборствовалъ отцамъ;
« Святый кивотъ замолкъ, и мы не слышимъ Бога. »

Іодай

Въ какой же вѣкъ чудесъ свершалося такъ много?
Гдѣ открывалъ себя въ толь дивныхъ Богъ дѣлахъ?
Иль зрѣнія у васъ въ отверзтыхъ нѣтъ очахъ,
Неблагодарные? иль ухо ваше дремлетъ,
Что грома знаменій тьмочисленныхъ не внемлетъ?
Событій славныхъ рядъ мнѣ счесть ли, Авениръ,
Явленныхъ въ наши дни да узритъ Бога міръ,
Бичей Израильскихъ низринутыхъ съ престола,
И правды вѣчныя Господняго глагола?
Ахавъ зловѣрный палъ, и плоть его сгнила
Въ браздахъ убійствами добытаго села;
Іезавель стремглавъ изъ храминъ сверглн низу,
Коньми стоптали въ прахъ съ раменъ совлекши ризу,
Псы кровью напились ея текущихъ ранъ,
И безобразный трупъ зубами ихъ раздранъ;
Лжецы пророки казнь пріяли съ обличеньемъ,
И огнь слетѣлъ съ небесъ надъ чистымъ всесожженьемъ;
Стихіямъ Илія со властію изрекъ,
И небо затворилъ и мѣдію облекъ,
И ни роса ни дождь три лѣта не спадали;
На Елисеевъ гласъ умершіе возстали.
Изъ сихъ, о Авениръ, признай что въ наши дни
Богъ не умалился всесильный изкони:
Онъ властенъ славою блеснуть предъ человѣки,
И въ памяти его Израиль живъ вовѣки.

Авениръ

Но почестей обѣтъ не отмѣнилъ ли онъ?
Не тщетно ль ждали ихъ Давидъ и Саломонъ?
Мы всѣ надѣялись что родъ ихъ не увянетъ,
Что длинный рядъ владыкъ отъ корня ихъ возстанетъ;
Единый же изъ нихъ, помазанникъ Творца,
На племя всякое, вселенной до конца,
Простретъ державу, миръ возставитъ вмѣсто брани,
И приметъ всѣхъ царей служеніе и дани.

Іодай

Почто обѣщанныхъ престалъ ты уповать?

Авениръ

Сей царь, Давидовъ сынъ, гдѣ намъ его сыскать?
Самъ Богъ возможетъ ли воздвигнуть жизнью новой
Кедръ срубленный въ корняхъ сѣкирою суровой?
Пощады не было младенцу въ пеленахъ.
Возстанутъ ли семь лѣтъ лежащіе въ гробахъ?
Ахъ! если бъ въ ярости ошиблась Гоѳолія;
Когда хоть капля бы отъ крови сей драгія . . . .

Іодай

Что бъ сдѣлалъ ты тогда?

Авениръ

О щастье паче словъ!
Съ какимъ восторгомъ бы признать его готовъ!
Тогда бъ Израиль весь къ нему рѣкою шумной . . .
Но что надеждою ласкать себя безумной?
Преемникъ горестный царей сея страны,
Одинъ Охозія былъ живъ, и съ нимъ сыны;

Онъ палъ въ моихъ очахъ Іусевой стрѣлою;
Они жъ убиты здѣсь праматерію злою.

Іодай

Не объяснюсь теперь; когда же треть пути
Успѣетъ въ небесахъ свѣтило дня пройти,
Какъ третій часъ жрецы вновь освятятъ моленьемъ,
Приди опять во храмъ съ такимъ же чистымъ рвеньемъ.
Чудесной благостью докажетъ Богъ тебѣ
Что вѣренъ въ словѣ онъ и твердъ въ своей судьбѣ.
Иди: служенья долгъ меня ужъ призываетъ,
И свѣтлый лучь зари кровъ храма убѣляетъ.

Авениръ

Постигнуть не могу щедротою какой....
Но се Іосавееъ идетъ вѣщать съ тобой;
А я съ усердною спѣшу толпой смѣситься,
О праздникѣ Творцу собравшейся молиться.

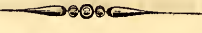
СОНЪ ГОѲОЛІИ.

Прилѣжный оба слухъ къ словамъ моимъ склоните.
Не стану, Авениръ, въ событьяхъ прошлыхъ лѣтъ,
Въ пролитой мной крови, давать тебѣ отчетъ:
Свершила, что свершить чла должностью своею.
Народа дерзкаго не признаю судьею;
Дѣла мои винилъ пусть въ буйствѣ онъ словесъ,
Успѣхомъ оправдалъ ихъ судъ самихъ небесъ;
Побѣдами моя усилена держава,
И двухъ морей брега познали дщерь Ахава.
Подъ сѣнію моей почилъ Ерусалимъ;
Спокойный Іорданъ не зритъ къ брегамъ своимъ
Аравлянъ хищниковъ, Филистимлянъ надмѣнныхъ,
Какъ прежде, въ дни царей, корыстью привлеченныхъ;
Царь Сирскій чествуетъ царицей и сестрой;
Всей братіи моей убійца даже злой,
Съ ней равнымъ жребіемъ грозившій Гоѳоліи,
Іуй, мой врагъ Іуй, трепещетъ въ Самаріи;
Со всѣхъ тѣснимый странъ толпою бранныхъ силъ,
Чей гнѣвъ на хищника мой гласъ возстановилъ,
Меня владычицей призналъ онъ по неволѣ.
Я мудрости плоды вкушала на престолѣ;
Но смутный страхъ мою вдругъ душу посѣтилъ,
Блаженства моего токъ свѣтлый возмутилъ,
И сонъ (возможно ли! меня сонъ устрашаетъ!)

Снѣдающую духъ тоску во мнѣ питаетъ:
Бѣгу вездѣ отъ ней, вездѣ она за мной.
Глухая ночь меня ужасной крыла тьмой;
Се мать, Iезавель, предстала мнѣ въ видѣньи,
Въ богатомъ, какъ была въ день смерти, облаченьи;
Надъ бѣдствомъ гордостью души вознесена;
Румянцемъ, бѣлизной, подложными красна,
Случалось коими ей старостью тягчимой
Изглаживать годовъ позоръ неизгладимой.
« Возтрепещи, » рекла, « достойная мнѣ дщерь;
« Злый Богъ Еврей твою готовитъ казнь теперь.
« Жалѣю, зря тебя въ рукахъ его нещастну,
« О дочь моя! » Едва скончала рѣчь ужасну,
И наклонилась тѣнь на одръ къ главѣ моей;
А я объятiя ужъ простирала къ ней;
Но безобразну смѣсь лишь обрѣла со страхомъ
И плоти и костей, покрытыхъ гнуснымъ прахомъ,
Въ крови отрывки жилъ и кожи и власовъ,
И спорилась о нихъ несытыхъ стая псовъ. —
Великiй Боже! — Вдругъ средь грезы сей тяжелой
Мнѣ отрокъ предстаетъ одѣтый ризой бѣлой,
Какими отличенъ жрецовъ Еврейскихъ родъ.
Спокойство возвратилъ мнѣ въ мысль его приходъ;
Но между тѣмъ, какъ я отъ страха отдыхала,
И скромный видъ его, любуясь, озирала,
Почула острый ножъ я вдругъ въ груди моей,
Который весь по кисть вонзилъ въ меня злодѣй.
Смѣсь чудныхъ призраковъ, столь разныхъ межъ собою,

Быть можетъ, случая вамъ кажется игрою;
Боязни долго сей стыдяся я сама,
Считала ихъ мечтой смущеннаго ума.
Но одержимая толь злымъ воспоминаньемъ,
Двукраты все однимъ терзалася мечтаньемъ;
Двукраты отрока все зрѣла одного,
Вонзающаго мечь въ глубь сердца моего.
Сей ужасъ наконецъ сносить ужъ я устала,
За жизнь свою молить рѣшилася Ваала,
И шла спокойствія искать у олтарей:
Сколь властвуетъ боязнь надъ разумомъ людей!
Не знаю чѣмъ во храмъ Евреевъ увлеклася,
И Бога ихъ смягчить надѣжда родилася;
Сей Богъ, я мыслила, прельщенъ цѣной даровъ,
Кто бъ ни былъ, менѣе онъ будетъ мнѣ суровъ.
Вааловъ жрецъ, прости мнѣ робости внушенье.
Вхожу: народъ бѣжитъ, прервалося служенье,
Священникъ, гнѣва полнъ, противится въ вратахъ;
Пока вѣщалъ онъ мнѣ, о чудеса! о страхъ!
Я вижу, рядомъ съ нимъ самъ отрокъ тотъ опасный,
Чей видъ напечатлѣлъ мнѣ въ память сонъ ужасный;
Я вижу: то жъ лице, и льняный тотъ хитонъ,
И поступь, и глаза, и словомъ точно онъ,
Онъ самъ; шелъ близь жреца, левиты же толпою
Вдругъ окруживъ его, сокрыли предо мною.
Вотъ чѣмъ устрашена осталась здѣсь на часъ,
Да вопрошу о семъ обѣихъ вмѣстѣ васъ.
Что предвѣщаетъ мнѣ, Маѳанъ, мой сонъ чудесный?

ХОРЪ ЧЕТВЕРТАГО ДѢЙСТВІЯ ГОѲОЛІИ.



Ликъ

Идите, чада Аарона,
Воздвигните какъ предки длань
На праведную брань.
Жрецы Господняго закона,
Идите, ревностью горя,
За Бога и Царя.

Голосъ

Гдѣ стрѣлы, гдѣ твой лукъ, о Боже вседержитель?
Уже ль во гнѣвѣ ты къ злодѣямъ изнемогъ?
Почто коснишъ ты, Богъ ревнитель?
Почто ты дремлешъ, мщеній Богъ?

Другой

Гдѣ, щедрый Боже нашъ, твой щитъ благій и твердый?
Гдѣ древняя любовь къ Іаковлимъ сынамъ?
Одни ль грѣхи сочтешъ ты намъ?
Простишъ ли, Боже милосердый?

Ликъ

Покровъ и щитъ Іаковлимъ сынамъ!
Одни ль грѣхи сочтешъ ты намъ?

Голосъ

С҃ъ тобою, Господи, съ тобою
Злодѣи тяжутся войною.
« Оставимъ по лицу земли
« Всѣ праздники его, » гласятъ ихъ сонмы шумны,
« Иль мало мы яремъ его несли?
« Иль будемъ вѣкъ безумны?
« Нѣтъ, храмъ низвергнемъ и олтарь,
« Святыхъ упьемся кровью;
« Онъ, ни помазанникъ имъ избранный любовью,
« Надъ нами да не будетъ Царь: »

Ликъ

Гдѣ стрѣлы, гдѣ твой лукъ, о Боже вседержитель?
Уже ль къ злодѣямъ ты во гнѣвѣ изнемогъ?
Почто коснишъ ты, Богъ ревнитель?
Почто ты дремлешъ, мщеній Богъ?

Голосъ

О вѣтвь отъ корени Царей,
Драгій, послѣдній цвѣтъ прекраснѣйшаго древа,
Едва укрывшійся отъ гнѣва
Свирѣпыя праматери твоей!
Повѣждь, любезный, чѣмъ убійцъ сдержалась злоба:
Не Ангелъ ли тебя одѣлъ крыломъ святымъ?
Иль мертваго изъ гроба
Живаго Бога гласъ воззвалъ тебя къ живымъ?
*

Другой

Отецъ его и дѣдъ законъ твой отвергали;
Но долженъ ли онъ казнь за ихъ вину понесть?
Его ли, Господи, оставишъ въ день печали,
И на него ль обрушишъ месть?

Ликъ

Ахъ! нѣтъ, простри надъ нимъ свой щитъ благій и твердый,
Спаси Царя, о Боже милосердый!

ХОРЪ ИЗЪ ПРОЗЕРПИНЫ

Спокойствіе и миръ опять навѣки съ нами:
Поемъ утѣхи ихъ и хвалимся судьбой.

Гиганты гордые, сражавшіесь съ богами,
Безсильны рушить нашъ покой;
Они погребены подъ тяжкими горами,
Возгроможденными до неба ихъ рукой.
Ихъ вождь надмѣнный легъ предъ нашими очами
Подъ огнедышущей горой;
Его принудилъ Зевсъ: полмертвыми устами
По вѣтру пылъ вражды развѣять злой;
Все пало, всѣ низвержены громами,
И Зевсъ побѣдой кончилъ бой.

Спокойствіе и миръ опять навѣки съ нами:
Поемъ утѣхи ихъ и хвалимся судьбой.

СТРОФА.

Въ дни древности на брегѣ Нила
Толпы отъ черныхъ дикарей
Блескъ чистый дневнаго свѣтила
Хулили дерзостью рѣчей.
Безсильный гнѣвъ! вражда смѣшная!
Межъ тѣмъ какъ груди надрывая
Вотще ихъ буйный сонмъ кричалъ,
Богъ въ небѣ шествуя высокомъ,
Златыхъ лучей огнистымъ токомъ
Ихъ мракъ и злобу освѣщалъ.

МАДРИГАЛЪ.

Въ любви обманутый, съ печали
Селимнъ потоки слезъ лія,
Боговъ разжалобилъ, и дали
Они Селимну видъ ручья.
Его волшебная струя
Цѣлитъ забвеньемъ сердца раны;
И Хлои изпытавъ обманы,
Къ нему вчера прибѣгнулъ я.
Но тщетно я искалъ покоя:
Мѣняя юношъ безъ числа,
И всѣхъ забыть желая, Хлоя
Въ ручьѣ всю воду изпила.

РОНДО

Подъ добрый часъ нашъ богатырь Добрыня
Приспѣлъ на Русь, чтобъ хищный Печенѣгъ
Отъ Кіева стремглавъ пустился въ бѣгъ,
И пала въ прахъ нечистыхъ силъ гордыня.
Гоня, путемъ дорогой на ночлегъ
Пріѣхалъ онъ, Богъ вѣсть куда: пустыня,
Да страшный змѣй ручья стрегущій брегъ.
Копьемъ ударъ, и смерть тебѣ, Горыня,
Подъ добрый часъ.

Оружье снявъ, нашъ витязь головою
Тутъ прямо бухъ въ ручей съ живой водою;
Нырнулъ старикъ, а выплылъ молодецъ.
Какъ жаль, друзья, что это небылицы,
Что дивныхъ струй не стало наконецъ!
Чтобъ вамъ сыскать ихъ, красныя дѣвицы,
Подъ добрый часъ!

РОНДО

Владимірь Князь, объятъ лжевѣрья тьмою,
Злой вѣдьмою обманутъ былъ; она,
Оборотясь красавицей младою,
Зажгла въ немъ кровь, – и новая жена.
Но обочлась въ счету и съ Сатаною:
Не промахъ мужъ, служить принуждена;
И на Херсонъ какъ двинулась война,
Ея умомъ градъ добылъ съ похвалою
Владимірь Князь.

Тутъ заключилъ съ Царьградомъ миръ навѣки,
Крестился самъ, и Русь крестилъ, и Греки
Спрягли его съ ихъ царскою Княжной.
И такъ, кому прямыя нужны вѣсти:
Одно ль житье что съ вѣдьмой что съ женой,
Тому отчетъ отдастъ безъ всякой лести
Владимірь Князь.

ПѢСНЯ.

Хоть мнѣ бѣлый Царь сули
Питеръ и съ Москвою,
Да разстаться онъ вели
Съ Пашей дорогою,
Мой отвѣтъ:
Царь бѣлый! нѣтъ;
Питеръ твой
Передъ тобой;
А мнѣ Питера съ Москвой
Сердце въ Пашѣ
Краше.

АДЪ.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ

Путь жизненный пройдя до половины,
Опомнился я вдругъ въ лѣсу густомъ,
Уже съ прямой въ немъ сбившися тропины.
Есть что сказать о дикомъ лѣсѣ томъ:
Какъ въ немъ трудна дорога и опасна;
Робѣетъ духъ при помыслѣ одномъ,
И малымъ чѣмъ смерть болѣе ужасна.
Что къ благу мнѣ снискалъ я въ немъ, что зрѣлъ,
Все разкажу, и повѣсть не напрасна.
Не знаю самъ какъ я войти успѣлъ;
Такъ сильно сонъ клонилъ меня глубокой,
Что истаго пути не усмотрѣлъ.
Но у горы подножія высокой,
Гдѣ бѣдственной юдоли сей конецъ
Томившей духъ боязнію жестокой,
Взглянулъ я вверьхъ: и на холмѣ вѣнецъ
Сіялъ лучей безсмертнаго свѣтила,
Вожатая заблудшихся сердецъ.
Тутъ начала слабѣть изпуга сила,
Залегшаго души во глубинѣ
Доколѣ ночь ее глухая тьмила;
И какъ пловецъ чуть дышущій, но внѣ
Опасности, взоръ съ брега обращаетъ
Къ ярящейся пожрать его волнѣ;

Такъ духъ мой (онъ еще изнемогаетъ),
Озрѣлся вспять на поприще взглянуть,
Которымъ живъ никто не протекаетъ.
Усталому давъ тѣлу отдохнуть,
Пошелъ я вновь, одной ногѣ другою
Творя подпоръ и облегчая путь.
И вотъ, почти въ началѣ подъ горою,
Проворный барсъ и скачетъ и кружитъ,
Красуяся одѣжды пестротою;
Прочь ни на мигъ отъ глазъ не отбѣжитъ,
И я не разъ сбирался въ путь обратной,
Такъ звѣрь впередъ мнѣ двигаться претитъ.
Часъ ранній былъ, часъ утренній, пріятной,
И солнце вверьхъ въ сопутствѣ звѣздъ текло:
Такъ въ первый день по волѣ благодатной
Прекрасное созданіе пошло.
Кружился барсъ въ пестрѣющей одѣждѣ;
Погода, часъ, мою все душу жгло,
И кожу взять въ корысть я былъ въ надѣждѣ;
Но вдругъ меня, явившись, изпугалъ
Огромный левъ какихъ не видѣлъ прежде;
Онъ на меня, казалось, наступалъ,
Подъявъ главу, и яростный и гладной,
И воздухъ весь отъ рыка трепеталъ.
А вслѣдъ за нимъ волкъ ненасытно жадной,
Пугающій чрезмѣрной худобой,
Губительный алчбою безотрадной.

Толикій страхъ нанесъ онъ мнѣ собой,
Столь видъ его родилъ во мнѣ отврата,
Что я взойти отчаялся душой.
И каково тому кто скопитъ злата,
Какъ все терять придетъ ему чреда:
Тутъ въ мысляхъ плачь и горькая утрата;
Такимъ меня звѣрь сотворилъ тогда,
По малу вспять гоня къ стремнинѣ тѣсной
Гдѣ солнца лучь не свѣтитъ никогда.
Ужъ падалъ я, спаситель вдругъ чудесной
Предсталъ; сперва ни слова онъ не рекъ,
Отъ долгаго молчанья безсловесной.
Узрѣвъ его въ степи пустой отвѣкъ,
Я закричалъ: « Спаси своимъ приходомъ,
« Кто бъ ни былъ ты, хоть тѣнь, хоть человѣкъ. »
Онъ мнѣ: « Я жилъ, давно, съ другимъ народомъ;
« Въ Ломбардіи былъ домъ моихъ отцовъ,
« Изъ Мантуи происходящихъ родомъ.
« Рожденъ въ исходъ Іулія годовъ,
« Я въ Римѣ жилъ при Августѣ державномъ,
« Въ лжевѣріи языческихъ боговъ.
« Я былъ Поэтъ, и пѣлъ о мужѣ славномъ,
« Въ Авзоніи воздвигшемъ новый градъ,
« Когда Пергамъ погибъ въ бою неравномъ.
« Но въ муку ты зачѣмъ идешъ назадъ?
« Что не взойдешъ на холмъ превознесенный,
« Къ началу всѣхъ веселій и отрадъ? —

« Виргилій ты! источникъ ты священный
« Высокихъ словъ ліющихся рѣкой! »
Отвѣтилъ я, стыдясь, челомъ склоненный:
« О честь пѣвцовъ, свѣтильникъ ихъ благой,
« Будь благъ ко мнѣ за долгій трудъ, ученье,
« Любовь къ стихамъ начертаннымъ тобой.
« Ты пѣстунъ мой, и я твое творенье,
« Ты вождь мой, ты мнѣ щедро подарилъ
« Прекрасный слогъ и знающихъ хваленье.
« Зри: вотъ онъ, звѣрь предъ кѣмъ я отступилъ;
« Спаси меня, мудрецъ, въ бѣдѣ толикой:
« Я весь дрожу, и стынетъ кровь средь жилъ. —
« Ты долженъ въ путь идти другой, великой, »
Онъ отвѣчалъ, мой плачь прискорбный зря,
« Чтобъ избѣжать изъ сей пустыни дикой.
« Сей лютый звѣрь, враждой ко всѣмъ горя,
« На сей стезѣ идущему преграда;
« Ввѣкъ не отсталъ души не уморя.
« Столь вреденъ онъ, изкидокъ гнусный ада,
« Что никогда ничѣмъ не насыщенъ,
« И послѣ яствъ еще въ немъ болѣ глада.
« Со многими звѣрьми онъ сопряженъ,
« И будетъ впредь, доколѣ песъ примчится,
« Кѣмъ тощій волкъ погибнетъ загрызенъ;
« Тотъ ни землей ни златомъ не прельстится,
« Премудръ и благъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ:
« Между двухъ Фельтръ великій песъ родится.

« Спасется имъ погрязшая въ бѣдахъ
« Италія, изъ за нее жъ Камилла,
« Низъ, Евріалъ и Турнъ легли во прахъ.
« Изъ града въ градъ его погонитъ сила
« Чудовище, пока запретъ въ аду,
« Отколь его въ свѣтъ зависть испустила.
« Тебѣ добра желаю я, и жду,
« Коль ты за мной пойдешъ въ стезю благую,
« И въ вѣчныя мѣста тебя сведу.
« Услышишъ скорбь отчаянія злую,
« Узришъ всѣхъ вѣкъ страдальцевъ мертвецовъ,
« Гдѣ тщетно смерть зовутъ они вторую;
« Посемъ и тѣхъ, кто скверну смыть грѣховъ
« Надѣяся, въ огнѣ ужъ утѣшенье
« Нашли, и ждутъ со временемъ вѣнцовъ;
« Но ко святымъ чтобъ вознестись въ селенье,
« Душа меня достойнѣйшая есть:
« Ей возвращу тебя во охраненье.
« Небесный Царь, кому я должну честь
« Былъ слѣпъ воздать, въ градъ славою вѣнчанный
« Претитъ войти или другаго ввесть.
« Онъ Царь вездѣ; но тамъ предѣлъ избранный,
« Его чертогъ, держава и престолъ:
« Блаженъ туда Имъ къ вѣчности призванный! »
А я: « Поэтъ, Богъ слышалъ твой глаголъ;
« Веди жъ, молю, симъ Богомъ заклиная,
« Да сихъ спасусь и впредь грозящихъ золъ.

« Хочу узрѣть и дверь святаго рая,
« И грѣшниковъ, по слову твоему,
« Терпящихъ вѣкъ вся горькая и злая. »
Тутъ онъ пошелъ, и я во слѣдъ ему.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ

День изчезалъ, и мракъ вечерній стлался,
И разрѣшалъ живущихъ на земли
Отъ ихъ трудовъ; а я одинъ сбирался
Идти на брань, грозящую вдали
Трудомъ путей и сердца сокрушеньемъ:
Глубоко въ мысль слѣды ихъ залегли.
О Музы! вы мнѣ будьте утвержденьемъ,
О память! ты видѣніе возпой,
И всѣмъ явись божественнымъ внушеньемъ.
Я началъ такъ: « Поэтъ, вожатый мой,
« Смогу ли я, земли пристрастный житель,
« Послѣдовать въ опасность за тобой?
« Ты намъ сказалъ, что Сильвія родитель,
« Живой еще и бренный человѣкъ,
« Дерзнулъ сойти въ нетлѣнную обитель.
« Но если зла нетерпящій отвѣкъ
« Былъ благъ къ нему, тѣхъ ради дѣлъ и славы
« Какія самъ сынамъ его предрекъ,

« Сіе пойметъ въ комъ умъ и мысли здравы:
« Тотъ что онъ былъ избранъ въ небесахъ
« Отцемъ Римлянъ и вѣчной ихъ державы;
« И (чтобъ сказать всю правду мнѣ въ словахъ)
« Преемниковъ апостольскихъ столицей
« Да будетъ Римъ, Петра хранящій прахъ.
« Герой твой въ адъ низшедъ съ Кумейской жрицей,
« Тамъ свѣдалъ чѣмъ достигнетъ онъ побѣдъ,
« И послѣ Папъ украситъ багряницей.
« Въ рай проложилъ сосудъ избранный слѣдъ,
« Чтобъ утвердить въ сердцахъ святую вѣру,
« И въ ней принесть спасеніе отъ бѣдъ.
« Но мнѣ ли ихъ послѣдовать примѣру?
« Я ни Эней, ни Павелъ, и въ себѣ
« Не зрю и самъ достоинства чрезъ мѣру;
« Такъ, что пустясь и волю давъ судьбѣ,
« Боюсь снискать безумнаго названье:
« Ты мудръ, и мысль моя видна тебѣ. »
Какъ человѣкъ, мѣняющій желанье,
И новое затѣявшій умомъ,
Вдругъ первое отброситъ начинанье;
Такъ послѣ думъ въ ущельи мрачномъ томъ
Я охладѣлъ, какъ ни спѣшилъ сначала,
На подвигъ свой усердіемъ влекомъ.
« Коль рѣчь твою я понялъ, » отвѣчала
Великая Виргиліева тѣнь,
« Отъ робости душа въ тебѣ упала.

« Она людей и многихъ, каждый день,
« Мутя ихъ умъ, отъ дѣлъ отводитъ честныхъ:
« Такъ въ сумракѣ всего дрожитъ олень.
« Знай, страховъ сихъ не слушаясь невмѣстныхъ,
« Что моего пришествія вина:
« Съ другими я въ преддверьяхъ ада тѣсныхъ
« Былъ; предо мной явилася жена
« Блаженная, съ такимъ лицемъ прекраснымъ
« Что я спросилъ: что повелитъ она?
« Глаза ея звѣздамъ подобны яснымъ,
« Рѣчь тихая стройнѣй небесныхъ лиръ;
« Такъ молвила языкомъ сладкогласнымъ:
« Сынъ Мантуи! съ тобой да будетъ миръ,
« Нерушимый, какъ слава пѣснопѣнья
« Которымъ весь ты удивляешь міръ.
« Мой другъ, судьбы извѣдавшій гоненья,
« Въ глухой степи преткнутъ въ пути своемъ,
« Побѣгъ назадъ отъ страха и томленья;
« И въ небѣ я то слышала о немъ
« Что я боюсь, въ семъ затрудненьи новомъ
« Погибнетъ онъ и мы ужъ не спасемъ:
« Спѣши жъ къ нему, чѣмъ можешъ только, словомъ
« И дѣломъ, духъ въ немъ ободри къ трудамъ,
« Утѣшъ меня, и будь ему покровомъ.
« Меня влечетъ желанье къ тѣмъ мѣстамъ
« Отколь пришла; узнай: я Беатрика;
« Любовь моимъ внушила рѣчь устамъ;

« И Божія сподобясь въ небѣ лика, —
« Предъ Нимъ тобой я похвалюсь, о другъ! —
« Замолкла; я жь въ отвѣтъ: Жена велика,
« Кѣмъ родъ людей, грѣха и смерти слугъ,
« Веселія странъ звѣздныхъ достигаетъ,
« Свершающихъ по небу меньшій кругъ!
« Столь твой приказъ мой разумъ возхищаетъ,
« Что я горю свершить его скорѣй,
« И мнѣ о немъ твердить не подобаетъ.
« Но изъясни: къ юдоли низкой сей
« Какъ можешъ ты сходить безъ опасенья
« Отъ горнія обители твоей? —
« Коль тайны сей желаешъ объясненья,
« Я краткій дамъ, рекла она, отвѣтъ:
« Почто сюда я не боюсь вхожденья.
« Страшиться насъ разсудка учитъ свѣтъ
« Вещей и дѣлъ вредомъ своимъ опасныхъ,
« А не другихъ въ которыхъ страха нѣтъ.
« Хвала Творцу во благостяхъ всевластныхъ,
« Коснуться мнѣ скорбь ваша не сильна,
« И нѣтъ огней ни казней мнѣ ужасныхъ.
« Есть въ небеси пречистая жена;
« Опасность зря, въ чемъ помощи взыскую
« Твоей, скорбитъ и сѣтуетъ она;
« И Лучію призвавъ къ себѣ благую,
« Ей молвила: Поклонникъ гибнетъ твой,
« И я тебѣ спасти его дарую. —

« И жалостью горящая святой
« Вмигъ Лучія явилася предъ нами,
« Вѣкъ дружными, Рахилію и мной;
« И мнѣ: Творца поющая хвалами!
« Спаси того, кто изъ любви къ тебѣ
« Достоинствомъ вознесся надъ толпами;
« Услыши плачь нещастнаго въ борьбѣ
« Со смертію средь волнъ рѣки, которой
« Уступитъ понтъ въ корыстной похвальбѣ. —
« Вѣкъ не спѣшилъ никто столь волей скорой
« Для пользъ своихъ иль избѣжанья зла,
« Какъ я въ тотъ мигъ; ты жъ будь ему опорой:
« Затѣмъ отъ мѣстъ блаженныхъ я сошла;
« И мудрыхъ словъ надѣюсь взпоможенья,
« Въ которыхъ вѣкъ жива твоя хвала.—
« Симъ кончила она свои прошенья;
« И свѣтлый взоръ заплаканныхъ очей
« Во мнѣ еще удвоилъ силу рвенья;
« И я сюда пришелъ въ угодность ей,
« И спасъ тебя отъ алчущаго звѣря
« Съ горы святой гонящаго людей.
« Почто жъ, труда и силы не измѣря,
« Стоишъ? какой въ душѣ постыдный страхъ?
« Почто нейдешъ, надѣяся и вѣря,
« Когда сихъ три, избранныя въ женахъ,
« Отъ горнихъ странъ бдятъ взоромъ надъ тобою.
« И столько благъ сулятъ въ моихъ рѣчахъ?»

Какъ стужею согбенные ночною,
Цвѣты въ поляхъ при тепломъ свѣтѣ дня
На стеблѣ вновь вздымаются главою,
Такъ я возсталъ, полнъ бодрости огня;
И страха чуждъ, весь духомъ обновленной,
Учителю отвѣтилъ не косня:
« О слава ей въ добротахъ несравненной,
« И честь тебѣ, спѣшившему творить
« По волѣ ихъ святой и неизмѣнной!
« Ты мысль мою вполнѣ умѣлъ склонить;
« И убѣжденъ премудрыми словами,
« Начатое хочу я довершить.
« Будь власть твоя единая надъ нами,
« Будь пѣстуномъ, владыкой и вождемъ. »
Такъ я сказалъ, и за его стопами
Пошелъ во тьмѣ невѣдомымъ путемъ.

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ

« Войдите мной въ страданье неизбѣжно;
« Войдите мной въ градъ скорбей безъ конца;
« Войдите мной къ погибшимъ безнадѣжно.
« Творенье я правдиваго творца,
« Всевластнаго, премудраго, благаго,
« Въ трехъ свойствахъ три имущаго лица.

« Первѣй меня созданья нѣтъ инаго,
« И всѣ прейдутъ; конца жъ не будетъ мнѣ:
« Входящіе! надѣжды нѣтъ для злаго. » —
Сіи слова надъ дверью на стѣнѣ
Я прочиталъ, и молвилъ вопрошая:
« Учитель мой, я не пойму вполнѣ. »
Въ отвѣтъ же онъ, вопросъ мой разрѣшая:
« Здѣсь вѣрою да крѣпнетъ человѣкъ,
« Здѣсь да умретъ въ немъ суета земная:
« Се мѣсто, я тебѣ о коемъ рекъ;
« Здѣсь съ благомъ ихъ отъ вѣчныя разлуки
« Скорбятъ душой погибшіе навѣкъ. »
Тутъ онъ съ лицемъ веселымъ наши руки
Сложивъ, и тѣмъ осмѣливъ, за собой
Ввелъ въ таинства сего жилища муки.
Тамъ вздохи, плачь, страдальцевъ громкій вой,
Тамъ безъ числа разносятся рыданья
По воздуху одѣянному мглой.
Языковъ смѣсь, ужасныя вѣщанья,
То грустныхъ гласъ, то яростныхъ рѣчей,
Крикъ, скрежетъ, рукъ отчаянныхъ плесканья,
Сливаются въ юдоли мрачной сей
Въ несносный шумъ, безъ отдыха кружимый,
Какъ вихремъ прахъ взвиваемый съ полей.
И я, въ умѣ сомнѣньемъ одержимый,
Сказалъ: « Кто сей какъ на морѣ валы
« Несчетный сонмъ, печалію томимый? »

Учитель мой: « Сіи суть чада мглы,
« Чей праздный вѣкъ, безъ всякихъ дѣлъ отмѣнныхъ,
« Не заслужилъ ни чести ни хулы.
« Ихъ доля здѣсь средь Аггеловъ презрѣнныхъ,
« Не смѣвшихъ стать ни на Бога войной,
« Ни за него, къ себѣ лишь прилѣпленныхъ.
« Гнушаяся ихъ срамной теплотой,
« Ихъ небеса высокія изгнали,
« И низкій адъ въ провалъ не принялъ свой. —
« Учитель мой, почто жъ въ такой печали
« Толь тяжкій стонъ я слышу ихъ? — Отвѣтъ
« Я краткій дамъ: въ отчаяніе впали
« Бездушные; на смерть надѣжды нѣтъ,
« О житіи возпомнить нестерпимо;
« Забвеніемъ забылъ ихъ цѣлый свѣтъ,
« И зависть въ нихъ ко всѣмъ необходимо;
« Нѣтъ милости имъ Божьей, ни суда.
« Оставимъ рѣчь о нихъ: взгляни и мимо. »
И я, взглянувъ, хоругвь узрѣлъ тогда,
Бѣгущую съ толикой быстротою
Что, кажется, не стать ей никогда;
И длинною во слѣдъ ея грядою
Тьмы темъ людей: повѣрить льзя съ трудомъ
Чтобъ столькихъ смерть посѣчь могла косою.
И нѣкихъ я въ лице узналъ потомъ:
Здѣсь юноша, отъ вѣчной жизни рая
Отшедый вспять чтобъ жить съ земнымъ добромъ.

Тутъ я постигъ, что смѣсь то не благая
Тѣхъ, коихъ Богъ не терпитъ изкони,
Ни злыхъ духовъ дружина проклятая.
Злощастныхъ сихъ (вѣкъ не жили они),
Съ главы до ногъ для казни обнаженныхъ,
Зло жалили и осы и слѣпни;
Струилась кровь съ ланитъ ихъ уязвленныхъ,
И съ токомъ слезъ смѣсившись, на земли
Служила въ снѣдь толпѣ червей презрѣнныхъ.
Потомъ, смотря, увидѣлъ я вдали
На берегу рѣки людей стоящихъ,
И такъ сказалъ: « Вождь мой, благоволи
« Повѣдать мнѣ о сихъ туда спѣшащихъ:
« Кто суть они, и что со всѣхъ сторонъ,
« Какъ зрю отсель, сгоняетъ ихъ стенящихъ? —
« Узнаешъ все, дождись, » отвѣтилъ онъ,
« Какъ берега достигнемъ мы крутова,
« Гдѣ катится печальный Ахеронъ. »
Я въ землю взоръ потупивъ, смолкнулъ снова,
И скучныхъ сихъ стыдясь вопросовъ самъ,
Вплоть до рѣки не смѣлъ промолвить слова.
И се въ ладьѣ плыветъ на встрѣчу намъ
Старикъ, отъ лѣтъ власы имущій бѣлы:
« Преступники, » кричитъ онъ, « горе вамъ!
« Вамъ небеса затворены веселы,
« И я васъ взять на оный брегъ готовъ,
« Во мразъ и въ пылъ и вѣчной тьмы въ предѣлы;

« А ты, душа живая, кто таковъ?
« Прочь, прочь! чего здѣсь ждешъ ты съ мертвецами? »
Но зря, что я отъ сихъ не движусь словъ:
« Инымъ путемъ, иными » рекъ, « волнами
« Легчайшая снесетъ тебя ладья
« Ко пристани назначенной судьбами. »
Ему же вождь: « Харонъ, въ сіи края
« По волѣ тѣхъ идетъ онъ, чье желанье
« Законъ: молчи жъ, рѣчь суетна твоя. »
И кормчаго пресѣклося вѣщанье,
Сперлись уста, лишь гнѣвное очей
Кружащихся удвоилось сверканье.
Но строгій къ нимъ внявъ гласъ его рѣчей,
Въ лицѣ смутясь, заскрежетавъ зубами,
Всѣ мертвецы завыли отъ скорбей;
Всѣ Бога вслухъ безчестили хулами,
Отца и мать, рожденья мѣсто, часъ,
Весь родъ людской, себя впослѣдокъ сами.
Потомъ, еще возвысивъ слезный гласъ,
Стеклись на брегъ злощастный, осужденный,
Всѣхъ ждущій въ комъ Господень страхъ погасъ.
Тутъ бѣсъ Харонъ, глазами угль разженный,
Скликаетъ ихъ, коснящихъ бьетъ весломъ,
Къ стенаньямъ глухъ, къ слезамъ ожесточенный.
Какъ осенью несчетные числомъ
Листы деревъ падутъ, падутъ все время
Доколѣ лѣсъ устелется ковромъ,

Несчетно такъ Адама злое сѣмя;
И какъ соколъ на кликъ привычный свой,
На зовъ пловца такъ мечется ихъ племя.
И черною плывутъ они рѣкой;
И тамъ едва на брегъ одни вступаютъ,
Ужъ здѣсь другихъ скопился новый строй.
Учитель мнѣ: « Тѣ, кои умираютъ
« У Господа подъ гнѣвомъ, во грѣхахъ,
« Сюда, мой сынъ, отвсюду притекаютъ;
« И не коснятъ здѣсь долго на брегахъ:
« Богъ не даетъ имъ отдохнуть нимало,
« И всякаго сильнѣй желанья страхъ.
« Здѣсь добрыхъ душъ отвѣка не бывало:
« Дивился ты, Харона рѣчь внемля;
« Теперь поймешъ что слово означало. »
Вдругъ потряслись безсвѣтныя поля:
Невольный страхъ въ мои проникнулъ жилы.
Вдругъ треснула разсѣвшаясь земля,
И взвился вѣтръ, разкинувъ шумны крилы;
Багровый лучь тьму озарилъ кругомъ:
Ни памяти не стало вдругъ, ни силы,
И палъ я ницъ, объятый тяжкимъ сномъ.

УГОЛИНЪ

Подъялъ уста сей грѣшникъ изступленной
Отъ страшныхъ яствъ, утеръ ихъ по власамъ
Главы имъ въ тылъ зубами уязвленной,
И началъ такъ: « Ты хочешь, чтобъ я самъ
Скорбь разтравилъ, несноснѣйшее бремя
Душѣ моей и сердцу и уму;
Но коль слова мои должны быть сѣмя,
И плодъ ихъ срамъ злодѣю моему,
И рѣчь и плачь услышишь въ тоже время.
Не знаю я кто ты, ни почему
Достигъ сюда; звукъ словъ внимая стройный,
Флоренціи, я мню, ты гражданинъ;
Такъ знай: мой врагъ Епископъ недостойный
Рогеръ, а я нещастный Уголинъ.
И вотъ за что сосѣдъ я здѣсь злодѣю:
Измѣною приставъ къ моимъ врагамъ,
Онъ предалъ имъ меня съ семьей моею,
И смертію казненъ я послѣ тамъ;
Но смерть ничто, когда правдивой вѣсти
Ты не слыхалъ о томъ какъ умеръ я;
Узнавъ о всемъ, суди я правъ ли въ мести.
Сквозь тѣсныхъ окнъ темницы моея
(Ее по мнѣ зовутъ темницей глада,
Въ ней многихъ былъ нещастныхъ слышенъ стонъ)

Ужъ зрѣлся мнѣ, затворниковъ отрада,
Свѣтъ дня, какъ вдругъ мнѣ злой приснился сонъ:
Судьба моя въ немъ вся открылась взору.
Приснилось мнѣ, что онъ разставилъ сѣть,
И волка гналъ съ волчатами на гору,
Претящую отъ Пизы Лукку зрѣть.
Псы тощіе, сообщники злодѣя,
Служа ему, гналися за звѣрьми,
И вскорѣ, силъ для бѣга не имѣя,
Имъ пойманы въ сѣтяхъ отецъ съ дѣтьми;
Набѣгли псы, и гладомъ свирѣпѣя,
Терзали ихъ зубами и ногтьми.
Испуганный предвѣстьемъ страшнымъ неба,
Я слышу, вставъ, дѣтей моихъ сквозь сна:
Всѣ плачутъ, всѣ на пищу просятъ хлѣба . . .
Жестокъ же ты, когда и мысль одна
Про скорбь мою тебя не вводитъ въ слезы!
О чемъ же ввѣкъ заплакать можешъ ты?
Межъ тѣмъ приспѣлъ обычный часъ трапезы;
И всѣ, боясь мной видѣнной мечты,
Мы ждали яствъ и слышимъ стукъ: желѣзы
Звучатъ въ низу, темничной башни дверь
Вдругъ заперлась; я на дѣтей невольно
Взглянулъ, безъ словъ, недвижимъ какъ теперь;
Не плакалъ я, но сердцу было больно.
Меньшой изъ нихъ заплакалъ и вскричалъ:
Что страшно такъ глядишь на насъ, родитель?
Ни слова я ему не отвѣчалъ,

Молчалъ весь день, всю ночь, доколь обитель
На утро намъ лучь солнца освѣтилъ.
При свѣтѣ томъ, взглянувъ на дверь темницы
И на дѣтей, моихъ не стало силъ:
Гладъ изказилъ прекрасныя ихъ лицы,
И руки я, отчаянъ, укусилъ.
Сыны же, мня что гладъ я свой руками
Хочу питать, всѣ встали, подошли:
Родитель нашъ! сказали, лучше нами
Насыться; ты сей плотью отъ земли
Одѣлъ насъ, ты и снимешъ: мы согласны.
Я смолкъ опять, и дѣти сироты
Два дни, какъ я, сидѣли всѣ безгласны:
Сыра земля! не разступилась ты!
Четвертый день мы наконецъ встрѣчаемъ;
Мой старшій сынъ упалъ къ моимъ ногамъ,
Взкричавъ: Отецъ! дай помощь, умираемъ . . .
И умеръ съ тѣмъ. Какъ зришъ меня, такъ самъ
По одному, я зрѣлъ, и всѣ другіе
Попадали; ослѣпнувъ, я блуждалъ
Три дни по нимъ, будилъ тѣла драгія,
И мертвыхъ ихъ три ночи призывалъ.
Потомъ и самъ я слегъ между сынами.»
Такъ кончилъ онъ, и въ бѣшенствѣ корысть,
Главу врага, вновь ухвативъ зубами,
Какъ алчный песъ, сталъ крѣпкій черепъ грызть.

ОКТАВЫ

ИЗЪ БЕШЕНАГО РОЛАНДА.

La verginella è simile alla rosa. *canto* I.

Красавица какъ роза молодая:
Доколь она, родимыхъ честь садовъ,
Въ нихъ кроется безпечно почивая,
Сбережена отъ стадъ и пастуховъ;
Лелѣетъ вѣтръ, заря поитъ росою,
Любима всѣмъ, и небомъ и землею,
И споръ у дѣвъ: кому ее сорвать,
Чьи волосы, чью грудь ей украшать.

Но чуть ее сорвутъ съ куста роднова
И сломятъ стебль, иная ей чреда:
Любви людей, благихъ небесъ покрова,
И всѣхъ даровъ лишилась навсегда.
Такъ дѣвицѣ назначенъ трудъ прилѣжный:
Какъ свѣтъ очей, какъ жизнь беречь свой нѣжный
Цвѣтокъ; не то, при всей красѣ она
Влюбленнымъ всѣмъ постыла и скучна.

Liete piante, verdi erbe, limpid' acque. *Canto* XXIII.

Цвѣтущій лѣсъ, луга, ручей прохладной,
Пещера, гдѣ роскошствуя въ тѣни
Съ прекрасною Ангеликой, въ отрадной
Златой любви такъ быстро мчались дни!
(По ней толпа влюбленныхъ воздыхала;
Она въ моихъ объятьяхъ почивала.)
Чѣмъ бѣдный я Медоръ, какой цѣной
Васъ награжу какъ не души хвалой?

❦

Всѣхъ васъ молю: и юныхъ дѣвъ пригожихъ,
И рыцарей кому любовъ мила,
Живущихъ здѣсь, проѣзжихъ и прохожихъ,
Хоть воля васъ, хоть нужда привела.
Лугамъ, древамъ, цвѣтамъ, водамъ скажите:
« Щастливые, подъ солнцемъ вѣкъ живите. »
Вы жъ, Нимфы, ихъ блюдите отъ вреда;
Гоните прочь и бури и стада.

ОКТАВЫ
ИЗЪ ОСВОБОЖДЕННАГО ІЕРУСАЛИМА.

Canto l'armi pietose, e'l capitano. *Canto* I.

Святую брань, и подвигъ воеводы
Пою, кѣмъ гробъ освобожденъ Христа.
Вотще, сполпясь, противились народы,
И адовы метали огнь врата.
Великъ въ дѣлахъ онъ былъ умомъ и дланью;
Великій трудъ претпилъ завоеванью;
Но помощь Богъ послалъ ему, и самъ
Вновь собралъ рать къ священнымъ знаменамъ.

Cosi di naviganti audace stuolo. *Canto III.*

Такъ на морѣ пловцы отваги полны,
Въ безвѣстный имъ заброшенные свѣтъ:
Ихъ носитъ вѣтръ, играютъ ими волны,
И на небѣ звѣзды знакомой нѣтъ;
Завидя брегъ, въ веселіи великомъ
Его въ дали честятъ привѣтнымъ кликомъ:
« Брегъ, брегъ, » твердятъ другъ другу, и тогда
Забытъ и трудъ и горе и бѣда.

Chiama gli abitator dell' ombre eterne. *Canto IV.*

Всѣхъ жителей нѣдръ Тартара подземныхъ
Сзываетъ ревъ трубы жилища мукъ.
Дрожатъ чрева пещеръ пространныхъ, темныхъ,
И сводовъ гулъ во мглѣ сугубитъ звукъ.
Не такъ глушитъ громъ горніе предѣлы,
Когда съ небесъ бьютъ въ землю молній стрѣлы;
Не такъ дрожитъ, колеблясь, твердь горы,
Коль рвутся вонъ въ ней спертые пары.

D'un bel pallor hà il bianco volto asperso. *Canto XII.*

Лице ея смерть блѣдностью покрыла,
Померкнула въ немъ бѣлизна лилей;
Взоръ гаснущій на небо устремила,
И жалостью подвиглось небо къ ней.
И рыцарю на вѣчную разлуку
Красавица хладѣющую руку,
Безмолвствуя, въ знакъ мира подала,
И тихо въ смерть какъ въ сладкій сонъ прешла.

Esce allor della selva un suon repente. *Canto XIII.*

Чудесный звукъ износится изъ рощи,
Какъ гулъ, когда земли дрожитъ изподъ,
Какъ бури свистъ среди осенней нощи,
Какъ шумъ со скалъ свергающихся водъ.
Медвѣжій ревъ въ немъ слышенъ, льва рыканье,
Шипѣнье змѣй, и волчье завыванье,
И ржанье трубъ, и частыхъ громовъ стукъ,
И звуки всѣ въ единый слиты звукъ.

СОНЕТЪ.

Италія! Италія! зачѣмъ
Тебя судьба ущедрила красою?
Сей вредный даръ неразлучимъ съ тобою,
И корень онъ твоимъ нещастьямъ всѣмъ.

Будь менѣе прекрасна ты собою,
Иль болѣе сильна владѣть мечемъ,
Чтобъ не пылалъ къ тебѣ любви огнемъ,
Чтобъ не губилъ пришлецъ тебя войною.

Не зрѣлъ бы я съ Альпійскихъ горъ тогда
Сходящихъ войскъ, и хищнаго сосѣда
Въ кровавомъ По піющія спада;

Враговъ твоихъ я не нашелъ бы слѣда,
И налогать не смѣли бы всегда
Намъ равныхъ узъ разбитье и побѣда.

РОМАНСЫ О СИДѢ (5)

1.

Донъ Діегъ сидѣлъ печальный,
Ввѣкъ никто такъ не страдалъ.
Грустно думалъ днемъ и ночью
Что его поруганъ домъ;
Домъ поруганъ старый, храбрый,
Лайнецовъ извѣстный домъ:
Онъ Инигосовъ во славѣ
И Абаркосовъ мрачилъ.
Слабъ отъ лѣтъ, обиженъ страшно,
Къ гробу близится Донъ Дьегъ,
Между тѣмъ какъ врагъ Донъ Гормасъ
Въ безопасномъ торжествѣ.
Такъ безъ сна онъ и безъ пищи
Потупивъ глаза сидитъ,
За порогъ ногой не ступитъ
И ни съ кѣмъ не говоритъ.
Другъ его придетъ утѣшить,
Онъ не слышитъ словъ его:
Обезчещенный боится
Ближнихъ духомъ заразить.
Наконецъ скидаетъ бремя
Онъ безмолвныя тоски,
Сыновей своихъ сзываетъ,
Но и тѣмъ не говоритъ;
Только всѣмъ веревкой руки
Тутъ же самъ перевязалъ.

Всѣ они его съ слезами
Просятъ чтобъ пришелъ въ себя.
Онъ почти ужъ безъ надѣжды,
Какъ Донъ Родригъ, младшій сынъ,
Вдругъ и радость и надѣжду
Возвращаетъ старику.
Онъ какъ левъ сверкнулъ очами,
Отстранился отъ отца:
« Забываешъ развѣ, » молвилъ,
« И кто я и кто ты самъ?
« Если бъ ты своей рукою
« Не далъ прежде мнѣ меча,
« И ножа бы мнѣ достало
« Чтобы срамъ такой пресѣчь. »
Слезы радости ручьями
Полились у старика:
« Ты, » сказалъ онъ, обнимая,
« Ты, мой Родригъ, ты мой сынъ:
« Гнѣвомъ ты меня утѣшилъ,
« И досадой изцѣлилъ;
« Только не отцу, мой Родригъ,
« Дома нашего врагу
« Смертью отомсти. – А гдѣ же »
Молвилъ Родригъ, « кто посмѣлъ
« Насъ безчестить? » и Донъ Дьегу
Молвить слова не даетъ.

2.

Родригъ шелъ и думалъ думу:
О безчестіи отца,
О годахъ своихъ цвѣтущихъ,
И могуществѣ врага.
Тьму друзей имѣетъ Гормасъ
Во Астуріи горахъ;
Первый онъ и на сраженьи,
И въ совѣтѣ Короля.
Но однако, если взпомнитъ
Онъ безчестіе отца,
Что при немъ все остальное?
Лишь бы правымъ Богъ помогъ!
Храбрость долгъ ему священный,
Юность тоже не порокъ;
А за честь въ хорошемъ домѣ
Малымъ дѣтямъ смерть легка.
Спѣшно мечь съ стѣны снимаетъ,
Мечь, который въ старину
Бастардъ доблестный Мударда
При бедрѣ своемъ носилъ:
Мечь висѣлъ какъ бы печальный
Что имъ некому владѣть.
Передъ тѣмъ какъ опоясать,
Родригъ молвилъ такъ мечу:
« Слушай, мечь на свѣтѣ славный!
« За тебя взялась рука

« Не подлѣй руки Бастарда,
« Хоть еще не такъ сильна.
« Взадъ она ужъ не погнется
« Какъ махнетъ тобой въ бою.
« Мечь! ты скованъ изъ булата,
« И въ груди моей булатъ;
« Прежній былъ твой храбръ хозяинъ,
« И со мною нѣтъ стыда.
« Если жъ ты со мной безчестье
« Встрѣтишь, отжилъ ты свой вѣкъ.
« Долго ты въ ножнахъ какъ сонный
« Пролежалъ: ступай на свѣтъ;
« Часъ насталъ чтобъ намъ съ тобою
« Мести правой добывать. »
Тихо, чтобъ никто не свѣдалъ,
Родригъ изъ дому пошелъ,
И часа не проходило
Какъ онъ встрѣтился съ врагомъ.

3

Графа Гормаса Донъ Родригъ
Предъ дворцемъ на площади
Встрѣтилъ, двое ихъ и было;
Слово молвилъ онъ ему:
« Зналъ ли ты, скажи, Графъ Гормасъ,
« Что есть сынъ Донъ Дьеговъ, я,
« Какъ рукой ты смѣлъ коснуться
« До почтеннаго лица?
« Зналъ ли ты, что родъ Донъ Дьега
« Лаинъ Кальва древній родъ,
« Что нѣтъ въ свѣтѣ благороднѣй
« Ихней крови и щита?
« Зналъ ли ты, что я покуда
« Живъ, не только человѣкъ,
« Врядъ ли самъ Господь небесный
« Даромъ сдѣлать могъ что ты? —
« Ты, » отвѣтилъ гордый Гормасъ,
« Знаешь ли полвѣка что?
« Юноша! — Да, » молвилъ Родригъ,
« Знаю, и тебѣ скажу:
« Въ томъ нашъ долгъ, одинъ полвѣка:
« Какъ достойныхъ уважать,
« А другой: какъ за обиду
« Дерзновеннымъ отомщать,
« И смывать послѣдней кровью
« Стыдъ. » Сказавъ сіи слова,

Поглядѣлъ въ глаза онъ Графу;
Графъ же гордый отвѣчалъ:
« Юноша, чего жъ ты хочешъ? –
« Головы твоей хочу, »
Молвилъ Сидъ, « я такъ поклялся. –
« Биться хочешъ ты дитя »
Молвилъ Гормасъ, « какъ ребенка
Надо наказать тебя. »
Мати Божья! всѣ святыя!
Какъ гнѣвъ Сида разказать?

4.

Слезы тихія катились
По ланитамъ старика.
Онъ сидѣлъ на столъ оперши́сь,
Все забылъ вокругъ себя.
Думалъ онъ: мой домъ поруганъ;
Думалъ онъ: мой сынъ такъ юнъ;
Думалъ онъ: ему опасно
Съ сильнымъ мѣряться врагомъ.
Все съ безчестьемъ отлетаетъ:
Радость, смѣлость и покой;
Всѣ онѣ съ одною честью
Возвращаются назадъ.
Углубленъ въ печальной думѣ,
И не видитъ онъ какъ сынъ
Входитъ, мечь держа подъ мышцей,
Руки сложены на грудь.
Долго съ жалостью онъ смотритъ
На отца на старика;
Подошелъ къ нему, взялъ руку:
« Ѣшь старикъ, » ему сказалъ,
Указалъ на столъ накрытый;
Пуще слезы потекли
У Донъ Дьега: « Ты ли, Родригъ,
« Ты ли это молвилъ мнѣ? —
« Я, родитель, подними же
« Благородное лице. —

« Развѣ нѣтъ ужъ намъ безчестья ? —
« Нѣтъ, родитель: онъ убитъ. —
« Сядь же рядомъ, сынъ мой Родригъ,
« Я готовъ съ тобой поѣсть;
« Кто его убилъ въ сраженьи
« Первый въ родѣ томъ своемъ. »
На колѣняхъ плакалъ Родригъ,
Руку старца лобызалъ;
А Донъ Дьегъ лобзая сына
Плакалъ вдвое отъ души.

5.

Конской топотъ, говоръ шумный,
Кликъ и бѣганье и стонъ,
И оружья звукъ въ Бургосѣ
У палаты Короля.
Вышелъ спѣшно изъ покоевъ
Донъ Фернандо, самъ Король;
Всѣ придворные бояре
Вслѣдъ ему пошли къ дверямъ.
У дверей стоитъ Химена,
Разметавши волоса,
Обливается слезами,
Пала въ ноги Королю.
А Донъ Дьегъ съ другаго края;
Триста храбрыхъ съ нимъ мужей,
И межъ ними самъ Донъ Родригъ,
Изъ Кастильцевъ молодецъ.
Всѣ сидятъ на мскахъ верьхами,
Только Родригъ на конѣ;
Всѣ тутъ въ замшеныхъ перчаткахъ,
А въ желѣзныхъ онъ одинъ;
Всѣ они въ шелку и въ златѣ,
Онъ же въ латахъ боевыхъ.
И народъ, какъ ихъ завидѣлъ,
И весь дворъ, какъ вышелъ къ нимъ,
Всѣ вскричали: « Посмотрите,
« Отрокъ Гормаса убилъ! »

Тутъ Донъ Родригъ оглянулся,
Громко молвилъ: » Кто изъ васъ
« Графа смертію обиженъ,
« Другъ иль ближній иль родной?
« Пусть хоть конный онъ, хоть пѣшій
« Выйдетъ. » Всѣ ему въ отвѣтъ:
« Развѣ чортъ съ тобою драться
« Выйдетъ на свою бѣду. »
Триста всадниковъ поспѣшно
Всѣ слѣзали съ мсковъ своихъ,
Королю къ рукѣ ходили;
Лишь остался на конѣ
Родригъ. » Слѣзь съ коня, сынъ Родригъ, »
Тутъ сказалъ ему отецъ,
« Поцѣлуй Фернанду руку. —
« Если ты велишъ, пожалуй:
« Я съ охотою сойду. »

6.

Рвется въ горести Химена,
Слово молвитъ Королю;
Слезы такъ изъ глазъ и льются,
Такъ и блещетъ въ нихъ она:
Отъ печали вдвое краше,
Словно роза подъ дождемъ;
Отъ печали неутѣшной
Щеки какъ огонь горятъ;
Рѣчь сложить и можно въ пѣсню,
Взглядовъ и красы не льзя.
« Государь, » она сказала,
« Правосудья я прошу.
« Имъ зарѣзанъ мой родитель,
« Онъ его ужалилъ, змѣй!
« Гормаса, который часто
« Тронъ твой и тебя спасалъ;
« Гормаса, потомка храбрыхъ
« Чьи съ Пелагомъ знамена,
« Королемъ христолюбивымъ
« Первымъ, родину спасли;
« Гормаса, который вѣру
« Самъ святую охранялъ,
« Слылъ и страхомъ Альманзоровъ,
« И красой своей земли,
« И твоей короны царской
« Первымъ камнемъ дорогимъ.

« Судъ, Король, а не пощада!
« Долгъ твой слабымъ помогать.
« Царь пристрастный недостоинъ
« Службы рыцарей своихъ,
« Ни любви своей царицы,
« Ни лобзанья отъ нее.
« Ты же, Родригъ, ты, звѣрь лютый,
« Проколи и грудь мою;
« Я тебѣ ее открою:
« Будь убійцей и моимъ.
« И зачѣмъ щадить ты станешъ
« Дочь, отнявъ у ней отца?
« И зачѣмъ щадить врагиню
« Впредь отнынѣ навсегда?
« Мщенья я прошу отъ неба,
« Мщенья отъ всей земли,
« Мщенья надъ тобой. »—Донъ Родригъ
Смолкъ, поворотилъ коня,
Самъ спиною повернулся
Всѣмъ тутъ рыцарямъ, вождямъ;
Ждалъ не будетъ ли погони,
Но никто не погнался.
Лишь увидѣла Химена,
Пуще закричала всѣмъ:
« Мщенья, други, мщенья, крови!
« Я отмстителю цѣна. »

7.

У стола сидѣлъ Фернандо
Въ Бургосѣ въ своемъ дворцѣ,
Какъ Химена въ черномъ платьѣ
Вся въ слезахъ къ нему пришла.
Съ видомъ скромнымъ, благороднымъ,
Молвитъ грустныя слова:
« Государь, подай защиту
« Мнѣ нещастной сиротѣ;
« Мать моя въ тоскѣ скончалась,
« И наслѣдство мнѣ отъ ней
« Стыдъ несглаженный: убійца
« Дома нашего живетъ.
« Каждый день надмѣнный Лайнецъ
« Мнѣ является въ глаза;
« Каждый день верьхомъ у оконъ
« Ѣздитъ съ ловчимъ соколомъ:
« Голубей моихъ онъ травитъ;
« Самъ взгляни, о Государь:
« Кровь любимыя голубки
« На груди моей видна.
« Я ему и запрещала,
« Но какой онъ далъ отвѣтъ!
« Государь, прочти что пишетъ
« Онъ въ насмѣшку надо мной:»

Донъ Хименъ.

Почтенная Дона, Химена драгая,
Ты сѣтуешь въ томъ на меня,
Что много за ловлей я птицъ разъѣзжая
Извелъ голубей, соколомъ ихъ гоня.
Мы каждое утро гуляемъ съ нимъ вмѣстѣ.
Позволь мнѣ явиться къ тебѣ какъ къ невѣстѣ.
Тогда мы поправимъ что сдѣлали золъ
Враги нашей страсти: судьба и соколъ.

⁂

Какъ прочелъ Король записку,
Подошелъ онъ ко столу,
Написалъ письмо къ Донъ Дьегу
И тайкомъ ему послалъ.
Какъ письмо увидѣлъ Родригъ,
« Нѣтъ, » сказалъ онъ, « Богъ свидѣтель
« И святая Божья Мать,
« Одного тебя, родитель,
« Не пущу я во дворецъ. »

8.

На Кастилію напали
Пять Срациновъ королей:
Мечь, огонь, опустошенье,
Смерть предъ ними потекла.
Ужъ за Бургосомъ далеко
Монтедока, Бельсорадъ,
Санъ-Доминго и Нахара,
Вся земля раззорена.
Мавры гонятъ въ ней толпами
Христіянъ, мужчинъ и женщинъ
И дѣтей и скотъ и все;
Старый плачетъ, малый воетъ:
« Ахъ! куда насъ всѣхъ ведутъ? »
Мавры собрали добычу,
Съ ней уйти уже хотятъ,
Ибо не было имъ встрѣчи,
Самъ Король не встрѣтилъ ихъ.
Но въ своемъ Биварскомъ замкѣ
Свѣдалъ Родригъ ту бѣду;
Двадцать лѣтъ ему не вступно,
Но душой онъ зрѣлый мужъ.
Конь его слылъ Бабіеца;
Какъ возсѣлъ онъ на него,
Словно Богъ на колесницу,
И пустился разъѣзжать;
Своего отца вассаловъ

Всѣхъ онъ созвалъ, и повелъ
Вплоть до самой Монтедоки;
Тамъ дождался враговъ.
Царь небесный! тутъ изъ Мавровъ
Не ушло ни одного;
Тѣхъ же, что вели толпами,
Христіянъ, мужчинъ и женщинъ,
Всѣхъ онъ обернулъ домой.
А въ подарокъ Донъ Фернанду
Добрый Родригъ отослалъ
Полоненныхъ на сраженьи
Пять Срациновъ королей.

9.

Донъ Фернандо на престолѣ
Судитъ подданныхъ своихъ;
Тѣхъ за дѣло награждаетъ,
Тѣхъ казнитъ онъ за вину:
Вѣдь нигдѣ не льзя народу
Жить безъ казни и наградъ.
Въ длинномъ черномъ покрывалѣ,
Съ нею триста вѣрныхъ слугъ,
Шла почтительно Химена
Чтобъ судиться къ Королю;
Стала на одно колѣно
У престола на ступень.
Дочь великаго Гормаса
Жалуясь сказала такъ:
« Полгода минуло нынѣ,
« Полгода, о Государь,
« Съ дня того какъ юный воинъ
« Моего отца убилъ.
« Въ пятый разъ меня ты слышишъ,
« А четыре обѣщалъ
« Помощь словомъ королевскимъ,
« Правосудіе и месть:
« Я досель ихъ жду напрасно;
« Юнъ и дерзокъ и надмѣнъ,
« Надъ законами смѣется
« Сидъ Донъ Родригъ де-Биваръ.

« Государь! и ты все терпишъ,
« Ты; и если бъ кто другой
« Смѣлъ вредить ему, я знаю,
« Зломъ воздалъ бы ты ему.
« Добрые цари на свѣтѣ
« Образъ Божій, злой же Царь
« Службы вѣрныхъ слугъ не помнитъ,
« Въ подданныхъ родитъ вражду,
« Гнѣвъ и ненависть, отъ коихъ
« Плодъ отчаянье и плачь.
« Государь, о всемъ подумай,
« И прости мнѣ сиротѣ,
« Коей жалобы невольно
« Возстаютъ тебѣ въ укоръ. —
« Что ты молвила, прощаю »
Отвѣчалъ Король, « Химена,
« Только далѣе не смѣй.
« Родрига тебѣ я прочу.
« Нынѣ смерти ты ему,
« Скоро щастія и жизни
« Будешь отъ меня просить. »

10.

Не бывало громче славы
Славы Родрига, когда
Пять онъ королей Сарациновъ,
Мавровъ изъ Мореріи,
Въ трудной битвѣ полонилъ.
И какъ взялъ со всѣхъ онъ клятву
Впредь служить и дань платить,
Ихъ на родину обратно
Всѣхъ онъ вмѣстѣ отпустилъ.
Долгихъ семь годовъ уплыло.
Твердъ въ намѣреньи своемъ,
Донъ Фернандъ взялъ городъ крѣпкій,
Покорилъ Коимбру городъ
Съ башнями и со стѣной;
Посвятилъ въ немъ Матери Божьей
Богатѣйшую мечеть;
Въ семъ священномъ Родригъ храмѣ
Бдѣнье рыцарства свершилъ.
Королевскими руками
Опоясанъ онъ мечемъ,
И сама же Королева
Подвела ему коня,
А Инфанта Дон-Уррака
Вздѣла шпоры на него:
« Матушка, ахъ что за рыцарь!
« Не видала я такихъ.

« Я завидую креспьянкѣ,
« Что упрека не боясь,
« Въ низкомъ званіи, свободно
« Можетъ на него смотрѣть,
« Смѣетъ имъ налюбоваться;
« Но щасшливѣе жена,
« Мать которую красавцу
« Ненаглядному вручитъ. »
Такъ Царевна говорила;
Только не изъ алыхъ устъ,
А въ груди ея безмолвной
Сердце молвило слова.

11.

« Родригъ, благородный рыцарь!
« Молодъ, храбръ ты и уменъ:
« Накажи тебя Создатель.
« Сердце ты мое сгубилъ,
« Смѣлый юноша, не взпомнивъ
« Ни кто я, ни кто ты самъ.
« Городъ ты плѣнилъ осадой,
« Пять Срациновъ королей
« Побѣдилъ и вергъ въ оковы,
« Въ ранней юности своей
« Гордаго убилъ Гормаса:
« Чѣмъ же такъ гордиться тутъ?
« Рыцарь, всѣ Гишпанцы тоже,
« Больше сдѣлать могутъ всѣ.
« Ты родился благороденъ,
« Долгъ твой хвальныя дѣла;
« Кто лишь долгъ свой изполняетъ,
« Въ чемъ ему быть благодарнымъ?
« А хоть было бъ въ чемъ, то знай:
« Этотъ долгъ не мой, а развѣ,
« Развѣ моего отца.
« Если бѣдностью съ тобою
« Я кажуся и равна,
« Царскимъ я своимъ рожденьемъ
« Много отъ тебя ушла.
« Отъ того бываютъ бѣдны

« Дщери царскія всегда,
« Что ихъ крови благородство
« Выше всѣхъ богатствъ земныхъ:
« Не порокъ во мнѣ и бѣдность,
« Болѣ чести мнѣ отъ ней.
« За богатство ты Химену
« Любишъ, это знаю я;
« Нѣтъ, не правда, не хочу я,
« Родригъ, на тебя солгать;
« Ею ты любимъ: Богъ съ вами!
« Право, мнѣ и нужды мало
« Любитъ ли Химену Сидъ.
« Дочери богатой Графа,
« Мѣлкой рыцарь, ты и радъ;
« Я бѣдна: на что алмазу
« Быть въ окладѣ золотомъ?
« Ты хорошъ: Нарциссъ былъ краше;
« Мудръ: мудрѣе Саломонъ;
« Благороденъ: ихъ и много;
« Храбръ: въ Гишпаньи никогда
« Трусы, Родригъ, не родятся;
« Ты богатъ: есть тьма глупцовъ;
« Тожъ богатыхъ; вышелъ въ славу:
« Сколько славилось людей,
« Отжили свой вѣкъ, и всѣми
« Позабыты на всегда.
« Зеркало твое солгало
« Будто въ свѣтѣ краше нѣтъ,

« Посмотрись въ мое, увидишь
« Что напрасно былъ такъ гордъ.
« Прочь! иди къ себѣ подобнымъ,
« Рыцарь, прочь! и на царевну
« Лишь съ почтеніемъ взирай. »
Такъ ревнивая царевна
Дон-Уррака рѣчь вела;
Слушалъ Сидъ, но ей ни слова:
Зналъ любовь ея къ себѣ.
И какъ кончила Инфанта,
За иголку принялась:
Вышить шарфъ ему прекрасный,
Хоть онъ даже не просилъ.

12.

Во цвѣтущій мѣсяцъ Пасхи,
Какъ сѣдая вновь земля
Старой Феи видъ мѣняетъ
Въ образъ Нимфы молодой,
Въ красной Бургоса долинѣ
Съ знатью и со всѣмъ дворомъ
Выѣзжалъ король Кастильскій,
Донъ Фернандо, на гульбу.
Изо всѣхъ своихъ придворныхъ
Взялъ онъ Родрига съ собой,
И повелъ къ ручью, чрезъ поле
Льющемусь какъ серебро;
У ручья съ нимъ слово молвилъ.
Всѣ ихъ видѣли очьми,
Но никто не слышалъ ухомъ
Въ чемъ бесѣда ихъ была:
« Рыцарь, » молвилъ онъ, « любезный,
« Молодъ ты, и сердцемъ храбръ;
« Только мало жилъ на свѣтѣ,
« А объ женщинахъ понятья
« Не имѣешъ ты совсѣмъ.
« Страсть ихъ въ томъ чтобъ править нами,
« Часто и успѣхъ притомъ:
« Часто женщинѣ мы орудье;
« Лучшимъ предпріятьямъ мужа
« Можетъ повредить жена.

« Грѣхъ, а часто въ мысль приходитъ,
« Будто на свой бѣлый свѣтъ
« Богъ затѣмъ и создалъ женщинъ,
« Что бы ими и за нихъ
« Мы все дѣлали, онѣ же
« Оставались въ сторонѣ.
«Молодцу, какъ ты, знать женщинъ
« Очень нужно, всѣхъ другихъ
« Мудренѣе ихъ наука;
« Только не пускайся въ даль,
« Чтобъ съ тобою не случилось
« Такъ какъ съ древнимъ мудрецомъ:
« Онъ хотѣлъ извѣдать море,
« Да и бросился во глубь.
« Тайна въ томъ чтобъ знать ихъ силу
«Надъ душою ихъ мужей;
« Въ нихъ засѣла эта тайна
« Такъ глубоко, что самъ Богъ
« Не всегда ее проникнетъ;
« И какъ придетъ судный день
« И все скрытое откроетъ,
« Чаю, женщинъ всѣхъ найдетъ
« Богъ съ пороками одними,
« Правыхъ всѣхъ и виноватыхъ:
« Такъ душа у нихъ темна.
« Разница, мой другъ, большая
« Между мужемъ и женой,
« Вся въ ея однако жъ пользу:

« Знаешъ ли ты отъ чего?
« Мужъ идетъ своей дорогой,
« А жена сидитъ и ждетъ;
« Онъ задумалъ такъ, а выйдетъ:
« Надо сдѣлать по ее.
« Видишъ ли, летаетъ птичка
« По деревьямъ, по сучкамъ,
« И стрѣлка какъ будто манитъ,
« А схватить себя не дастъ?
« Словно бы ему въ насмѣшку
« Щиплетъ лучшіе плоды;
« Видитъ что стрѣлокъ отлошный
« Взять забылъ съ собой ружье.
« А когда же противъ женщинъ
« Мы умѣемъ вооружиться?
« Такъ и манятъ насъ онѣ.
« Тутъ ничѣмъ не охранишся,
« Участь всякому одна;
« Юноша, совѣтъ разумный:
« Не жениться никогда. »
Такъ Король велъ съ Сидомъ слово,
Онъ хотѣлъ его развѣдать;
Слушайте что Сидъ сказалъ.

13.

Какъ замолкъ король Фернандо,
Сидъ ему тутъ слово молвилъ
У сребристаго ручья:
« Государь, я правда молодъ
« Старую премудрость знать;
« Но понять законы чести,
« Какъ ни молодъ, все могу.
« Я рожденъ отъ доброй крови,
« Съ дѣтскихъ лѣтъ ученъ добру;
« Честь гласитъ мнѣ: Благородный
« Долженъ родъ свой сохранить;
« Долженъ онъ служить отчизнѣ
« И совѣтомъ и рукой,
« Помнить вѣру, Государю
« Въ нуждѣ правдой помогать;
« А затѣмъ свой родъ и имя
« Твердо въ землю вкоренить,
« Чтобъ взросло оно, и каждый
« Оперѣться могъ на немъ;
« Долженъ родинѣ и церкви
« Чадъ достойныхъ подарить:
« Такъ я думаю, жениться
« Мнѣ велѣла честь сама.
« Кто союзъ отвергнулъ брачный,
« Тотъ измѣнникъ, Государь;
« Ни святой не помнитъ вѣры,

«Ни примѣра праотцевъ;
«Разрываетъ узы чести,
«Съ цѣлымъ обществомъ союзъ.
«Строго онъ за то наказанъ:
«Какъ онъ родомъ пренебрегъ
«Такъ и имъ пренебрегаютъ,
«Всѣмъ онъ въ свѣтѣ безполезенъ,
«Предковъ имени позоръ.
«Что жъ до власти женщинъ въ домѣ,
«Государь, тебѣ всю правду
«Я какъ думаю скажу.
«Власть ихъ та какую слуги
«У дурныхъ берутъ господъ,
«Если тѣ имѣютъ нужду
«Скрыть чрезъ нихъ свои дѣла;
«Кто же чистъ и правъ, тотъ силенъ,
«Не боится никого.
«Въ чести вовсе не возможно
«Мужу слушаться жены,
«И совѣтъ ихъ тутъ не нуженъ:
«Знай онѣ въ весельи жить.
«Пусть ихъ въ мѣлочахъ и правятъ,
«Даже въ нихъ онѣ умнѣй
«Чѣмъ мужчины наша братья.
«Такъ я думалъ, Государь;
«Ты сказалъ, и я согласенъ:
«Всѣ онѣ одна душа,
«Всѣ ни къ чорту не годятся,

« Если мужъ у нихъ дурной.
« Въ этомъ конный я и пѣшій
« Радъ стоять противу всѣхъ;
« Но и въ томъ, что въ ихъ порокахъ
« Мужъ всѣхъ больше виноватъ.
« Чтобы кончить намъ бесѣду,
« Просьба есть мнѣ, Государь:
« Дочь у Гормаса осталась;
« Я съ ней въ бракъ вступить хочу,
« И на оный позволенья
« Королевскаго прошу. »
Такъ нашъ Сидъ и Донъ Фернандо
И разстались другъ съ другомъ
У сребристаго ручья.

14.

Родригъ.

Въ полночь тихую, когда
Всѣ почіютъ отъ труда;
Но любовь не спитъ одна:
(Ей и горести нѣтъ сна),
Встань, Химена, жизнь моя,
Отвори мнѣ: это я.

Химена.

Въ полночь тихую, когда
Не почіютъ отъ труда
Горести мои однѣ,
Кто стучится въ дверь ко мнѣ?

Родригъ.

Берегись: врагъ можетъ злой
Здѣсь подслушать насъ съ тобой.
Громко такъ не говори,
Встань, и спѣшно отвори.

Химена.

Молви прежде мнѣ: кто ты.
Дверь нещастной сироты
Отворить въ ночную тьму,
Должно знать сперва: кому.

Родригъ.

До сего ль, Химена, дня
Ты не узнаешъ меня?

Химена.

Родригъ, нѣтъ, я узнаю.
Ты сгубилъ всю жизнь мою,
Ты сгубилъ насъ до конца,
Чрезъ тебя мнѣ нѣтъ отца.

Родригъ.

Честь пролить велѣла кровь:
Ссоритъ честь, миритъ любовь.

Химена.

Удались, мнѣ скученъ свѣтъ,
Мнѣ на немъ отрады нѣтъ.

Родригъ.

Сердце мнѣ свое отдай,
И всѣмъ скорбямъ будетъ край.

Химена.

Межъ отца и межъ тебя
Раздѣлить могу ль себя?

Родригъ.

Да, любовь всему помочь
Можетъ.

Химена.

Родригъ, добра ночь.

15.

Взялъ опъ Родрига съ Хименой
Слово вѣрное Король:
Чтобъ отнюдь не оставаться
Никакой у нихъ враждѣ,
Чтобъ любовью помириться,
И чтобъ Лаинъ-Кальво ихъ,
Архирей благочестивый,
Въ Божьей церкви обвѣнчалъ;
А чтобъ златомъ и землею
Равенъ былъ Хименѣ Сидъ,
Вальдуерну, и Сальданью,
Бельсорадъ, и монастырь
Петръ Апостолъ де Кордонья,
Подарилъ ему Король.
Какъ на славу, въ день ихъ свадьбы
Солнце красное взошло.
Родригъ, снявъ съ себя оружье,
Вмѣстѣ съ братьями своими
Наряжаться къ свадьбѣ сталъ:
Порты тонкія валонски,
Съ алой прошвой башмаки
Тонкой кожи, и двѣ ленты
Плотно ихъ узломъ скрѣпляли
Вкругъ красивыя ноги.
Узкой и безъ отворотовъ
Онъ надѣлъ потомъ камзолъ,

И кафтанъ атласный черный
О раздутыхъ рукавахъ:
Хоть отцемъ онъ былъ поношенъ,
Да не много; на атласъ
Ловко падалъ съ плечь лосинный
Мягкій продѣвной колетъ.
Сѣтку съ шелкомъ золотую
Повязалъ на волоса;
А на тонкой черной шляпѣ
Изъ Фламандскаго сукна
Превысоко колыхалось
Красноцвѣтное перо.
Весь обшитъ внизу прекрасно,
Плащь доходитъ до колѣнъ;
На плечахъ опушка: бѣлый
Чернохвостый горностай.
А Тидзона, мечь сердитый,
(Всѣхъ Сарациновъ онъ гроза),
Чернымъ бархатомъ привязанъ
Къ поясу изъ серебра;
Близь него искусно сложенъ,
Тонкій бѣлый платъ висѣлъ.
Такъ нашъ Сидъ, одѣтъ нарядно,
Вмѣстѣ съ братьями своими
Въ церковь Божію пошелъ.
И Король тамъ, и Епископъ,
И придворныхъ тьма господъ,
И невѣста, всѣ ужъ ждали.

Чинно тамъ стоитъ Химена:
Изъ прозрачнаго холста
Платье, все кругомъ обшито
Тонкимъ Лондонскимъ сукномъ.
Съ верьху до низу красиво,
Въ пору ей оно и въ ростъ;
Обувь цвѣтная какъ розы,
Королевою стоитъ.
А на шеѣ ожерелье,
Восемь камней дорогихъ:
Городъ цѣлый ихъ не купитъ;
И на лучшемъ изо всѣхъ
Вырѣзанъ святой былъ образъ:
Михаилъ Архистратигъ.
На груди висѣли бѣлой
И алмазы и жемчугъ.
И пошли женихъ съ невѣстой
Въ церквѣ Божьей къ олтарю.
Подалъ Сидъ Хименѣ руку,
На нее взглянулъ съ любовью,
И пристойно ей сказалъ:
« Я честнаго человѣка
« Къ горю отнялъ у тебя:
« Такъ мнѣ честь и долгъ велѣли.
« Нынѣ жъ возвращаю вновь;
« И чего ты съ нимъ лишилась,
« Друга, ближняго, отца,
« И слугу, найдешъ все вмѣстѣ

« Въ мужѣ ты своемъ, во мнѣ »
Изъ ноженъ мечь смѣлый вынулъ,
Поднялъ къ небу остріемъ:
«Пусть,» сказалъ онъ, « Богъ накажетъ,
« Если клятвы не сдержу:
« И любить тебя всѣмъ сердцемъ
« И во благѣ содержать.
« Лаинъ Кальво, другъ почтенный,
« Намъ пора, благослови. »

16.

Отъ вѣнца изъ церкви Божьей
Дивный двинулся ихъ ходъ:
Родригъ впереди съ Хименой,
Съ нею рядомъ важно шелъ
Самъ Король за ихъ отца,
Подлѣ жъ Родрига почтенный
Лаинъ—Кальво Архирей,
А за ними длиннымъ рядомъ
И другіе Господа.
Праздничные вновь вороты
Къ свадьбѣ сдѣланы нарочно,
Ими во дворецъ вошли.
Улицей повсюду въ окнахъ
Все развѣшаны ковры,
А травою и цвѣтами
Вся усыпана земля.
До дворца отъ самой церкви
Съ пѣснями бѣжалъ народъ;
Съ бубнами, съ колоколами,
Съ возклицаньемъ провожалъ.
Альваръ—Фанецъ, (онъ у Сида
Другъ былъ первый изъ друзей)
Слугъ за нимъ бѣжало пропасть;
Самъ украшенный рогами
Шелъ одѣтый онъ быкомъ.
Антолинъ, ѣздокъ искусный,

Ѣхалъ на ослѣ верьхомъ.
Пелаецъ, большой потѣшникъ,
Несъ съ горохомъ пузыри
И бросалъ во весь народъ.
Помиралъ Король со смѣху,
И Пажу, который дамамъ
На смѣхъ чорта представлялъ,
Насмѣшилъ и напугалъ,
Далъ онъ горсть мараведисовъ
Между черни разкидать.
Самъ Король за праву руку
Велъ Химену ко дворцу;
Встрѣчу вышла Королева,
И придворные за ней;
Какъ ни весело шло прежде,
Веселѣй еще пошло.
Сыпали изъ окнъ пшеницы
Такъ, что въ шляпу Королю
И за пазуху Хименѣ
Тьма насыпалася зернъ;
И по зернушку все вынулъ,
И въ присутствѣ Королевы,
У Химены самъ Король.
Какъ завидѣлъ Альваръ-Фанецъ,
Такъ и заревѣлъ быкомъ:
« Голова не такъ завидна
« Какъ рука у Короля. —
« Четверикъ ему пшеницы

« Дать ,» сказалъ Король , » а ты
« Обойми его , Химена ;
« Онъ изрядно подшутилъ. »
Всюду шумное веселье ;
Лишь въ Химениной душѣ
Нѣтъ его : въ великомъ щастьи
Радость къ сердцу не дойдетъ ;
Всѣ шумятъ , она ни слова :
Ей и словъ ужъ не найти.

17.

Папа Викторъ на престолѣ
Сѣлъ Апостола Петра,
А Нѣмецкій императоръ
(Гейнрихъ имянемъ былъ Кесарь)
Съ жалобой къ нему предсталъ:
« Бью челомъ, отецъ священный,
« На Фернанда, короля
« И Кастильи и Леона.
« Христіянство все меня
« Признаетъ своимъ владыкой;
« Онъ одинъ меня не чтитъ,
« И платить не хочетъ дани:
« Ты принудь его, отецъ,
« Къ сохраненію какъ вѣры
« Такъ и власти обоихъ. »
И послалъ указъ съ угрозой
Викторъ Папа къ Королю:
« На тебя въ походъ крестовой
« Людямъ всѣмъ велю пойти,
« Иль пришли съ покорствомъ дани
« Нѣмцу Кесарю и мнѣ. »
Долго, долго думалъ думу
Нашъ Кастиліи король;
Онъ разчитывалъ опасность
Если дѣло вдаль пойдетъ.
Всѣ совѣтники сказали:

« Надо силѣ уступить. »
Только Сидъ, а онъ въ то время,
Время первое любви,
Нѣжился съ своей Хименой,
Но какъ вѣсть къ нему дошла,
Къ Королю пошелъ поспѣшно,
Далъ такой ему совѣтъ:
« Въ горькой часъ бы ты родился,
« Государь, себѣ и намъ,
« Если бъ живъ пока, другому
« Волю далъ въ своей землѣ.
« Не бывать тому вовѣки.
« Слава Богу, мы въ живыхъ;
« А за честь твою вступиться
« И чужимъ не выдавать
« Долгъ нашъ, всѣ тебѣ мы слуги;
« Кто же далъ совѣтъ иной,
« Либо онъ судилъ не здраво,
« Либо славы врагъ твоей.
« Вызови грозить кто смѣетъ:
« Вызовъ дѣло короля,
« А война есть наше дѣло;
« Вызови, и волю дай.
« Взпомни, Государь, подумай,
« Мы Кастилію тебѣ,
« Мы достали, не жалѣя
« Жизни, денегъ, ни труда;
« Я умру, а не позволю

« Чтобы рой чужихъ шмелей
« Нашу разхищалъ добычу,
« Нашихъ ѣлъ плоды побѣдъ:
« Дай за даромъ имъ хоть столько,
« Мало будетъ имъ всего. »
И повелъ нашъ Сидъ войною
Десять тысячь молодцовъ:
Съ ними Альпы перешелъ.
Графъ Раймондъ его Савойскій
Встрѣтилъ съ множествомъ коней;
Только Сидъ разбилъ ихъ въ полѣ,
Графа самаго плѣнилъ,
И лишь выпустилъ на волю
За младую дочь въ обмѣнъ:
Изо всѣхъ красавицъ чудо;
Полюбилась Королю,
Сына прижили, и послѣ
Былъ онъ церкви Кардиналъ.
И король Французскій тоже
Рать на Сида высылалъ,
Да ее какъ бы не стало;
Родригъ же съ своей дружиной
Какъ въ Италію вошелъ,
Вотъ и Папа вдругъ и Кесарь
Шлютъ къ Фернанду королю,
И ни слова нѣтъ объ дани,
Лишь бы Сида воротилъ.
И пришелъ нашъ воевода

Побѣдителемъ назадъ;
Съ похвалами праву руку
Донъ Фернандъ къ нему простеръ:
Въ честь была и въ радость Сиду
Благодарность Короля.

18.

Въ крѣпкомъ городѣ Заморѣ
Проживалъ Король съ дворомъ,
Какъ пришли туда отъ Мавровъ
Къ Сиду Родригу послы.
Тѣхъ пословъ къ нему прислали
Пять Сарациновъ королей,
Коихъ онъ плѣнилъ въ сраженьи;
Дань съ собою привезли.
Сто коней, и все Арабскихъ:
Двадцать бѣлыхъ такъ какъ снѣгъ,
Двадцать съ яблоками сѣрыхъ,
Тридцать рыжихъ, тридцать карихъ.
Каждый конь покрытъ ковромъ
Пребогатымъ, и на каждомъ
Пребогатая узда.

А женѣ его Хименѣ
Камней дорогихъ уборъ:
Два прекрасныхъ гіацинта,
И сундукъ съ шелковой тканью,
Чѣмъ бы слугъ ей нарядить.
И съ почтеньемъ какъ вассалы
Подошли они къ нему:
« Государь нашъ Сидъ, » сказали; —
« Вы ошиблися, друзья, »
Молвилъ Сидъ, » гдѣ проживаетъ
« Мой король, я самъ вассалъ;
« Дань не мнѣ, ему несите:
« Что мое, то все его. —
« Васъ пославшимъ донесите »
Молвилъ тутъ Король, « что онъ
« Хоть не царь, съ царями равенъ.
« Всѣмъ я долженъ одному
« Вѣрному слугѣ и другу,
« Сиду вашему, ему. »
И послы какъ возвращались,
Другъ со другомъ удивлялись:
Кто вассалъ и кто король?

19.

Съ нетерпѣньемъ ждетъ Химена
Въ свѣтлыхъ гридницахъ своихъ,
Все по Родригѣ тоскуетъ.
Ей родить приходитъ часъ,
Часъ и сладкій и опасный,
И какъ ей твердитъ надѣжда,
Жизни лучшая пора.
Разъ по утру въ день воскресный
Боль подъ сердце подошла,
И горючи заструились
Слезы по бѣлу лицу.
За перо взялась со стономъ,
Много жалобъ написала,
Жалобъ нѣжныя любви
Съ просьбой къ мужу молодому:
Какъ бы просьбамъ не тронуть!
Только честь въ немъ ревнивое
Въ крѣпкій камень привела.
За перо опять взялася;
Съ новой жалобой письмо
Пишетъ къ первому на свѣтѣ,
Къ Государю самому:
« Мудрый, милостивый, славный,
« Справедливый Государь,
« Вамъ покорная Химена
« Бьетъ челомъ на Васъ самихъ.

« Вы не въ правду, развѣ въ шутку,
« Волей Вашей королевской
« Замужъ выдали меня.
« Молодой жены на свѣтѣ
« Нѣтъ, кто бъ замужемъ была
« Такъ какъ я; и не гнѣвитесь,
« Государь: вина на Васъ.
« Я пишу къ Вамъ изъ Бургоса,
« Гдѣ живу, и жизнь кляну,
« И на Васъ огнемъ дышу:
« Гдѣ въ заповѣдяхъ Господнихъ
« Право королю дано,
« Чтобъ такъ часто и на долго
« Онъ супруговъ разлучалъ?
« Въ похвалу ли чести Вашей:
« Ласковаго, молодаго,
« И достойнаго любви
« Мужа, сдѣлать мнѣ сердитымъ,
« Страшнымъ, неприступнымъ львомъ?
« День и ночь, полгода ровно
« Службу онъ несетъ у Васъ,
« И едва, едва въ годъ цѣлый
« На день свидится съ женой.
« Пріѣзжаетъ онъ, обрызганъ
« Кровью до копытъ коня;
« Я приму его въ объятья,
« Онъ усталый въ нихъ заснетъ.
« Ночь, какъ бѣшеный, всю бредитъ:

« Битвы, драки, и едва
« Въ небѣ тьмой еще покрытомъ
« Слабый лучь блеснетъ зари,
« Не взглянувши на Химену,
« Спитъ ли бѣдная, не спитъ,
« Всталъ, пошелъ. Великій Боже!
« Сколько слезъ мнѣ стоилъ онъ!
« Обѣщалъ не только мужемъ,
« И отцемъ мнѣ быть, и всѣмъ;
« Ничего мнѣ не осталось,
« Нѣтъ ни мужа ни отца.
« Чести ль Вы ему хотите,
« Государь? что въ ней ему?
« Онъ давно любимецъ славы;
« Пухъ не выросъ на щекахъ,
« А въ плѣну его ужъ были
« Пять Сарациновъ королей.
« Государь, настанетъ вскорѣ
« Мнѣ опасный мигъ родинъ,
« И тогда дойдутъ къ Вамъ вѣсти;
« Только я боюсь, что слезы
« Пролитыя объ отцѣ,
« Много сдѣлали младенцу
« Въ чревѣ матери вреда.
« Будьте жъ мнѣ отцемъ, скажите
« Все что на сердцѣ у Васъ:
« Возвратите ли супруга,
« Иль хотите чтобы сынъ

« Воеводы вашихъ силъ,
« Первенецъ его родился
« Сиротою безъ отца?

P. S.

« Государь, еще къ Вамъ просьба:
« Бросьте Вы письмо въ огонь,
« Чтобъ въ придворныхъ злые люди
« Не смѣялись надо мной.
« Вмѣсто мужа молодаго,
« Не забудьте, Государь,
« Нынѣче спитъ со мною рядомъ
« Только старая свекровь.»

20.

Утромъ рано въ часъ десятый
Донъ Фернандъ позвалъ писца,
Взялъ бумаги, своеручно
Вывелъ почеркомъ однимъ
Крестъ, четыре точки, имя,
И такой ей далъ отвѣтъ:
« Благородная Химена,
« Посылаемъ къ вамъ поклонъ,
« Милость нашу и почтенье.
« Вы пѣняете на насъ
« За разлуку съ милымъ другомъ:
« Если бъ я его держалъ
« Въ зло другимъ, себѣ во благо,
« Правда ваша бы была;
« Но когда война съ врагами
« У границъ моей земли
« Задержала воеводу,
« Я ли, онъ ли виноватъ?
« Спать не любитъ онъ, и съ вами:
« Это, Дона, изъ письма
« Вашего довольно видно,
« Такъ что я и не боюсь
« Чтобъ вашъ первенецъ былъ точно
« Сиротою безъ отца.
« Что вамъ пользы возвращенье
« Мужа въ домъ свой ускорить?

« И близъ васъ онъ будетъ съ грустью
« Слышать ревъ военныхъ трубъ.
« И не будь онъ воевода,
« Что бъ тогда вы были оба?
« То что всѣ: чета дворянъ.
« Пять онъ королей Срациновъ,
« Правда, въ юности плѣнилъ;
« Но дай Богъ ему плѣнить ихъ
« Пятью пять: тѣмъ меньше будетъ
« Царству нашему враговъ.
« Если жъ, Дона, по желанью
« Вашему, не можетъ онъ
« Скоро быть вамъ возвращенъ,
« Мать пусть дастъ мнѣ позволенье
« Сыну замѣнить отца:
« Имя несть сіе достоинъ
« Я одинъ, какъ вашъ король.
« Ваше сжечь письмо нѣтъ нужды;
« Я казать его намѣренъ
« Всѣмъ насмѣшникамъ къ стыду.
« Моего и вы не жгите;
« Въ немъ рука моя въ залогъ.
« Да, Химена, обязуюсь
« Буде вамъ родится сынъ,
« Двадцать сотъ мараведисовъ,
« Мечь булатный и коня
« Рыцарь приметъ отъ меня.
« Если дочь, со дня рожденья

« Въ годъ изъ царскаго добра
« Сорокъ маркъ ей серебра.
« И за симъ простясь, желаю
« Вамъ, Химена, въ горькій часъ
« Милосердой Мати Божьей
« Осѣненье и покровъ.

P. S.

« Онъ идетъ ко мнѣ, я слышу,
« Славный воевода вашъ,
« И идетъ со мной браниться:
« Для чего не въ полѣ я? »

21.

Щастье, слава, власть, богатство,
Все сокровища земныя
Суть ничто: так на водѣ
Пузырек из капли вскочит,
И изчезнет в тот же миг.
Дон Фернандо, он, великій,
(И не даром прозван так)
Всей Гишпаніи властитель,
Ждет послѣдняго часа.
На одрѣ простертый смерти,
Мысли в вѣчность устремил;
Всѣ он земли, все драгое
Раздѣлил уж по сынам. —
Чей вдруг голос раздается
В опечаленном дворцѣ?
То Инфанты Дон'Урраки
Плачь, рыданіе и стон.
В грустном черном покрывалѣ
Со слезами подошла,
У подножія кровати
На колѣна пред отцем
Пала, и лобзая руку,
Жалобу взнесла к нему:
« Гдѣ, родитель, установлен
« Богом иль людьми закон,
« Чтоб как ты, сынам для пользы

« Безъ наслѣдства кинуть дочь?
« Всѣ ты области и земли
« Между братьевъ раздѣлилъ,
« А меня одну, родитель,
« Дочь свою ты позабылъ.
« Государь, коль такъ, то стало
« Я не дочь твоя: хотя бы
« Незаконной плодъ любви
« Я была, природы голосъ
« Ты бы слышалъ и тогда.
« Если въ чемъ, отецъ владыко,
« Виновата предъ тобою,
« Назови мою вину;
« Если жъ нѣтъ ее, что скажутъ
« О тебѣ въ чужихъ земляхъ?
« Что сказать всѣмъ добрымъ людямъ
« О правдивомъ королѣ,
« Кто для дочери невинной
« Правду при смерти забылъ?
« Въ свѣтъ входя, мужчина сильный
« Средства самъ въ себѣ найдетъ
« Пріумножить достоянье;
« Празднымъ имъ отдать все то
« Что добыть трудами должно,
« Есть, родитель, сыновьямъ
« Не добро, а униженье;
« Но скажи: что можетъ дочь?
« Женщинѣ чѣмъ жить на свѣтѣ?

« Безъ защиты на землѣ,
« Ей осталась въ послушаньи
« И служеніи вся честь.
« Коль отецъ мнѣ не оставитъ
« Ни угла въ землѣ своей,
« Я бѣгу въ чужую землю.
« Тамъ,—прости жестокость слова,—
« Чтобы скрыть какъ ты жестокъ,
« Отъ отца я отрекуся,
« Онъ отрекся жъ отъ меня.
« Такъ и быть, по бѣлу свѣту
« Я скиталицей пойду;
« Жаль моей лишь крови царской:
« Я забыть о ней боюся
« Какъ и самъ забылъ отецъ.»
Такъ съ рыданьемъ и слезами
Дон' Урраки рѣчь лилась.
Кончила; и со вниманьемъ
Отходящаго отца
Ожидали всѣ отвѣта:
Словъ послѣднихъ Короля.

22.

Короля молчать заставить
Может женщина одна.
Донъ Фернандъ, добыча смерти,
Слышитъ дочери укоръ;
Въ немъ еще довольно силы
О надмѣнной воздохнуть,
Но едва, едва достало
На послѣднія слова:
« Если бъ, дочь моя, ты слезы
« Вмѣсто суетныхъ богатствъ
« Объ отцѣ такъ проливала,
« О! тогда бъ душа моя
« Позже съ тѣломъ разлучилась;
« Но когда твой гордый плачь
« У одра моей кончины
« Требуетъ лишь благъ земныхъ,
« Посмотри: я умираю,
« Много ль ихъ возьму съ собой?
« Я хвалю Творца благаго,
« Подкрѣпившаго меня
« Дать отвѣтъ тебѣ, и душу
« Отъ грѣха твою отвесть;
« О своей, надѣюсь твердо
« Что ее Богъ пуститъ въ рай:
« Словъ твоихъ огонь ей вмѣсто
« Очищенья отъ грѣховъ.

« Разсуди сама, и молви:
« Часъ послѣдній, смерти часъ;
« Врядъ ли выбранъ былъ щасливо
« Душу скорбью отягчать.
« Ты завидуешъ, что братьямъ
« Земли роздалъ я однимъ;
« Но забыла долгъ и бремя
« Возложенные на нихъ:
« Долгъ имъ охранять ихъ землю,
« Бремя ею управлять;
« Ты жъ ни въ чемъ не знаешъ нужды.
« Бѣдны братья и съ добромъ,
« Ты жъ безо всего богата;
« Лицамъ, званья твоего,
« Кто сыскать не можетъ равныхъ,
« Никакой и нужды нѣтъ,
« Развѣ вѣкъ отжить спокойно
« Въ монастырской тишинѣ.
« Ты мнѣ дочь, но я стыжуся
« Нынѣ быть твоимъ отцемъ,
« И виню себя въ томъ только
« Что не выучилъ добру.
« Дочь ты матери почтенной;
« Но судя со словъ твоихъ,
« Молокомъ питалась вреднымъ
« У кормилицы дурной.
« Ты грозишъ въ чужую землю
« Убѣжать, о дочь моя!

« Кто словамъ далъ столько воли
« Сбросилъ иго и стыда;
« Такъ, онъ въ сердцѣ ужъ безчестенъ
« Кто безчестнымъ хочетъ быть.
« Но мнѣ легче чтобъ изъ тѣла
« Грѣшный духъ твой излетѣлъ,
« Чѣмъ позоръ почтенной крови
« Видѣть въ дочери моей.
« Я хотѣлъ сперва, чтобъ братья
« Содержали васъ сестеръ;
« Но теперь велю вамъ, дѣти,
« Чтобъ вы всѣ меня равно
« Послѣ смерти поминали,
« Слушайте что вамъ велю:
« Бѣдныхъ васъ я не оставлю
« Послѣ жалобы твоей.
« Родъ вашъ знатенъ, благороденъ,
« Полъ вашъ немощенъ и слабъ;
« И затѣмъ въ удѣлъ Замору,
« Городъ крѣпкій и большой,
« Я дарю тебѣ, Уррака.
« Честныхъ много въ немъ мужей,
« Въ нихъ найдешъ и оборону
« И примѣръ какъ съ честью жить.
« Хоть сестра твоя меньшая
« Не просила ни о чемъ,
« Все равно: тебѣ Замора,
« Торо ей удѣломъ будь.

«Вотъ моя предъ смертью воля;
«Если жъ кто изъ васъ, сыны,
«У сестеръ возьметъ наслѣдство,
«Будь онъ проклятъ отъ отца.»
Всѣ къ словамъ тутъ королевскимъ
Всѣ примолвили: «Аминь!
«Проклятъ кто сестеръ обидитъ!
«Смерть ему и Божья казнь!»
Донъ Альфонзъ и Донъ Гарція
Молвили: «Аминь;» Донъ Санчъ
Тутъ же былъ, смотрѣлъ и слушалъ,
И одинъ изъ всѣхъ — молчалъ.

Стихотворенія

К. Николая Голицына.

ВАКХЪ.

Тебя пою, Семелы сынъ прекрасный!
О Нимфы, скачущи Ниссеи по холмамъ,
Склоните слухъ къ моимъ стихамъ.
Другой да возпоетъ гнѣвъ Греціи злощастный
Пелида равнаго богамъ;
Чадъ Пелопса раздоръ ужасный
Да въ память онъ предастъ вѣкамъ;
Всесильный богъ вина, вселенныя отрада!
Я посвятилъ тебѣ и жизнь и голосъ мой.
Съ увѣнчанной плющемъ главой,
Съ копьемъ увитымъ вкругъ кистями винограда,
Божественный! я всюду за тобой;
Я для тебя живу, и вотъ моя награда:
Ты мнѣ и щастье и покой.

⁂

Въ дарахъ неизчетный
Кивелы сынамъ,
Ты, Вакхъ, искрометный
Льешъ нектаръ богамъ.

Ихъ сокъ виноградной
Въ пирахъ веселитъ;
Изъ чаши отрадной
Безсмертьемъ поитъ.

❋

Твой пламень въ Apeѣ
Жжетъ бранную кровь;
Имъ дышитъ нѣжнѣе
Киприды любовь.

❋

Тобой безобразный
Киклопъ побѣжденъ,
И Фивъ сладкогласный
Тобой вдохновенъ.

❋

Но что за внезапны восторги небесны
Власть бога мнѣ въ чувства влила?
Въ какія долины, лѣса неизвѣстны,
Вдругъ нѣкая сила меня пренесла?
Зрю Вакха и тайны чудесны;
И шумная радость и ужасъ святой
Душой овладѣли;
Въ пещерахъ Ѳракійскихъ Менады не зрѣли
Картины такой.

Сойди къ намъ, Пафоса царица,
На праздникъ бога, чьихъ побѣдъ
На край земли проложенъ слѣдъ,
Гдѣ возрождается денница;
Сойди къ намъ, Пафоса царица,
Душа всѣхъ радостныхъ бесѣдъ!

❋

Любовью и виномъ разженной,
Сильванъ за дѣвой устрашенной
Здѣсь гонится среди луговъ;
А тамъ уснувшему Силену
Льютъ Нимфы сокъ клубящій пѣну
На кудри сребряныхъ власовъ.

❋

Сойди къ намъ, Пафоса царица,
На праздникъ бога, чьихъ побѣдъ
На край земли проложенъ слѣдъ,
Гдѣ возрождается денница;
Сойди къ намъ, Пафоса царица,
Душа всѣхъ радостныхъ бесѣдъ!

❋

Прочь! прочь, народъ непосвященный!
Неволенъ самъ въ себѣ на Оргіи спѣшу;
Вы, слуги Вакха, ликъ избранный, неизмѣнный!

Устройте пиръ, я пѣснь вамъ возглашу,
И день прославимъ вожделѣнный.
Блюдитесь лишь, друзья, чтобъ шумнымъ отъ вина
Вамъ не пришли на мысль раздоры и война:
Пусть Скиѳы бранные, жестоки,
Среди пиршествъ льютъ крови токи;
Кентавра дикаго копье и мечь и лукъ
Да не сквернятъ невинныхъ нашихъ рукъ.

❋

Вражду отгонимъ мы отъ пира,
Ей мѣста нѣтъ у насъ;
Силена, Фавна и Сатира
Пугаетъ битвы гласъ.

❋

Погибни злобный возмутитель
Спокойствія трапезъ;
Нашъ богъ, нашъ добрый Вакхъ, любитель
Веселья, а не слезъ.

❋

Вражду отгонимъ мы отъ пира,
Ей мѣста нѣтъ у насъ;
Силена, Фавна и Сатира
Пугаетъ битвы гласъ.

Но, други, сраженье ли видѣть хотите?
За мною! бѣгите, разите;
Вакханки! увѣйте плющемъ булавы,
Наполните кубки, вѣнчайте главы.
Гдѣ недруги бога? въ смущеніи, въ страхѣ,
Безсильны и къ бѣгству простерлись на прахѣ;
Намъ сила отъ Вакха дана.
Се зрю: винопійцы, бездушныя жертвы,
Лежатъ полумертвы
И плаваютъ въ морѣ вина.

❋

Побѣдою славной
Честь Вакху и намъ:
Хвалися, державной!
Побѣдою славной;
Пьемъ кубокъ заздравной:
Лежачимъ бойцамъ!

❋

Труба золотая!
Вторь лику пѣвцовъ;
Вселенной до края,
Труба золотая,
Греми, величая
Насъ Вакха бойцовъ.

Побѣдою славной
Честь Вакху и намъ:
Хвалися, державной!
Побѣдою славной;
Пьемъ кубокъ заздравной:
Лежачимъ бойцамъ!

ТОРЖЕСТВО ЛЮБВИ.

Небесны дщери Мнемозины,
О Музы! сколько вашъ мнѣ сладостенъ покой.
Здѣсь рощи мирныя, безмолвныя долины,
Болѣзнь и скорбь души врачуютъ тишиной.
Какъ сердцу не забыть мученья
Подъ стройный шумъ волшебныхъ водъ?
Какъ оку зрѣть безъ возхищенья
Вашъ, дѣвы Пинда, хороводъ?
Богини! такъ, у васъ блаженство безмятежно
Сыскало наконецъ убѣжище надѣжно.

Щастливъ стократъ кто отъ пеленъ
Возлюбленъ Музами благими,
Богатъ дарами ихъ драгими,
Ярмомъ страстей не угнѣтенъ.

Онъ славою герою равный,
Идетъ къ безсмертью вмѣстѣ съ нимъ,
И Геликона богъ державный
Вѣнчаетъ лавромъ ихъ однимъ.

Щасшливъ стократъ кто отъ пеленъ
Возлюбленъ Музами благими,
Богатъ дарами ихъ драгими,
Ярмомъ страстей не угнѣтенъ.

***

Но, боги! что вижу? не дивныя ль чары
Видъ придали новый спокойнымъ мѣстамъ?
По бубнамъ и звонкимъ кимваламъ удары
Со смѣхомъ и плескомъ гремятъ по холмамъ;
Утѣхи, роскошно цвѣтами увиты,
И пылкая Юность, и легки Хариты,
Отвсюду стекаются къ намъ.
Не сномъ ли восторженъ ношусь надъ громами?
Земное напрасно ищу подъ ногами,
Надзвѣздное небо отверзлось очамъ.

***

Олимпъ ли низводитъ
На землю Зевесъ?
Злашая ли сходитъ
Киприда съ небесъ?

***

Ликъ дѣвственный Флоры
Льетъ запахъ въ лугахъ;
Свѣтъ новой Авроры
Блеститъ въ небесахъ;

Ѳессальскія горы
Сверкаютъ въ лучахъ.

❋

Олимпъ ли низводитъ
На землю Зевесъ?
Златая ли сходитъ
Киприда съ небесъ?

❋

О Нимфы! кто сей богъ предъ коимъ все склонилось?
Почто сей въ дланяхъ лукъ, повязка на глазахъ?
Едва узрѣлъ его, и сердце вдругъ забилось,
И радость мнѣ, и страхъ.
Но руку онъ простеръ съ улыбкою благою...
Приди, владыко мой, царь смертныхъ и боговъ!
Мнѣ ль враждовать съ тобою?
Владѣй всегда моей душою,
И я въ числѣ твоихъ рабовъ.

❋

Прощайте, Музы! васъ навѣки покидаю.
Свободы, ни даровъ Парнасскихъ не желаю,
Съ веселіемъ любви склоняясь подъ яремъ;
Теперь щастливѣй я, тягчимъ ея цѣпями,
Чѣмъ былъ доселѣ съ вами
Въ холодномъ щастіи моемъ.

Примѣчанія издателя

Ольга, вольный переводъ Бюргеровой *Леноры*, въ первый разъ появилась въ свѣтъ въ 1816-м году: въ С. Петербургѣ въ Сынѣ Отечества, и въ Москвѣ въ Вѣстникѣ Европы. Появленіе *Ольги* послѣ извѣстной всѣмъ *Людмилы* подало поводъ къ жаркому спору въ современныхъ Журналахъ. Защитникъ *Ольги*, покойный А. С. Грибоѣдовъ, весьма кстати при семъ случаѣ обратилъ вниманіе Русской публики на истинный смыслъ Бюргеровой Баллады, столь вѣрно переданный Г. Катенинымъ въ *Ольгѣ*. Антагонистъ его скрылъ себя подъ скромнымъ названіемъ жителя Тентелевой деревни.

2.

Тѣнь Шекспира принадлежитъ къ числу самыхъ неважныхъ Стихотворныхъ произведеній Шиллера, и если сія Пародія изъ XI пѣсни Одиссеи, гдѣ Царь Иѳаки превращается въ Шиллера иИраклъ въ Шекспира, одна изъ всѣхъ Стихотвореній Шиллера переведена на Русскій языкъ Г. Катенинымъ, то конечно выборъ сей должно приписать не Литтературнымъ достоинствамъ подлинника, но изображенному въономъ понятію о новѣйшей Драмѣ Знаменитаго Нѣмецкаго Трагика, который самъ работалъ немало въ новомъ родѣ. Въ семъ отношеніи отрывокъ сей весьма любопытенъ, особенно въ настоящее время, когда родъ Драматической Поэзіи осмѣиваемый Шиллеромъ возникаетъ, кажется, съ новыми успѣхами на всѣхъ театрахъ Европы.

3.

Гораціи, извѣстная всѣмъ Трагедія Корнеля, изъ которой 4-е Дѣйствіе представляется здѣсь публикѣ въ переводѣ Г. Катенина, была въ первый разъ играна на С. Петербургскомъ Театрѣ въ пользу Актера Г. Брянскаго 29-го Октября 1817-го года. Первое Дѣйствіе переводилъ Г. Чепеговъ, второе Г. Жандръ, третіе Кн. Шаховскій. Пятое Дѣйствіе, какъ совершенный hors d'oeuvre, было оставлено вовсе безъ перевода.

4.

Медея, Трагедія Лонжъ-Пьера играна въ первый разъ на С. Петербургскомъ Театрѣ, въ пользу Актрисы Г-жи Семеновой большой, 15-го Маія 1819-го года. Первое дѣйствіе оной было еще прежде переведено Маринымъ и И. А. Озеровымъ, братомъ извѣстнаго Трагика; къ сему первому дѣйствію дополнены: второе Барономъ Дельвигомъ, третіе Г. Гнѣдичемъ, четвертое Г. Катенинымъ, и пятое Г. Поморскимъ.

5.

Романсы о Сидѣ изъ Гердера переведены Г. Катенинымъ еще въ 1822-м году. Существованіе сего перевода было многимъ изъ нашихъ Литераторовъ въ то время извѣстно; наконецъ въ 1830-м было о семъ объявлено и въ Литературной Газетѣ: (N-о 30-й Маія 26-го): по случаю предполагаемаго тогда изданія Стихотвореній Г. Катенина, которое по особымъ обстоятельствамъ замедлилось до настоящаго времени. Между тѣмъ Г. Жуковскій перевелъ также Романсы о Сидѣ и издалъ ихъ въ свѣтъ. Переводъ Г. Катенина потерялъ чрезъ то прелесть новости; но любители поэзіи, незнающіе Нѣмецкаго языка, сличая два перевода, получатъ вѣрнѣйшее понятіе о самыхъ Романсахъ, нежели какое они могли бы имѣть, читая только одинъ. Г. Катенинъ въ переводѣ своемъ не сдѣлалъ никакихъ перемѣнъ послѣ того какъ оный былъ оконченъ въ 1823-м году.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.